Блаженный Августин

Трактаты о различных вопросах (Богословие. Экзегетика. Этика)

(Примечание: некоторые тексты из Писания, приведенные блаж. Августином, отличаются от Синодального перевода)

Оглавление

0	83-x	различных	вопросах	в олной	і книге

Вопрос 1. От себя ли существует душа?

Вопрос 2. О свободном решении (или выбор, или произволение)

Вопрос 3. Виновен ли Бог в том, что человек становится хуже?

Вопрос 4. Какова причина того, что человек становится хуже?

Вопрос 5. Может ли неразумное животное быть блаженным?

Вопрос 6. О зле

Вопрос 7. Что в собственном смысле в одушевленном существе называется душой?

Вопрос 8. Движется ли душа сама по себе?

Вопрос 9. Может ли истина быть воспринята телесными чувствами?

Вопрос 10. От Бога ли тело?

Вопрос 11. Почему Христос родился от женщины?

Вопрос 12. Высказывание некоего мудреца [Фонтея Карфагенского]

Вопрос 13. Какое свидетельство показывает, что люди превосходят животных?

Вопрос 14. Тело Господа нашего Иисуса Христа не было призраком

Boпрос 15. О мышлении (De intellectu)

Вопрос 16. О Сыне Божием

Вопрос 17. О ведении Божием

Вопрос 18. О Троице

Вопрос 19. О Боге и творении

Вопрос 20. О месте Бога

Вопрос 21. Является ли Бог виновником зла?

Вопрос 22. Бог не подвержен необходимости

Вопрос 23. Об Отце и Сыне

Вопрос 24. Находится ли и грех, и праведное деяние в свободном решении воли?

Вопрос 25. О кресте Христовом

Вопрос 26. О различии грехов

Вопрос 27. О Промысле

Вопрос 28. Почему Бог захотел сотворить мир?

Вопрос 29. Есть ли во вселенной нечто высшее или низшее?

Вопрос 30. Все ли создано для пользы человека?

Вопрос 31. Некое высказывание (о добродетелях у Цицерона)

Вопрос 32. Познает ли один некую вещь в большей степени, чем другой, и, таким образом, не идет ли

познание той же самой вещи в бесконечность?

Вопрос 33. О страхе

Вопрос 34. Должно ли любить только лишь отсутствие страха?

Вопрос 35. Что должно любить?

Вопрос 36. О взращивании любви

Вопрос 37. О всегда рожденном

Вопрос 38. Об устроении души

Вопрос 39. О видах пищи

Вопрос 40. Если природа души одна, откуда у людей различные желания?

Вопрос 41. Если все сотворил Бог, почему не сотворил все одинаково?

Вопрос 42. Каким образом Премудрость Божия Господь Иисус был [одновременно] и в утробе

Матери, и на небесах?

Вопрос 43. Почему Сын Божий явился в человеке, а Святой Дух — в голубе?

Вопрос 44. Почему так поздно пришел Господь Иисус Христос?

Вопрос 45. Против «математиков» (астрологов)

Вопрос 46. Об идеях

Вопрос 47. Сможем ли мы когда-нибудь видеть наши мысли?

Вопрос 48. О заслуживающем доверия

Вопрос 49. Почему сыны Израилевы видимым образом приносили в жертву скот?

Вопрос 50. О равенстве Сына

Вопрос 51. О человеке, созданном по образу и подобию Божию

Вопрос 52. О сказанном [в Писании]: «Я раскаялся, что сотворил человека» (См. Быт.6:6-7)

Вопрос 53. О золоте и серебре, которое израильтяне получили от египтян

Вопрос 54. О том, что написано: «Мне же благо прилепляться к Богу» (Пс.72:28)

Вопрос 55. О том, что написано: «Шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц, и девиц без числа»

(Песн.6:8)

Вопрос 56. О сорока шести годах возведения Храма

Вопрос 57. О ста пятидесяти трех рыбах (Ин.21:11)

Вопрос 58. Об Иоанне Крестителе

Вопрос 59. О десяти девах

Вопрос 60. [О словах:] «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын

Человеческий, но только один Отец» (Ср. М.24:36)

Вопрос 61. О том, что Господь, как написано в Евангелии, насытил толпы людей на горе пятью

хлебами (Ср. Ин 6:9-13)

Вопрос 62. О том, что написано в Евангелии, что Иисус крестил больше, чем Иоанн, хотя Сам Он не крестил, но ученики Его (Ср. Ин.4:1-2)

Вопрос 63. О Слове

Вопрос 64. О женщине самарянке (Ср. Ин.4:5-43)

Вопрос 65. О воскрешении Лазаря (Ср. Ин.11:1-45)

Вопрос 66. О том, что написано: Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон

имеет власть над человеком, пока он жив? вплоть до того места, где написано: Оживит и ваши

смертные тела Духом Своим, живущим в вас (Рим 7:1-8:11)

Вопрос 67. О том, что написано: «Ибо я полагаю, что нынешние временные страдания ничего не

<u>стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас», вплоть до сказанного: « Ибо мы спасены в</u> надежде» (Ср. Рим 8:18-24)

Вопрос 68. О том, что написано: «А ты кто, человек, что возражаешь Богу?»

Вопрос 69. О том, что написано: «Тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все» (1 Кор. 15:28)

Вопрос 70. О том, что говорит апостол: «Поглощена смерть победой. Где, смерть, твое усилие? Где,

смерть, твое жало? Жало же смерти — грех, а сила греха — закон» (Ср. 1 Кор. 15:54-56)

Вопрос 71. О том, что написано: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон

<u>Христов» (Гал.6:2)</u>

Вопрос 72. О вечных временах

Вопрос 73. О том, что написано: «И свойством оказался как человек» (Флп.2:7)

Вопрос 74. О том, что написано в послании [апостола] Павла к Колоссянам: «В Котором мы имеем

искупление и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого» (Кол.1:14-15)

Вопрос 75. О наследии Божием

Вопрос 76. О том, что говорит апостол Иаков: «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (Иак.2:20)

Вопрос 77. О страхе, является ли он грехом

Вопрос 78. О красоте изображений

Вопрос 79. Почему чародеи фараона сотворили некие чудеса, подобно Моисею, служителю Божию? (Ср. Исх.7-8)

Вопрос 80. Против аполлинаристов

Вопрос 81. О четыредесятнице и пятидесятнице

Вопрос 82. О том, что написано: «Ибо Господь кого любит, поражает, бьет же всякого сына, которого принимает» (Ср. Евр.12:6)

Вопрос 83. О супружестве, к тому, что сказал Господь: «Если кто отпустит жену свою, за

<u>исключением вины в прелюбодеянии» и прочее (Ср. Мф.5:32)</u>

О 83-х различных вопросах в одной книге

Вопрос 1. От себя ли существует душа?

Все истинное истинно от истины; и всякая душа от того существует как душа, в силу чего она — душа истинная. Итак, у всякой души само ее бытие душой — от истины. Однако душа — это одно, а истина другое; ибо истина вовсе не подвержена заблуждению, а душа часто обманывается. Итак, раз душа от истины, она не от самой себя. Истина же — это Бог. Поэтому Бога имеет душа Творцом своего бытия.

Вопрос 2. О свободном решении (или выбор, или произволение)

Все, что происходит, не может быть равным тому, от кого оно происходит, ведь иначе из природы непременно будет удалена справедливость, которая обязана каждому воздавать свое. Поэтому, когда Бог создал человека, хотя и создал Он его наилучшим, однако не таковым создал, каков был Сам. А тот человек, который благ добровольно, лучше, чем тот, который благ по необходимости. Итак, надлежало дать человеку свободную волю (voluntas libera).

Вопрос 3. Виновен ли Бог в том, что человек становится хуже?

Человек не становится хуже по вине мудрого человека. Ибо это — не малое прегрешение, а, напротив, столь великое, что не может быть оно свойственно никакому мудрому человеку. А Бог превосходит всякого мудрого человека. Следовательно, тем меньше по вине Бога человек становится хуже: ведь воля Божия намного совершеннее [воли] мудрого человека. А когда говорят, что по чьей-нибудь вине, говорят, что и по его воле. Значит, причина того, что человек становится хуже - порочность воли. И если этой порочности, как учит разум, наверняка нет в воле Божией, то следует выяснить: в чем она есть?

Вопрос 4. Какова причина того, что человек становится хуже?

Причина того, что человек становится хуже, находится или в нем самом, или в чем-либо другом, или ни в чем. Если ни в чем, то никакой причины нет. Или же, если ничто понимать таким образом, что человек создан из ничего или из того, что создано из ничего, причина снова будет в нем самом, ибо ничто есть что-то вроде его материи. Если в ком-либо другом, то должно спросить, в Боге ли, или в неком человеке, или же в том, что и не Бог и не человек. Но не в Боге, ибо Бог причина благ. Итак, если в человеке, то [человек становится хуже] или через насилие, или посредством убеждения. Но никоим образом не насилием, чтобы не оказалось, что оно сильнее Бога; ведь Бог настолько совершенным сотворил человека, что, если бы захотел тот остаться наилучшим, ничто противящееся

не могло бы ему помешать. Если же мы согласимся с тем, что человек испортился по убеждению другого человека, то снова должно спросить: сам убеждающий кем был испорчен, ибо не может не быть дурным убеждающий в таковом. Остается нечто неизвестное, что и не Бог и не человек. Но даже и это, чем бы оно ни было, или применило насилие, или убедило. О насилии отвечаем, как выше. Об убеждении же, каким бы оно ни было, отвечаем, что поскольку убеждение не принуждает нежелающего, то к воле самого этого человека восходит причина его порчи, испорчен ли он по чьемуто убеждению или же без всякого убеждения.

Вопрос 5. Может ли неразумное животное быть блаженным?

Живое существо, которое лишено разума, лишено и знания. А никакое живое существо, лишенное знания, не может быть блаженным. Итак, не свойственно непричастным разуму животным быть блаженными.

Вопрос 6. О зле

Все, что существует, или телесно, или бестелесно. Телесное заключается в чувственном виде, бестелесное же — в умопостигаемом. Итак, все, что есть, не существует без какого-либо вида. А там, где есть какой-либо вид, необходимо есть некий способ [бытия], и способ [бытия] есть нечто причастное добру. Поэтому высшее зло не имеет способа [бытия], ибо лишено всякого добра. Значит, оно не существует, так как не заключено ни в каком виде; и само это имя зла целиком происходит от отсутствия вида.

Вопрос 7. Что в собственном смысле в одушевленном существе называется душой?

О душе иногда говорят так, что она мыслится совместно с умом (cum mente), как например, когда мы говорим, что человек состоит из души и тела; иногда же говорят о ней, исключив ум. Но если говорят, исключив ум, то вследствие подобных действий познают душу, общую у нас с животными. Ибо животные лишены мышления, которое является неотъемлемым свойством ума.

Вопрос 8. Движется ли душа сама по себе?

Тот, кто знает о наличии в себе воли, знает, что душа движется сама по себе; ведь когда мы желаем, никто другой не желает в нас. И это движение души в нас произвольно, ибо Бог даровал ему быть таковым. Но это не движение из одного места в другое, подобно движению тела; ибо двигаться пространственно присуще телу. И если душа посредством воли, то есть того движения, которое не пространственно, все же движет свое тело в пространстве, то не является она по этой причине и сама движущейся пространственно. Ибо точно так же мы видим нечто вращающимся при помощи оси на большое расстояние, а саму ось не движущуюся пространственно.

Вопрос 9. Может ли истина быть воспринята телесными чувствами?

Все, чего касается наше телесное чувство, что и зовется чувственно воспринимаемым, изменяется безо всякой задержки времени, как например, когда волосы на голове у нас растут, или склоняется тело к старости, или же расцветает в юности, — все это совершается постоянно и вовсе не перестает совершаться. А то, что не пребывает, не может быть воспринято, ибо воспринимается то, что объемлется знанием; однако невозможно охватить непрестанно меняющееся. Итак, не следует ожидать чистой истины от телесных чувств. Но чтобы кто-нибудь не сказал, что есть нечто чувственно воспринимаемое, что остается всегда одним и тем же, и не предложил бы нам вопроса о солнце и звездах, в отношении которых не легко будет его опровергнуть, то точно нет никого, кто не был бы вынужден согласиться с тем, что нет ничего чувственно воспринимаемого, не допускающего ложного подобия, так что невозможно провести различие [между истинным и ложным]. Ибо, не говоря уже о прочем, даже если все, что мы ощущаем посредством тела, не наличествует в чувствах, мы все равно испытываем воздействие образов этого [так], как будто бы это действительно присутствует, как бывает во сне или в лихорадке. Ведь когда мы испытываем [эти состояния], то вообще оказываемся неспособными различить, ощущаем ли мы нечто чувствами, или это лишь образы чувственно воспринимаемого. Итак, если существуют ложные образы чувственно воспринимаемого, которые самими чувствами не могут быть распознаны [в качестве таковых], а ничего нельзя постигнуть иначе, как отличив это от ложного, то твердого суждения об истине в чувствах нет. Вот почему в высшей степени спасительно призваны мы отвратиться от этого мира, целиком телесного и чувственного, и обратиться со всем рвением к Богу, то есть Истине, воспринимаемой интеллектом и внутренним умом, всегда пребывающей той же самой и не имеющей ложного образа, от которого невозможно было бы ее отличить.

Вопрос 10. От Бога ли тело?

Всякое благо от Бога, все имеющее вид — благо, в той степени, в какой имеет вид, и все, что объемлется видом, имеет вид. А всякое тело, чтобы быть телом, объемлется неким видом. Итак, всякое тело от Бога.

Вопрос 11. Почему Христос родился от женщины?

Бог, если избавляет, не некую часть избавляет, но избавляет целиком все то, чему случилось быть в опасности. Итак, Премудрость и Сила Божия, именуемая Единородным Сыном, когда восприняла человеческую природу, указала на избавление человека. И это избавление человека должно было проявиться в каждом из двух полов. Итак, поскольку приличествовало [Богу] воспринять мужа, ибо этот пол почетнее, то, как следствие, освобождение женского пола проявилось в том, что этот муж был рожден от женщины.

Вопрос 12. Высказывание некоего мудреца [Фонтея Карфагенского]

«Смотрите, — говорит [мудрец], — о несчастные смертные, смотрите, чтобы когда-либо не запятнал это жилище злобный дух, чтобы, примешавшись к чувствам, он не осквернил непорочности души и не помрачил света ума. Незаметно прокрадывается это зло посредством всех чувственных восприятий: проникает в образах, присоединяется к цветам, сопутствует звукам, укрывается в гневе и в обманных речах, подделывается к запахам, примешивается к вкусам и грязью беспорядочного волнения, затемненными расположениями помрачает чувства, неким туманом наполняет все движения познания, которыми луч ума обыкновенно распространяет свет разумения. И поскольку это луч эфирного света, то в нем отражение Божественного присутствия; в нем — Бог, в нем — воля неповрежденная, в нем справедливо сияет награда за деяние. Бог присутствует везде. Но тогда будет

Он вместе с каждым из нас, когда безупречная чистота нашего ума осознает себя находящейся в Его присутствии. Ибо, как зрительная способность глаз, если повреждена она, то все, что не способна увидеть, не считает присутствующим (ведь напрасно присутствующие образы вещей обступали бы глаза, если бы глазам недоставало целостности), точно так же для запятнанных грехом душ напрасно присутствует Бог, нигде не отсутствующий, ибо ослепление ума не может увидеть Его».

Вопрос 13. Какое свидетельство показывает, что люди превосходят животных?

Среди многого, чем можно доказать, что человек разумом превосходит животных, очевиднее всего то, что звери могут быть приручены и укрощены людьми, люди же зверями — никоим образом.

Вопрос14. Тело Господа нашего Иисуса Христа не было призраком

Если тело Христово было призраком, то Христос вводил в заблуждение, а если Он вводит в заблуждение, то Он — не Истина; однако Христос — Истина. Итак, тело Его не было призраком.

Вопрос 15. О мышлении (De intellectu)

Все, что мыслит себя, объемлет себя, а то, что объемлет себя, ограничивает себя; мышление мыслит себя, следовательно, ограничивает себя. И не желает оно быть безграничным, хотя бы и могло, ибо хочет быть познано собой, поскольку любит себя.

Вопрос 16. О Сыне Божием

Бог есть причина всего, что существует; а то, что является причиной всех вещей, есть причина также и собственной Премудрости; и Бог никогда не существует без Премудрости. Итак, Он есть вечная причина Своей вечной Премудрости; и в отношении времени Он не предшествует Своей Премудрости. Наконец, если Богу присуще быть вечным Отцом, так что никогда не был Он не Отцом, то никогда не был Он без Сына.

Вопрос 17. О ведении Божием

Все прошедшее уже не существует, всего будущего еще нет; значит, и прошлое, и будущее целиком отсутствуют. Но нет ничего, что отсутствовало бы у Бога, следовательно, и прошлое и будущее наличествуют у Него, ибо все для Бога есть настоящее.

Вопрос 18. О Троице

Все, что есть, посредством одного удерживается неизменным, посредством другого различается [от

всего прочего], а благодаря третьему согласовывается [с самим собой]. Итак, если все творение в совокупности, во-первых, существует неким образом, далее, в высшей степени отлично от того, что вообще есть ничто, и наконец, согласовывается с самим собой своими частями, то подобает, чтобы и причина его также была тройственной: почему есть, почему является таковым, почему дружественно себе. Но причину творения, то есть Творца, мы называем Богом. Итак, необходимо, чтобы Он был Троицей, лучше, разумнее и блаженнее Которой совершенный разум не может найти. Потому и когда разыскивают истину, также невозможно, чтобы существовало более чем три рода вопросов: есть ли [нечто] вообще, является ли тем или другим, должно ли быть одобрено или осуждено.

Вопрос 19. О Боге и творении

То, что неизменно, вечно; ведь оно всегда существует одним и тем же образом. А то, что подвержено изменению, подвластно времени, поскольку не всегда существует одним и тем же образом и потому не может быть по праву названо вечным. Ибо то, что изменяется, не пребывает, а то, что не пребывает — не вечно. В этом и состоит разница между бессмертным и вечным, ибо все вечное бессмертно, но бессмертное вечным называется не совсем точно, поскольку если бы нечто и всегда жило, но претерпевало бы изменчивость, то не называлось бы вечным в собственном смысле, так как не всегда одинаково; хотя справедливо могло бы быть названо бессмертным, поскольку всегда живет. Однако иногда называют вечным даже и бессмертное. Что же касается того, что претерпевает изменение и, не будучи само душой, из-за присутствия души называется живым, — это вовсе невозможно мыслить бессмертным, и того меньше — вечным. В вечном же, если говорить в собственном смысле, нет никакого прошлого, как если бы оно прошло, и нет никакого будущего, как если бы его еще не было, но какое оно есть, лишь такое и есть.

Вопрос 20. О месте Бога

Бог не находится где-либо. Ибо то, что находится где-либо, содержится местом; то, что содержится местом, есть тело, а Бог — не тело. Следовательно, Он не находится где-либо. И однако, поскольку Он есть и не находится в каком-либо месте, то скорее в Нем находится все, чем Он — где-либо, но не так в Нем, как если бы Он был местом. Ибо место в пространстве — это то, что заполняется длиной, шириной и высотой тела, а Бог не является чем-то подобным. Итак, все в Нем находится, и при этом Он не является местом. Однако храм Божий в несобственном смысле называется местом Бога не потому, что Бог содержится им, но потому, что присутствует в нем. И нельзя представить лучшего храма, чем чистая душа.

Вопрос 21. Является ли Бог виновником зла?

Кто бы ни был причиной всего, что есть, от чьей благости зависит лишь существование всего сущего, к нему не может никоим образом относиться небытие. А все, что ухудшается, отпадает от того, что есть бытие, и направляется к небытию. Быть же и ни в чем не отпадать — это благо, а отпадать — зло. И тот, к кому не относится небытие, не является причиной ухудшения, то есть движения к небытию, ибо он есть причина, так сказать, «бытийствования». Итак, Он причина одного лишь блага, и потому Сам является Высшим Благом. Ввиду этого Творец всего, что есть, не является виновником зла; ибо в какой степени все это есть, в той степени оно благо.

Вопрос 22. Бог не подвержен необходимости

Там, где нет никакого недостатка, нет и необходимости; там, где нет никакого ущерба — нет недостатка. А в Боге нет никакого ущерба, следовательно, и никакой необходимости.

Вопрос 23. Об Отце и Сыне

Все чистое чисто благодаря чистоте, и все вечное вечно благодаря вечности, и все красивое [красиво] благодаря красоте, и все благое — благодаря благу. Значит, и все премудрое [премудро] благодаря премудрости, и все подобное [подобно] благодаря подобию. Но двумя способами чистое называется чистым благодаря чистоте: или потому, что порождает ее, так что оно чисто благодаря той чистоте, которую порождает и началом и причиной бытия которой оно является; или, по-другому, поскольку в силу причастности чистоте является чистым то, что могло некогда быть нечистым. Точно так же должно мыслить и об остальных [качествах]. Ибо или познают, или верят, что душа наследует вечность, но вечной она становится благодаря причастности вечности. А Бог вечен не так, но [вечен], поскольку является создателем самой вечности. Так же можно думать и о красоте, и о благе. Вот почему, когда Бог называется премудрым, и называется премудрым благодаря Своей Премудрости, причем непозволительно веровать, что Он или некогда был или может быть без таковой, — то называется Он премудрым не по причастности премудрости, как душа, которая может и быть, и не быть мудрой, но поскольку Сам породил ту Премудрость, от Которой называется премудрым. Равным образом то, что в силу причастности является или чистым, или вечным, или прекрасным, или благим, или мудрым, может, как было сказано, не быть ни чистым, ни вечным, ни красивым, ни благим, ни мудрым. А сама чистота, вечность, красота, благо, премудрость никоим образом не допускают ни порчи, ни, так сказать, временности, ни безобразия, ни порочности. Поэтому также и то, что в силу причастности является подобным, может воспринять неподобие. Само же подобие никоим образом и ни в какой части не может быть неподобным. Поэтому и выходит, что когда Сын называется «Подобием Отца» (ср.2Кор.4,4; Кол.1,15), поскольку в силу причастности Ему подобно все, что бы ни было подобным или между собой, или Богу (ведь [подобие] есть сам Первообраз, благодаря которому, если можно так сказать, образовано все; и сама Форма, благодаря которой обладает формой все, что есть); то ни в каком отношении [Сын] не может быть неподобен Отцу. Итак, Он есть то же, что и Отец; но так, что один есть Сын, а другой — Отец; то есть один — подобие, а другой — то, подобием чего является первый; и в силу этого [у Них] одна сущность. Ибо если не одна, то подобие допускает неподобие, а возможность, что так случится, отвергнет любой истинный разум.

Вопрос 24. Находится ли и грех, и праведное деяние в свободном решении воли?

Все, что происходит по воле случая, происходит случайно; а все, что происходит случайно, происходит без Промысла. Итак, если нечто в мире происходит по воле случая, то весь мир не управляется Промыслом. Если Промысл не управляет всем миром, то есть некая природа или сущность, не принадлежащая к ведению Промысла. А все, что есть поскольку есть, есть благо. Высшее же Благо — то, в силу причастности Которому существуют все прочие блага. И все, что изменчиво, поскольку есть, является благом; но не само по себе, а по причастности неизменному Благу. В свою очередь, Благо, в силу причастности Которому существуют все прочие блага, не из-за чего-либо иного, но само по себе есть Благо; и его мы также называем Божественным Промыслом. Итак, ничто в мире не происходит по воле случая. Если это установлено, то, по-видимому, следует, что все совершающееся в мире частью совершается по Божественному изволению, частью по нашей воле. Однако Бог гораздо и несравненно лучше и праведнее любого наилучшего и праведнейшего человека. И Он, справедливо правя и руководя вселенной, не позволяет, чтобы какое-либо наказание было наложено на кого-нибудь незаслуженно или чтобы незаслуженно была дана какая-либо награда.

Наказания же достоин грех, а награды достойно праведное деяние; причем ни грех, ни добродетель не могут быть по справедливости вменены тому, кто ничего не делает по своей воле. Итак, и грех, и праведное деяние находятся в свободном решении человеческой воли.

Вопрос 25. О кресте Христовом

Премудрость Божия восприняла человеческую природу для примера, чтобы благодаря этому мы жили надлежащим образом. А праведной жизни способствует, когда мы не боимся того, чего бояться не должно. Смерти же бояться не следует. Итак, надлежало явить это смертью Того Человека, которого восприняла Божия Премудрость. Однако есть люди, которые, хотя и не страшатся самой смерти, но пугаются некоего вида смерти. Однако как самой смерти не должно страшиться, так не подобает хорошо и праведно живущему человеку бояться и некоего вида смерти. Следовательно, и этот [вид] не в меньшей степени надлежало показать посредством Креста Того Человека. Ибо из всех видов смерти не было никакого более проклятого и ужасного, чем этот.

Вопрос 26. О различии грехов

Одни грехи являются грехами слабости, другие — незнания, третьи — злобности. Слабость противоположна силе, незнание — мудрости; злобность — благости. Итак, всякий, кто знает, что есть «Божия Сила и [Божия] Премудрость» (ср.1Кор.1,23-24), может предположить, какие прегрешения простительны. И всякий, кому известно, что есть благость Божия, может предположить, за какие грехи причитается несомненное наказание и здесь, и в будущем веке. Хорошо исследовав это, можно с большой степенью вероятия рассудить, кого не должно понуждать к печальному и полному слез покаянию, хотя они и допускают грехи, и кому вовсе не следует надеяться на спасение, если не принесут они Богу в жертву дух сокрушенный в покаянии.

Вопрос 27. О Промысле

Может случиться, что через дурного человека Божий Промысл и наказывает, и помогает. Ибо нечестие иудеев и их повергло, и для язычников явилось спасением. Точно так же может случиться, что Божий Промысл посредством доброго человека и осуждает, и помогает, как сказал апостол: «Для одних мы запах живительный на жизнь, для других же запах смертоносный на смерть» (2Кор.2,16). Всякое мучение, однако, является или наказанием для грешных, или упражнением для праведных, ибо одно и то же молотило и солому рубит, и извлекает из мякины зерна хлеба, откуда и получило свое имя мучение. С другой стороны, мир и отдых от телесных тягот и добрым дают прибыль, и злых портят. Поэтому все это устраивается Божиим Промыслом сообразно заслугам душ. Однако добрые не избирают для себя служения мучения, и злые не любят мира. Потому и сами те, при помощи которых совершается неведомое им, приобретают не праведность, — ведь она восходит к Богу, — но воздаяние за свою злую волю. Точно так же и добрым не вменяется в вину, если, когда они желают принести пользу, кому-либо наносится вред, но доброму духу воздается награда за благую волю. Так и прочее творение сообразно заслугам разумных душ или познаваемо либо сокрыто, или тягостно либо благоприятно [для них]. Ведь поскольку Вышний Бог всем, что сотворил, прекрасно управляет, нет во вселенной ничего беспорядочного и ничего несправедливого, знаем ли мы об этом или нет. Но отчасти бывает повреждена грешная душа; однако поскольку заслуженно находится там, где и подобает таковой быть, перенося то, что и надлежит таковой переносить, то никакая ее порочность не обезображивает все Царство Божие. Вот почему, поскольку мы не знаем всего того, что прекрасно совершает по отношению к нам Божественный порядок, то лишь в части доброй воли [мы сами] поступаем по закону, а в остальном поступают по закону с нами, тогда как сам закон пребывает

неизменным и всем изменяемым управляет [своим] прекраснейшим руководством. Итак, «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволения» (Лк.2,14).

Вопрос 28. Почему Бог захотел сотворить мир?

Кто спрашивает, почему Бог захотел сотворить мир, спрашивает о причине Божиего воления. Но всякая причина есть производящая. Все же производящее больше того, что производимо. Однако нет ничего больше воли Божией, следовательно, не должно спрашивать об ее причине.

Вопрос 29. Есть ли во вселенной нечто высшее или низшее?

«О высшем помышляйте» (Кол.3,2). Нам предписывается помышлять о том, что является высшим, а именно духовным. Не должно считать это высшим в отношении частей и мест этого мира, но высшим сообразно своему превосходству, чтобы свой дух, посредством которого мы должны отрешаться от мира, не приковывать нам к некой части этого мира. А высшее и низшее находятся в пределах мира. Ибо вселенная сама по себе не имеет высшего и низшего; ведь она является телом, поскольку все видимое есть тело, и нет в теле вселенной ничего высшего или низшего. И в силу того, что, как кажется, движение происходит в шести направлениях (то, которое называется движением правильно, то есть не является круговым), а именно вперед и назад, вправо и влево, вверх и вниз, то нет ничего разумного в том, чтобы, если у тела вселенной нет ничего спереди и сзади или справа и слева, у него было бы нечто сверху и снизу. Но рассматривающие это вводятся в заблуждение тем, что трудно противиться чувствам и привычкам. Ибо не так легко для нас обращение тела, которое оно совершает, если пожелает кто двигаться головою вниз, как легко [обращение, происходящее при движении] из правой в левую или из передней в заднюю часть. А потому, удалив слова, душа должна сама по себе заботиться [о том], чтобы быть в состоянии это познать.

Вопрос 30. Все ли создано для пользы человека?

Как есть различие между почетным и полезным, так есть оно и между тем, чем должно наслаждаться, и тем, чем следует пользоваться. Ибо, хотя можно остроумно доказывать, что все почетное полезно и все полезное почетно, однако поскольку более точно и общеупотребительно называется почетным то, чего должно добиваться ради него самого, а полезным то, что следует соотносить с чем-либо другим, мы будем говорить теперь в соответствии с этим различием, наблюдая тщательно за тем, чтобы почетное и полезное не вступали между собой в противоречие. Ибо обычно неразумно полагают, что они иногда противоречат друг другу. Итак, мы говорим, что наслаждаемся той вещью, от которой получаем удовольствие, а пользуемся той вещью, которую относим к тому, откуда следует получать удовольствие. Потому всякая человеческая испорченность, именуемая также пороком, состоит в том, чтобы желать пользоваться тем, чем должно наслаждаться, и желать наслаждаться тем, чем должно пользоваться. Напротив, всякая упорядоченность, также называемая добродетелью, состоит в том, чтобы наслаждаться тем, чем должно наслаждаться и пользоваться тем, чем должно пользоваться. И наслаждаться должно тем, что почетно, а пользоваться полезным. Тем, что почетно, я называю умопостигаемую красоту, которую в собственном смысле мы именуем духовной, а полезностью -Божественный Промысл. Вот почему, хотя и существует многое видимое прекрасное, которое менее точно называется почетным, однако сама красота, благодаря которой красиво все, что красиво, никоим образом не является видимой. Также и многое полезное видимо, сама же полезность, благодаря которой полезно для нас все, что полезно, именуемая Божиим Промыслом, не является

видимой. Хорошо известно, что именем видимого объемлется все телесное. Итак, подобает наслаждаться невидимой, то есть почетной красотой, однако всякой ли, — это другой вопрос, хотя, пожалуй, следует, чтобы почетным называлось лишь то, чем должно наслаждаться. А пользоваться нужно всем полезным, какое у каждого из этого применение. И не так уж глупо считать, что и животные наслаждаются пищей и каким-либо телесным удовольствием; но пользоваться некоей вещью неспособен никто, кроме живого существа, причастного разуму. Ибо непричастным разуму, да и самим наделенным разумом глупцам не дано знать, что с чем должно быть соотносимо. Притом никто не может пользоваться той вещью, о которой не знает, с чем она должна соотноситься; а знать это никто не способен, кроме мудрого. Поэтому обычно тех, кто не хорошо пользуется чем-либо, более правильно называют злоупотребляющими. Ибо вообще никому не приносит пользы то, чем плохо пользуются, а то, что не приносит пользы, разумеется, не является и полезным. Ведь если нечто полезно, то полезно благодаря использованию, а значит, никто не пользуется ничем, кроме полезного. Значит, всякий, кто пользуется плохо — вовсе не пользуется. Итак, совершенный разум человека. носящий имя добродетели, прежде всего пользуется самим собой для познания Бога, чтобы наслаждаться Тем, Кем был создан; пользуется также другими живыми существами: разумными для общения, неразумными — для превосходства [над ними]. А жизнь свою соотносит с тем, чтобы наслаждаться Богом, ибо таким образом она становится блаженной. Поэтому и самим собой он пользуется. И ясно, что он начинает бедствовать от гордости, если соотносится с самим собой, а не с Богом. Пользуется [разум] также и некими подлежащими оживотворению телами для благодеяния; ибо так он пользуется своим телом; чем-то, что нужно принять или отвергнуть — для здоровья; чемто, что нужно перенести — для терпения; чем-то, что нужно привести в порядок — для справедливости; чем-то, что нужно обдумать — для свидетельства некой истины; пользуется даже тем, от чего удерживает себя — для воздержания. Итак, пользуется всем и воспринятым и не воспринятым; и нет ничего третьего. И судит он обо всем, чем пользуется; не судит лишь об одном Боге, ибо судит обо всем остальном, соотнося это с Богом. А Им он не пользуется, но наслаждается, ибо Бог не должен соотноситься с чем-либо другим, поскольку все, что должно быть соотносимо с другим, ниже того, с чем должно оно соотноситься, а нет ничего выше Бога, — не в отношении места, но по совершенству Его природы. Итак, все, что сотворено, сотворено для пользы человека, поскольку разум, рассуждая, пользуется всем, что дано человеку. До падения не пользовался он тем, что служило к воспитанию в нем терпения, а после падения пользуется [всем], если только обратится [к Богу] и еще до телесной смерти, насколько возможно это, станет другом Божиим, поскольку охотно служит Ему.

Вопрос 31. Некое высказывание (о добродетелях у Цицерона)

1. «Лобродетель — это свойство души, согласное с порядком природы и разумом. Поэтому, познавая все части [добродетели], нужно обозреть всю силу простых нравственных достоинств. Итак, [добродетель] имеет четыре части: благоразумие, справедливость, мужество, умеренность. Благоразумие — это ведение вещей хороших, плохих и безразличных. Части его: память, разумение, предвидение. Память — то, посредством чего душа возвращается к минувшему; разумение — то, чем она постигает настоящее: предвидение — то, благодаря чему усматривается нечто будущее, прежде чем оно произошло. Справедливость — свойство души, воздающее каждому по его достоинству при соблюдении общей пользы. Начало ее проистекает от природы, затем нечто вошло в обычай из соображения пользы, позже и то, что начато природой, и то, что принято обычаем, утвердили страх перед законами и религия. Естественное право — то, которое не мнение породило, но внушила некая врожденная сила, как например, религию, преданность, благодарность, защиту прав, уважение, правду. Религия — это то, что оказывает почитание и благоговение некой высшей природе, именуемой Божественной; преданность — то, в силу чего родным по крови и отечеству воздается добровольный долг и старательная забота; благодарность — то, что содержит в себе память о дружбе и услугах других и желание воздать; защита прав — то, посредством чего обороной или возмездием отражается насилие, несправедливость и вообще все, что может повредить; уважение — то, в силу чего люди, выделяющиеся какими-либо заслугами, удостаиваются некоего почитания и чести; правда — то, посредством чего высказывается неизменным то, что есть, что было и что будет. Право обычая — то, которое укрепляет и делает более полезным легко воспринятое от природы, как религию и что

угодно из того, о чем мы говорили раньше, и что, как мы видим, произойдя из природы, сделалось более ценным благодаря обычаю; или то, что древность возвела в обычай посредством народного одобрения. Его части таковы: договор, приличествующее, приговор. Договор — то, что заключается между кем-либо, приличествующее — то, что для всех одинаково, приговор — то, посредством чего голосами одного или многих выносится решение. Право закона — то, которое заключено в написанном законе, предлагаемом для соблюдения народу. Мужество есть осознанное принятие на себя опасностей и несение трудов. Части его: великодушие, уверенность в себе, терпение, стойкость. Великодушие — обдумывание и исполнение великих и выдающихся дел, при наличии некой важной и славной духовной цели. Уверенность в себе — то, посредством чего в великих и почетных делах сам дух весьма часто возбуждает в себе уверенность с твердой надеждой. Терпение — добровольное и долговременное перенесение тягостного и трудного ради чести и пользы. Стойкость — постоянное и неизменное пребывание в хорошо обдуманном мнении. Умеренность — это твердое и спокойное господство духа над страстью и другими недолжными стремлениями разума. Ее части: воздержанность, кротость, скромность. Воздержанность — то, посредством чего страстное желание управляется руководством благоразумия; кротость — то, в силу чего души, необдуманно вовлеченные и побужденные ненавидеть кого-либо, удерживаются учтивостью; скромность — то, посредством чего почетная стыдливость устанавливает постоянное и ценное руководство.

- 2. И всего этого должно искать только лишь ради этого самого, так что здесь не присоединяется никакой прибыли. Доказательство этого не относится к данному нашему рассуждению и далеко от должной краткости. А то, чего нужно избегать самого по себе это не только то, что противоположно вышеупомянутым [добродетелям], как трусость мужеству и несправедливость справедливости, но также и то, что кажется близким и сходным, однако [на деле] отстоит очень далеко. Ибо род, противоположный уверенности в себе неуверенность, и в силу этого она является пороком, а дерзость не противоположна, но сходна [с уверенностью в себе] и близка к ней, и, однако, является пороком. Так для каждой добродетели находится близлежащий порок, или уже названный точным именем (как дерзость, которая близка уверенности в себе; упрямство, близкое стойкости; суеверие, подобное религии), или без какого-либо точного имени. И это все, так же как и противоположное добродетелям, причисляется к тому, чего должно избегать. Но о том виде блага, которого добиваются целиком ради его самого, сказано достаточно. Теперь же, по-видимому, нужно сказать о том [виде], к которому бывает присоединена и польза, но который мы все же называем почетным.
- 3. Итак, есть многое, что влечет как достоинством, так и плодом, каждое своим. К этому роду принадлежат слава, достоинство, величие, дружба. Слава это частая похвальная молва о ком-либо; достоинство это чье-либо почетное положение, достойное почитания, чести и уважения; величие великое изобилие или власти, или могущества, или какого-либо имущества; дружба желание добра по отношению к кому-либо, ради самого того, кого любишь, при его равном желании. Поскольку мы говорим здесь о гражданских случаях, то [и говорим, что] приобретаем плод от дружбы, чтобы была видна причина, по которой ее должно добиваться, так что пусть не осудят нас случайно те, кто полагают, что мы говорим о всей дружбе. Хотя есть такие, кто думают, что дружбы должно искать лишь ради пользы, есть и те, кто полагают, что [это надлежит делать] ради нее самой, есть [и некоторые, полагающие, что это следует делать] и ради нее самой, и ради пользы. А что из этого признать самым верным, это нужно будет рассмотреть в другом месте».

Вопрос 32. Познает ли один некую вещь в большей степени, чем другой, и, таким образом, не идет ли познание той же самой вещи в бесконечность?

Всякий, кто познает некоторую вещь иначе, чем эта вещь есть, обманывается; и всякий, кто обманывается, не познает того, в отношении чего обманывается. Итак, всякий, кто познает некую вещь иначе, чем она есть, не познает ее. Следовательно, вообще невозможно познавать что-либо иначе, чем так, как оно есть. Мы же познаем нечто так, как оно есть, поскольку вообще не познается то, что не познается так, как есть. А потому не следует сомневаться, что есть некое совершенное познание, лучше которого ничего не может быть; следовательно, не идет в бесконечность познание некой вещи, и не может один познавать ее больше, чем другой.

Вопрос 33. О страхе

Ни у кого нет сомнения, что единственная причина боязни — та, что мы [боимся] или утратить обретенное нами любимое, или не обрести ожидаемое. Как же будет любить само отсутствие страха и владеть им всякий, кто будет опасаться, как бы не лишиться его? Ибо мы боимся потерять многое из того, что любим и имеем, а потому охраняем это страхом. Отсутствие же страха никто не способен охранять страшась. Точно так же всякому, кто любит отсутствие страха и еще не имеет его, но надеется, что будет иметь, не следует бояться, что он не добьется этого. Ибо этим страхом бывает устрашаемо не что иное, как тот же страх. Ведь всякий страх избегает чего-либо, и ничто не избегает самого себя. Значит, страх не устрашается. Но если кто решит, что неправильно говорится: страх страшится чего-либо, ведь скорее душа страшится этим самым страхом, пусть тогда обратит внимание вот на что, легкое для уразумения: нет никакого страха, кроме как перед предстоящим и неминуемым злом. И необходимо, чтобы тот, кто страшится, чего-либо избегал. Итак, всякий, кто страшится бояться, в действительности является глупейшим, поскольку, избегая, получает то самое, чего избегает. Ибо поскольку устрашает лишь то, что может случиться некое зло, то бояться, как бы не случилось страха — не что иное, как подбирать то, что ты изверг. И если есть нечто противоборствующее этому, как и есть на самом деле, — то пусть вовсе не страшится никоим образом всякий, кто не любит ничего другого, кроме как не страшиться. И потому никто не может любить только лишь это и этим не обладать. А должно ли любить одно лишь это — другой вопрос. Ибо кого не лишает духа страх, того и страстное влечение не приводит в замешательство, и печаль не мучает, и пустая и необузданная радость не возбуждает. Ведь если он страстно желает, поскольку страстное желание есть не что иное, как любовь к преходящим вещам, то необходимо, чтобы боялся или того, что потеряет он то, чем некогда завладел, или того, что не обретет этого. Но он не страшится, а значит, и не желает страстно. Также, если [некто] мучим душевной скорбью, необходимо, чтобы он был объят и страхом, поскольку в присутствии каких напастей ощущается тревога, при тех неминуемо [чувствуется] и страх. Однако он лишен страха, а потому и тревоги. Также, если [кто-то] попусту радуется, он радуется тем вещам, которых может лишиться, а потому обязательно боится, как бы не потерять их. Но он никоим образом не боится, а значит, вовсе не радуется попусту.

Вопрос 34. Должно ли любить только лишь отсутствие страха?

Если не бояться — это порок, не должно любить его. Но никто блаженнейший не страшится, и никто блаженнейший не имеет порока. Итак, не бояться — это не порок. Но дерзость — порок. Потому не всякий не боящийся — дерзок, хотя всякий, кто дерзок, не боится. Также и труп вовсе не боится. Поэтому хотя не бояться — общее и для блаженного, и для дерзкого, и для трупа, но блаженный владеет этим благодаря миру души, дерзкий — в силу безрассудства, а труп — поскольку вообще лишен чувств. Итак, надлежит любить отсутствие страха, поскольку мы желаем быть блаженными; но не только лишь это одно любить, поскольку дерзкими и бездыханными мы быть не желаем.

Вопрос 35. Что должно любить?

1. Так как все, что не живет, не страшится, и никто не стал бы убеждать, что нужно лишиться жизни для того, чтобы мы могли также лишиться и страха, то следует любить жить без страха. Но, с другой стороны, поскольку жизнь, лишенная страха, если лишена также и разумения, — не то, к чему следует стремиться, то должно любить жить с разумением без страха. Следует ли любить только лишь это или также и саму любовь? Именно так, поскольку без второго не любимо первое. Но если из-за другого, которое надлежит любить, любима любовь, то она неправильно называется любимой.

Ибо любить есть не что иное, как добиваться некой вещи ради нее самой. Итак, должно ли искать любви ради нее самой, если при отсутствии того, что любимо, она является несомненным несчастьем? Далее, так как любовь есть некое движение, и нет никакого движения, кроме как движения к чему-либо, то если мы спрашиваем, что должно быть любимо, тем самым спрашиваем, что является тем, к чему должно двигаться. А потому, даже если любовь должна быть любима, то, разумеется, не всякая [любовь] должна быть любима. Ибо есть и постыдная любовь, когда дух порабощает себя более низкому, чем он сам; и она гораздо точнее именуется «страстным желанием» (cupiditas), то есть «корнем всех зол» (ср.1Тим.6.10). Итак, не следует любить того, что может быть удалено от любящего и наслаждающегося. Поэтому любовь к какой вещи должно любить, если не к той, которая не может отсутствовать, когда она любима? И таковым является то, иметь что — не что иное, как знать. А золото и всякое тело [вовсе] не то, иметь что — то же самое, что и знать, а значит, не должно любить это. И поскольку нечто может быть любимо и не наличествовать не только из тех вещей, которые не должны быть любимы, как какое-нибудь красивое тело, но и из того также, что должно быть любимо, как блаженная жизнь; и, в свою очередь, нечто можно иметь и не любить, как кандалы, — то по праву спрашивается, может ли кто-либо не любить то, иметь что означает то же самое, что и знать, хотя он это и имеет, то есть познал. Но мы видим, что некоторые, например, учат счет только лишь для того, чтобы благодаря этой самой науке стать состоятельными или цениться у людей, и когда изучили ее, относят ее к той же самой цели, которую предложили себе, когда изучали. Однако нет такой науки, обладать которой [значит] нечто иное, чем знать ее, поэтому может случиться, что кто-либо имеет нечто, обладать чем означает знать это, но не любит этого. Хотя никто не может вполне знать или владеть благом, которое не любимо. Ибо кто может знать, каково благо, которым он не наслаждается? А если не любит, то и не наслаждается, и, значит, тот, кто не любит, не обладает тем, что следует любить, хотя тот, кто не обладает, и способен любить. Итак, нет никого, кто знает блаженную жизнь и остается несчастным; поскольку если надлежит любить ее, как и действительно [надлежит], то знать ее — то же самое, что и иметь.

2. И если это так, то что другое означает жить блаженно, как не иметь нечто вечное благодаря познанию? Ибо вечным является — и это одно правильно считать таковым — то, что не может быть удалено от любящего, а это как раз то самое, знать что — то же, что и иметь. А из всех вещей превосходнейшее — то, что вечно, и потому мы можем обладать этим лишь при помощи того. благодаря чему и сами мы становимся более превосходными, то есть при помощи ума. Но все, что содержится умом, содержится познанием, и никакое благо не познается вполне, если не бывает вполне любимо. Причем неверно, что если ум может познавать один, то также и любить может один. Ибо любовь есть некое стремление, а мы видим, что стремление присуще и прочим частям души, и если оно согласно с умом и разумом, то может ум в великом мире и безмятежности созерцать то, что вечно. Поэтому душа также и другими своими частями должна любить нечто великое, то, что следует познавать умом. И поскольку то, что любимо, необходимо уделяет от себя любящему, то и происходит, что таким образом любимое вечное уделяет вечность душе. Поэтому именно та жизнь блаженна, которая вечна. Что же является вечным и предоставляет вечность душе, если не Бог? Любовь (amor) же к тому, что должно любить, лучше называть [духовной] любовью (caritas) или приязнью (delectio). И потому всеми силами разумения следует размышлять об этой в высшей степени спасительной заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем серднем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» (Мф.22,37); и о том, что сказал Господь Иисус: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин.17,3).

Вопрос 36. О взращивании любви

1. Любовью (caritas) я называю то, чем любимо что-либо, что не следует считать худшим, чем само любящее, то есть то, что вечно и что само может любить вечное. Итак, когда любимы Бог и душа, то [такая любовь] называется в собственном смысле любовью (caritas), и, если не любимо ничто другое, любовью непорочнейшей и совершенной; ее же, по-видимому, можно назвать и приязнью (dilectio). Но когда Бог любим больше, чем душа, так что человек предпочитает принадлежать более Ему, чем себе, тогда мы правильно и наилучшим образом заботимся о душе, а следовательно, и о теле, заботясь об этом не под влиянием некоего беспокойного желания, но лишь принимая наличествующее и предложенное. И ядом для любви является надежда на что-либо временное, чего нужно добиваться

или что должно охранять, пища же ее — ослабление страстного желания, а совершенство — вообще отсутствие страстного желания. Признак ее роста — уменьшение страха, признак совершенства полное отсутствие страха, поскольку и «корень всех зол — страстное желание» (cupiditas) (в Синод.пер.: «Корень всех зол нсть сребролюбие» (1Тим.6.10), и «совершенная любовь изгоняет страх» (1Ин.4,18). Итак, всякий, кто желает взращивать ее, пусть усердно займется искоренением страстных желаний. Ибо страстное желание есть любовь к стяжанию временного и обладанию им. Начало же его искоренения — страх Божий, ибо одного только Бога нельзя бояться, не любя. И [этот страх] стремится к премудрости, так что нет ничего вернее сказанного: «Начало премудрости страх Господень» (Притч.1,7). Ведь нет никого, кто искал бы наслаждения больше, чем избегал страдания, ибо мы видим, что даже самые свирепые животные от величайших наслаждений отпугиваются страхом страдания, и если он обращается у них в привычку то называются они домашними и ручными. А потому, поскольку человеку присущ разум, который, — если по причине плачевной испорченности служит страстному желанию, так что люди не страшатся, — убеждает, что можно скрыть грехи, и для сохранения грехов сокрытыми устраивает хитрейшие уловки, случается, что люди, которых еще не услаждает красота добродетели и которые только лишь из страха наказаний, вернейшим образом предсказанных святыми и божественными мужами, способны удержаться от греха и согласиться, что скрываемое от людей не может быть скрыто от Бога, укрощаются с большим трудом, чем дикие звери. А чтобы страшиться Бога, надлежит быть убежденным, что все управляется Божиим Промыслом; и не столько с помощью доводов разума (в которые если кто способен вникнуть, то может уразуметь и красоту добродетели), сколько примерами или недавними, если какие встречаются, или из истории, и особенно из той, которая, при руководящем действии самого Божественного Промысла, будь то в Ветхом или в Новом Завете, получила высочайшее ручательство религии. Точно так же нужно действовать и в отношении наказаний грешников, и в случае наград праведников.

- 2. Когда же некая привычка не грешить убедит, что считавшееся тягостным является легким, начинает вкушаться сладость благочестия и передаваться красота добродетели, так что свобода любви возвышается над рабством страху. Тогда уже верующих, предварив [это] Таинствами возрождения, которые непременно весьма сильно воздействуют [на человека], следует убеждать, в чем различие между двумя людьми: ветхим и новым, внешним и внутренним, земным и небесным, то есть между тем, кто стремится к благам плотским и временным, и тем, кто к духовным и вечным; а также следует наставлять их ожидать от Бога не исчезающих и преходящих даров, которые могут быть в изобилии и у негодных людей, но твердых и непреходящих, ради стяжания которых следует совершенно презреть все, что в этом мире считают благом и злом. Здесь надлежит предложить превосходнейший и необыкновенный пример Господнего Человека, Который после того, как столькими чудесами показал, что Он имеет столь великую власть над [всеми] вещами, отверг то, что глупцы считают великим благом, и принял то, что они считают великим злом. Таковым нравам и учению пусть всякий дерзает подражать тем больше, чем больше чтит Его; и из обещаний и увещаний Его, а также из [примера] множества подражавших Ему апостолов, мучеников и бесчисленных святых должно быть ясно, что вовсе не следует отчаиваться в этом.
- 3. С другой стороны, там, где преодолены соблазны плотских удовольствий, следует быть бдительным, как бы желание нравиться людям не подкралось и не проникло или посредством некоторых сотворенных чудес, или через воздержание, терпение, или некую щедрость, или под именем науки, или красноречия. К этому роду относится и стремление к почестям. Против всего этого пусть предлагается и преподается написанное о славе любви и о суетности хвастовства, а именно насколько стыдно желать нравиться тем, подражать кому не желаешь: ибо либо они не добрые, и тогда нет ничего особенного в похвале злых, либо добрые, и в таком случае подобает им подражать. Но те, кто добры, добры добродетелью, добродетель же не добивается того, что во власти других людей. Итак, кто подражает добрым, не ищет похвалы никакого человека, а кто злым не достоин похвалы. Если же ты хочешь для того нравиться людям, чтобы способствовать их любви к Богу, то уже не самого этого жаждешь, а другого. Кто желает нравиться, у того непременно все еще есть страх, во-первых, как бы вследствие тайных грехов не быть причтенным Господом к лицемерам; затем, если он стремится нравиться поступающим хорошо, как бы, добиваясь этого вознаграждения, не потерять то, которое будет дано Богом.
- 4. Но, когда это желание будет побеждено, следует остерегаться гордости. Ибо трудно считать себя достойным сравнения с людьми тому, кто уже не желает им нравиться и считает себя исполненным добродетели. Итак, все еще необходим страх, как бы не было у него отнято и то, что, как ему кажется,

он имеет (Ср. Мф.25,29); и не был бы он брошен со связанными руками и ногами во внешнюю тьму (Ср. Мф.22,13). А потому страх Божий не только полагает начало премудрости, но и делает ее совершенной в том, кто в высшей степени любит Бога и [любит] ближнего, как самого себя. Каких же на этом пути опасностей и трудностей должно страшиться и какими средствами подобает пользоваться, это другой вопрос.

Вопрос 37. О всегда рожденном

Всегда рожденный лучше, чем всегда рождающийся, так как тот, кто всегда рождается, еще не рожден и никогда не был рожден и никогда не будет, если рождается всегда. Ведь рождаться — это одно, а быть рожденным — другое. И потому никогда не является Сыном, если никогда не рожден. Но Он есть Сын, поскольку рожден, и всегда есть Сын, а значит, всегда рожден.

Вопрос 38. Об устроении души

Так как одно есть природа, другое — обучение, третье — опыт, и они мыслятся в одной душе без всякого различения сущности; так же и врожденные способности — это одно, добродетель — другое, умиротворенность — третье, и все это равным образом принадлежит одной и той же сущности; и так как душа есть иная сущность, чем Бог, хотя сотворена Им, Сам же Бог — Святейшая, многими на словах и немногими на деле познанная Троица, то следует очень тщательно исследовать то, что сказал Господь Иисус: «Никто не приходит ко Мне, если не привлечет его Отец» (Ин.6,44); и: «Никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин.14,6); и: Сам «наставит вас на всякую истину» (Ин.16,3).

Вопрос 39. О видах пищи

Что принимает ту вещь, которую изменяет? Живое существо — пищу. Что принимается и изменяется? Та же пища. Что принимается и не изменяется? Свет глазами и звук ушами. Но это душа принимает посредством тела. А что же [душа] принимает сама по себе и изменяет в себе? Другую душу, приняв которую в дружбе, делает ее подобной себе. А что [душа] сама по себе воспринимает и не изменяет? Истину. А потому должно познать и то, что сказано Петру: «Заколи и ешь» (Деян.10:13); и что [сказано] в Евангелии: «И жизнь была свет человеков» (Ин.1:4).

Вопрос 40. Если природа души одна, откуда у людей различные желания?

От различных представлений — различное стремление душ, от различного стремления — различный способ достижения, от различного способа — различные привычки, от различных привычек — различная воля. А различные представления создает порядок вещей хотя и сокрытый, однако несомненный под властью Божественного Промысла. Итак, не следует из-за этого полагать, что природы душ различны, поскольку различны желания, ведь даже воля одной души меняется в зависимости от различных обстоятельств; поскольку она то жаждет стать богатой, то, презрев сокровища, желает быть мудрой. И в самом стремлении к временному одному человеку нравится то торговля, то воинская служба.

Вопрос 41. Если все сотворил Бог, почему не сотворил все одинаково?

Так как не было бы всего, если бы оно было одинаковым. Ибо не было бы многих родов вещей, которыми образуется вселенная, содержащая в себе творения первого и второго порядка и так далее вплоть до самого последнего. И именно это называется всем.

Вопрос 42. Каким образом Премудрость Божия Господь Иисус был [одновременно] и в утробе Матери, и на небесах?

Так же, как человеческое слово: даже если его и слышат многие, каждый слышит целиком.

Вопрос 43. Почему Сын Божий явился в человеке, а Святой Дух — в голубе?

Потому что первый пришел, чтобы показать людям пример жизни, а второй явился, чтобы обозначить сам дар, которым достигают доброй жизни. И оба сделались видимыми ради плотских, ради тех, кого нужно вести по ступеням таинств от различаемого телесным зрением к постигаемому умом. Ведь и слова звучат и исчезают, но не исчезает сходным образом то, что обозначается словами, когда в речении предлагается нечто Божественное или вечное.

Вопрос 44. Почему так поздно пришел Господь Иисус Христос?

Поскольку все прекрасное существует от высшей красоты, а это — Бог, временная же красота обеспечивается уходящими и сменяющими [их] вещами. И в каждом человеке каждый возраст от детства и до старости имеет свою привлекательность. Потому как глупо, если кто-нибудь захочет, чтобы в подверженном времени человеке был лишь молодой возраст, ведь он презрит тем самым прочие красоты, проявляющиеся в прочих возрастах поочередно и по порядку; точно так же глупо, если кто-либо пожелает, чтобы во всем человеческом роде присутствовал лишь один возраст. Ибо и человеческий род проходит свои возраста подобно отдельному человеку, и надлежало, чтобы Учитель, подражанием Которому в нравах делаются совершенными, пришел по изволению Божию только лишь во время молодости [человеческого рода]. К этому относится сказанное апостолом, что под законом как под детоводителем (Ср. Гал.3:23-24) были хранимы дети, пока не пришел Тот, для Кого были они соблюдаемы, обещанный пророками. И одно дело – то, что Божий Промысл как бы частным образом делает с каждым, а другое — то, как поступает он как бы открыто со всем родом в целом. Ибо и любые отдельные [люди] достигают точной мудрости, только если просвещены одной и той же истиной порознь, в подходящем для каждого возрасте. И эта Истина, чтобы [весь] народ сделался мудрым, восприняла [природу] человека в подходящем возрасте самого человеческого рода.

Вопрос 45. Против «математиков» (астрологов)

1. Древние называли математиками не тех, кого называют так ныне, но тех, кто тщательно исследовал интервалы времени посредством [наблюдения] за движением неба и звезд. О них весьма верно говорится в Священном Писании: «Но и они неизвинительны. Ибо если они столько могли разуметь, что в состоянии были исследовать временный мир, то почему они скорее не обрели Господа его?» (Прем.13:8-9) В самом деле, человеческий ум, судя о видимом, может познать, что сам он лучше

всего видимого. И когда он признает, что и сам является изменчивым, вследствие преуспеяния в мудрости или ее недостатка, обнаруживает, что над ним находится неизменная Истина, и таким образом, прилепляясь к Ней, как сказано: «К Тебе прилепилась душа моя» (Пс.62:9), он становится блаженным, находя внутри себя даже Творца и Господа всего видимого и не ища видимого вовне, хотя бы и небесного. Ибо все это или не бывает найдено, или с большим трудом бывает найдено напрасно, если только из того, что вовне, благодаря красоте [этого], не обнаруживается Творец, пребывающий внутри и созидающий сперва в душе высшие, а затем и в теле низшие красоты.

2. А против тех, кого ныне зовут математиками, желающих подчинить наши действия небесным телам и нас продать звездам, саму же цену, за которую мы продаемся, получить от нас, не может быть сказано ничего более краткого и верного, чем отвечать им, лишь приняв во внимание сами гороскопы. В гороскопах отмечают они части, которых, говорят, в звездном кругу имеется триста шестьдесят. Движение же неба в течение одного часа совершается в пятнадцати частях, так что за столько времени возникают пятнадцать частей, сколько содержит один час. Говорят, что каждая эта часть содержит шесть десят минут. А секунд уже не обнаруживают в гороскопах, согласно которым, как они говорят, предсказывают они будущее. Но зачатие близнецов, поскольку, по свидетельству врачей, наука которых гораздо точнее и яснее, совершается оно в одно соитие, происходит в столь малый момент времени, что тот не длится и двух секунд. Итак, откуда в близнецах такое различие действий, результатов и желаний, если они необходимо имеют один и тот же гороскоп при зачатии, и один гороскоп был бы составлен для них астрологом, как для одного человека? Если же захотят придерживаться гороскопа при рождении, то будут опровергнуты теми же близнецами, которые в большинстве случаев выходят из утробы друг за другом таким образом, что промежуток времени [между их рождением] вновь заключен в пределах секунд, а их как подлежащих исследованию в гороскопах не находят, а значит, и исследовать не могут. А то, что, как говорят, они предсказали много истинного, выходит потому, что люди не запоминают их заблуждений и ошибок и, обращая внимание в их ответах лишь на то, что исполнилось, припоминают то, что происходит не в силу их искусства, которого вовсе нет, но из-за некоего скрытого жребия вещей. Ибо, если желают воздать должное их умению, то говорят, что они искусно предсказывают даже по чему-либо написанному на пергаменте, [ведь] и из этого обычно невольно выпадает некий жребий. И если, вне зависимости от искусства, из книг часто выходит стих, предвещающий будущее, то что удивительного, если не благодаря искусству, а в силу случая из души говорящего исходит некое предсказание будущего?

Вопрос 46. Об идеях

- 1. Считается, что Платон первым стал говорить об идеях. Однако если этого имени не было, прежде чем он установил его, это не означает, что по этой причине или самих вещей, которые он назвал идеями, не было, или что они никем не были познаны; но, возможно, это значит, что то одним, то другим назывались они разными именами; ведь некой познанной вещи, у которой нет никакого общеупотребительного имени, можно назначить какое угодно имя. Ибо не похоже на правду то, что или до Платона не было мудрецов, или, если они были, то не познали того, что, чем бы это ни было, Платон, как было сказано, называет идеями, если только в них заключена такая сила, что, не постигнув их, никто не может быть мудрым. Однако вероятно, что кроме Греции были мудрецы и у других народов, о чем сам Платон не только достаточно свидетельствует пребыванием на чужбине ради совершенствования в мудрости, но упоминает и в своих книгах. Итак, не следует полагать, что если некие [мудрецы] были, они не знали об идеях, хотя, возможно, и называли их другим именем. Но до сих пор говорилось об имени. Рассмотрим же саму вещь, которую надлежит весьма хорошо обдумать и узнать, под руководством установленных наименований, чтобы кто как хочет, так и называл то, что познал.
- 2. Итак, идеи по-латыни мы можем называть или формами, или видами, чтобы, как кажется, переводить дословно. Если же назовем их замыслами, то отступим тем самым от точности объяснения, потому что по-гречески называются λόγοι замыслы, а не идеи; однако всякий, кто хочет пользоваться этим словом, не вступит в противоречие с самой вещью. Ибо идеи это некие первичные формы или замыслы вещей, постоянные и неизменные, сами не получившие форму [извне], и в силу этого вечные и всегда тождественные себе; и заключены они в Божественном

разумении. И хотя они сами не возникают и не гибнут, однако согласно им, говорят, оформляется все, что способно возникать и гибнуть, и все, что возникает и гибнет. Отрицают же, что они могут быть созерцаемы [какой-либо] душой, кроме как разумной, и той ее частью, которая является наилучшей, то есть самим умом и разумом, словно неким ее внутренним и умозрительным взором или оком. Также и сама эта разумная душа, не всякая и какая угодно, но [лишь] ставшая святой и чистой, признается подходящей для этого созерцания; то есть та, у которой то самое око, которым они созерцаются, здраво, непорочно, ясно и подобно тому, что она стремится созерцать. В самом деле, какой верующий и знакомый с истинной религией [человек], хотя бы еще не был он способен созерцать это, дерзнет отвергнуть, и, напротив, кто не заявит открыто, что все сущее (то есть все, что заключено в своем роде благодаря своей собственной природе), чтобы быть, было произведено на свет Богом Творцом, и что этим Творцом живет все, что живет; а также, что всеобщая целостность вещей и сам порядок, согласно которому все, что изменяется, под строгим руководством совершает свое временное движение, содержится и управляется законами вышнего Бога? Когда это установлено и принято, кто дерзнет сказать, что Бог сотворил все бессмысленно? Если же невозможно поверить в это и назвать это правильным, то остается, что все сотворено в соответствии с замыслом, и не по тому же самому замыслу человек, что и конь; ибо такое и предполагать нелепо. Итак, все сотворено в соответствии с особыми замыслами. Где же следует признать находящимися эти замыслы, если не в уме Творца? Ибо Он не взирал на что-то расположенное вне Его, чтобы в соответствии с этим устроить то, что устроил, — таковое и предполагать кощунственно. Итак, если эти замыслы всех вещей, которые уже были сотворены или еще будут созданы, заключаются в Божественном уме, а в Божественном уме не может быть ничего, кроме вечного и неизменного, и эти первые замыслы вещей Платон называет идеями, то они не только являются идеями, но суть и самые истины, так как вечны и пребывают тождественными и неизменными. Благодаря причастности им все, что есть, бывает таково, каково оно есть. Но разумная душа среди вещей, сотворенных Богом, превосходит все и весьма близка к Богу, когда является чистой; и насколько прилепляется она к Нему любовью, настолько, исполненная и просвещенная от Него светом умозрения, различает эти замыслы, благодаря созерцанию которых становится поистине блаженной. И различает она их не посредством телесных очей, но благодаря тому, что главенствует в ней самой, чем она и возвышается [над всем остальным], то есть посредством своего разумения. Эти замыслы, как было сказано, можно называть или идеями, или формами, или видами, или замыслами; и многим дано называть их как угодно, но немногим увидеть то, что истинно.

Вопрос 47. Сможем ли мы когда-нибудь видеть наши мысли?

Имеют обыкновение спрашивать, каким образом после воскресения тела и изменения его, которые обещаны святым, мы сможем видеть наши мысли. И тут нужно взять соображение от той части нашего тела, которая более всего обладает светом, поскольку подобает верить, что ангельские тела, каковые мы надеемся иметь, являются светлейшими и эфирными. Итак, если многие движения нашей души ныне познаются в глазах, вполне возможно, что никакое движение души не будет сокрыто, когда все тело станет эфирным, ибо по сравнению с ним эти глаза — плоть.

Вопрос 48. О заслуживающем доверия

Есть три рода того, что заслуживает доверия. Первый — то, во что всегда верят и никогда не познают; и такова всякая история, охватывающая временные людские деяния. Второй — то, что познают для того, чтобы поверить в это, и таковы всякие человеческие соображения или о числах, или о какихлибо науках. Третий род — то, во что сначала верят, а позже познают. Таковым является относящееся к Божественным вещам; и познать это не может никто, кроме чистых сердцем. А это [чистота сердца] появляется, если соблюдают заповеди, принятые относительно доброй жизни.

Вопрос 49. Почему сыны Израилевы видимым образом приносили в жертву скот?

Потому что существуют также и духовные жертвы, и плотскому народу надлежало исполнять их образы, чтобы посредством рабства ветхого народа совершилось предызображение народа нового. Различие между этими двумя народами можно заметить в любом из нас, так как всякий из утробы матери по необходимости выходит ветхим человеком [и остается им] до тех пор, пока не придет в юношеский возраст; и тогда уже ему нет необходимости мыслить плотски, но способен он обратиться волей к духовному и вновь родиться внутренне. А потому то, что происходит благодаря порядку природы и обучению в одном человеке, воспитанном правильно, это самое становится в высшей степени прекрасным, когда посредством Божиего Промысла совершается и происходит во всем человеческом роде.

Вопрос 50. О равенстве Сына

Поскольку Того, Кого Бог родил, не мог родить лучшим, чем Он Сам (ведь нет ничего лучше Бога), то родил Он Его равным. Ибо если Он хотел, но не мог, то Он бессилен, а если мог, но не хотел, то — завистлив. И из этого заключают, что Он родил Сына равным [Себе].

Вопрос 51. О человеке, созданном по образу и подобию Божию

- 1. Так как Божественное Писание упоминает о внешнем и внутреннем человеке и столь сильно различает их, что апостолом сказано: «Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор.4:16), может возникнуть вопрос: только ли один из них создан по образу и подобию Божию? Ведь если только один, то глупо спрашивать: который из них? Ибо кто станет сомневаться, что скорее тот, о ком говорит [апостол], что он обновляется, чем тот, о ком говорит, что тлеет. Но не оба ли, — это большой вопрос. Ведь если внешний человек — Адам, а внутренний – Христос, то правильно предположить, что оба. Но так как Адам не пребыл благим, таким, каким был сотворен Богом, и из-за любви к плотскому сделался плотским, то может показаться весьма уместным, что пасть для него означало потерять образ и подобие Божие. И поэтому он обновляется и является также внутренним [человеком]. Каким же образом он является при этом и внешним? Разве не сообразно телу, как и внутренним он является согласно душе, и внутреннему присуще воскресение и обновление, происходящее ныне путем смерти для прежней жизни, то есть для греха, и возрождения для жизни новой, то есть для праведности? Также, упоминая об этих двух человеках, одного, которого нам надлежит совлечься, апостол именует внешним, а другого, в которого должно облечься — внутренним (Ср. Кол.3:9-10). В другом месте одного из них он называет «образом земного человека», так как тот рождается, будучи связан грехом первого человека, то есть Адама; а другого «образом небесного человека» (Ср. 1 Кор. 15:47-49), — ведь тот рождается благодаря праведности второго Человека, Иисуса Христа. А внешний человек, тлеющий ныне, будет обновлен в грядущем воскресении, после того как уплатит дань той смерти, которую должен природе, по закону, данному в раю посредством заповеди.
- 2. А по какой причине не является несообразным и то, что, как говорят, также и тело создано по подобию Божию, легко поймет тот, кто обратит пристальное внимание на сказанное: «И сотворил Бог все весьма благим» (Быт 1:31); ведь никто не станет сомневаться, что Сам Он Первое благо. Ибо вещи могут быть названы подобными Богу во многих смыслах: одни будучи сотворенными сообразно силе и премудрости, ведь и в Нем Самом пребывают несотворенные Сила и Премудрость; другие живут лишь потому, что Он в высшей степени и изначально живет; третьи есть в силу того, что Он в высшей степени и изначально есть. Поэтому и то, что лишь есть, но не живет или не мыслит, является все же Его подобием, но не в совершенстве, а лишь отчасти, ведь и это есть нечто благое на своем месте, тогда как Он благ превыше всего того, что является благим от Него. А все, что живет, но не мыслит, немного больше причастно подобию. Ибо то, что живет, также и есть, однако не все, что

есть, также и живет. В свою очередь, то, что мыслит, уже настолько приближается к подобию Ему, что нет среди творения ничего более близкого. Ведь то, что причастно мудрости — и живет и есть, а то, что живет — с необходимостью есть, но не обязательно мыслит. Поэтому, так как человек может быть причастен мудрости сообразно внутреннему человеку, то сообразно ему он обладает образом [Божиим] так, что образуется [Богом] без посредства какой-либо природы, и потому нет ничего более соединенного с Богом. Ибо [человек] и мыслит, и живет, и есть; так что нет ничего лучше этого творения.

- 3. Также если считать внешним человеком ту жизнь, в которой мы воспринимаем посредством тела пятью известнейшими чувствами, общими у нас со скотами, ведь и она может тлеть по причине чувственных тягот, производимых преследованиями, то и такой человек весьма справедливо называется причастным подобию Божию не только потому, что живет, ведь это наличествует также и у животных, но скорее в силу того, что обращается к правящему уму, просвещаемому премудростью, а это невозможно для животных, лишенных разума. Также и тело человека, а оно единственное среди тел земных животных не склоняется вниз, будучи согнуто в области живота, ибо является видящим и устремленным к созерцанию неба начала всего видимого, хотя считается, что оно живет не само по себе, но благодаря присутствию души, однако не только поскольку оно есть, а насколько оно есть, непременно оно есть и благое, но и из-за того, что оно наиболее приспособлено для созерцания неба, может по праву показаться, что оно в большей степени создано по подобию Божию, чем прочие тела животных. Однако поскольку лишенный жизни человек назывался бы так неправильно, то вернее будет считать внешним человеком не одно только тело и не одну лишь жизнь, содержащуюся в чувстве тела, но и то и другое вместе.
- 4. И не неумело различают, что одно образ и подобие Божие, называемое также Сыном, а другое то, что по образу и подобию Божию, и мы знаем, что так создан был человек. Есть также те, кто не напрасно думают, что в двояком смысле сказано было: по образу и подобию, так как утверждают, что если бы это было одно и то же, то было бы достаточно одного имени. Но желают, чтобы по образу был создан ум, который образуется непосредственно самой Истиной. Этот ум называют также духом, однако это не Тот Дух Святой, Который имеет ту же сущность, что Отец и Сын, но дух человека. Ведь апостол разделяет их таким образом: «Никто не знает, что делается в человеке, кроме духа человеческого, и никто не знает, что делается в Боге, кроме Духа Божия» (1Кор.2:11). Также говорит о духе человека: «Да сохранит [Бог] дух ваш и душу и тело» (Ср. 1Фес.5:23). Ведь и дух создан Богом, как и прочее творение. Ибо в Притчах написано таким образом: «Знай, что Богу известны сердца всех, и Кто сотворил дух всех, Тот знает все» (Притч 24:12). Итак, считают, что, без всякого сомнения, создан по образу и подобию Божию тот дух, в котором есть разумение истины, ибо он непосредственно связан с Истиной. А все прочее в человеке желают видеть созданным по подобию, поскольку всякий образ подобен, однако не все подобное есть также образ в собственном смысле, это, вероятно, может быть сказано [только] в несобственном смысле. Но в этом вопросе должно остерегаться, как бы не стали утверждать решительно чего-либо лишнего, и будет весьма разумно наблюдать за тем, чтобы, поскольку какое угодно тело имеет пространственную протяженность, не приняли бы, что сущность Божия есть нечто подобное. Ведь вещь, часть которой меньше, чем целое, не соответствует достоинству души, и того меньше — величию Божию.

Вопрос 52. О сказанном [в Писании]: «Я раскаялся, что сотворил человека» (См. Быт.6:6-7)

Божественное Писание, возводя нас от земного и человеческого образа мыслей к Божественному и небесному, снисходит до таких слов, которыми пользуются между собой даже самые глупые люди в повседневном общении. Поэтому не усомнились и те мужи, через которых говорил Дух Святой, предложить в книгах, там, где это необходимо, также и названия чувств, претерпеваемых нашей душой; хотя и ясно всякому, кто правильно мыслит, что чувства эти далеко отстоят от Бога. Так, например, поскольку трудно, чтобы человек отомстил за что-либо без гнева, то отмщение Божие, происходящее целиком без этого возбуждения, они все же сочли нужным назвать гневом. Точно так же, поскольку привыкли, что чистота жены охраняется ревностью мужа, то и Божий Промысл, предписывающий и делающий так, чтобы душа не растлилась и не развратилась некоторым образом, следуя то одним, то другим богам, назвали ревностью Божией. Подобным образом и рукой Божией

именовали силу, которой Он действует, и ногами Божиими — силу, посредством которой Он все хранит и всем правит, и ушами Божиими или очами Божиими — силу, посредством которой Он все воспринимает и разумеет, и лицом Божиим — силу, через которую Он являет себя и познается; и прочее таким же образом. И все это, конечно, из-за того, что мы, к которым обращено слово [Писания], имеем обыкновение руками действовать, ногами ходить и добираться туда, куда влечет дух; ушами, глазами и прочими телесными чувствами воспринимать телесное, лицом приобретать известность; и все прочее, относящееся к этому правилу. Точно так же нам свойственно легко отлагать нечто начатое и обращаться к другому, лишь когда мы раскаиваемся. Поэтому хотя для исследующих светлым умом ясно, что все управляется Промыслом Божиим в строжайшем порядке, однако то, что начало быть, но не продлилось (хотя предполагалось, что оно продлится), вполне сообразно с немощным человеческим разумением называется отложенным как бы посредством раскаяния Бога.

Вопрос 53. О золоте и серебре, которое израильтяне получили от египтян

- 1. Всякий, кто станет внимательно рассматривать действия домостроительства, относящиеся к двум Заветам и распределенные в соответствии с соразмерностью сроков по возрастам человеческого рода, вполне поймет, насколько могу я предположить, что подходит первому возрасту человеческого рода, а что — последующему. Ведь Божий Промысл прекрасно всем управляет, так что вся преемственность поколений от Адама до скончания века распределяется точно так же, как у отдельного человека [распределяется] течение его времени в соответствии с определенными возрастами от детства до старости. И поэтому обращающему благоговейную душу к Божественным чтениям должно различать также и степени добродетели в нравах, по мере их приближения к высшей и совершенной человеческой добродетели. Ибо если он вдруг обнаружит, что иногда малое предписывается малым, а иногда большее — большим, не следует ему, сочтя грехами меньшее в сравнении с большим, заключать из этого, что прилично Богу предписывать таковые людям. Но ныне о степенях добродетели рассуждать слишком долго, и потому достаточно того, что относится к разрешению настоящего вопроса. Что касается обмана, то высшая и совершенная добродетель — никого не обманывать и соблюдать сказанное: «Да будет в устах ваших: да, да, нет, нет» (Мф.5:37). Но поскольку это предписано тем, кому обещано уже Царство Небесное, а достигнуть того большего, за что причитается такая награда — великая добродетель; «ибо Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают» его (Mф.11:12), то следует спросить, какими степенями можно достичь этой вершины и совершенства. Понятно, что на этих степенях находятся те, кому обещано было пока что земное царство. Подобным обещанием они, как малые дети, приуготовлялись, и, выпросив земные радости, пока что желанные для них, у единого Бога и Господа всего, начиная с этого и возрастая духом, решались надеяться также и на небесные. Поэтому как высшая и почти божественная добродетель состоит в том, чтобы никого не обманывать, так и предельный порок — в том, чтобы обманывать кого угодно. Для направляющихся от этого предельного порока к той высшей добродетели есть степень — никого из друзей или незнакомцев не обманывать, но врагов иногда обманывать. Отсюда [происходит] также и сказанное поэтом, что уже почти вошло в пословицу: «Хитрость и храбрость в битве с врагами равны!» (Вергилий. Энеида). Однако могут, как часто бывает это, и врага обманывать несправедливо, как например, когда заключают некий договор о временном мире, именуемый перемирием, и не соблюдают обещания, и в других подобных случаях. И поэтому гораздо более чист и близок к упомянутой высшей добродетели тот, кто, даже если и желает обмануть врага, все же обманывает его не иначе как по Божественному изволению. Ибо какого наказания или награды кто достоин, знает или только лишь Бог, или, во всяком случае, [Он знает это] намного лучше и вернее, чем люди.
- 2. А потому Бог, разумеется, Сам лично никого не обманывает, ибо Он Отец Истины и Истина и Дух Истины. Но, воздавая достойное достойным (ведь и это также относится к справедливости и истине), Он пользуется для возмездия и вознаграждения теми душами, которые находятся на соответствующих уровнях. Итак, если кто-либо заслуживает быть обманутым, то Бог не только Сам лично не обманывает его, но [не обманывает] и через такого человека, который уже любит подобающим образом и упорствует в соблюдении [Господнего повеления]: «Да будет в устах ваших: да, да, нет, нет» (Мф.5:37). Также [Он не обманывает] и при помощи ангела, которому не подходит

личина обмана, но [делает это] или посредством такого человека, который не отрекся еще от страстных желаний подобного рода, или через такого ангела, который по причине извращенности своей воли помещен на низших уровнях природы, либо для кары грешников, либо для упражнения и очищения тех, кто возрождается по Богу. Ведь мы читаем, что царь был обманут неверным прорицанием лжепророков, так что можем обнаружить, что это совершилось не без Божественного суда, поскольку царь заслуживал быть подобным образом обманутым. И [совершилось это] не через ангела Божия, которому не приличествует воспринимать обязанность обмана, но при помощи ангела заблуждения, добровольно и с радостью стремившегося к тому, чтобы на него была возложена подобная роль (Ср. 3 Пар 22:6-36). Ведь с помощью некоторых мест Св. Писания более доступно изъясняется то, что усердный и благочестивый читатель может найти также и в других местах, где это менее ясно. Ибо подобным образом Бог наш для блага душ Духом Святым приспособил Божественные Книги, поскольку пожелал, чтобы мы не только питались ясным, но и упражнялись темным. Итак, на основании того неизреченного и возвышенного управления вешами, которое совершается Божественным Промыслом, в разумной душе как бы записан естественный закон, чтобы и в образе жизни, и в земных нравах люди соблюдали подобие приведенного выше распределения. Потому и судья считает недостойным и беззаконным сам лично казнить осужденного, но по его приговору делает это палач, назначенный для [исполнения] этой обязанности по своей склонности [к подобным делам], чтобы тот, кто по своей жестокости может казнить даже невинного, сдерживаемый законами, казнил лишь осужденного. Ведь не сам лично делает это судья, и не посредством правителя, адвоката или кого-либо другого, исполняющего свои обязанности, на кого не приличествует возлагать подобное поручение. Поэтому также мы пользуемся неразумными животными для того, что нечестиво делать при помощи людей. Ибо вор, несомненно, заслуживает терзания укусами, но человек делает это не сам лично, и не при помощи сына, родственник ка или кого-либо из своего дома, но при помощи собаки, и этому животному подобает поступать так сообразно уровню [своей] природы. Итак, если должно, чтобы кто-либо претерпел то, что не подобает делать другим, то некие служители являются посредниками, и на них бывают возложены подобающие обязанности. И используя их, сама справедливость руководит не только тем, чтобы каждый претерпел то, что ему следует претерпеть, но также и этими действующими, ибо им не меньше приличествует так поступать. А потому, поскольку и египтяне были достойны обмана, и народ Израильский в соответствии с тогдашним возрастом человеческого рода находился еще на таком уровне нравов, что не недостойно для него было обмануть врагов, то случилось, что Бог повелел или, вернее, дозволил сообразно их влечению, чтобы они потребовали у египтян золотые и серебряные сосуды, которых они страстно желали, стремясь пока еще к земному царству. — потребовали, не собираясь их отдавать, и получили, как будто собирались вернуть (Ср. Исх.3:21-22). Бог пожелал, чтобы и награда за столь продолжительные труды и тягости сообразно с уровнем этих душ не была несправедливой; чтобы не несправедливым было также и наказание тех, кого достойно заставил Он потерять то, что должны были бы они получить назад. Итак, Бог не обманщик, — ибо кто не сочтет, что верить в это преступно и нечестиво? — но справедливейший распределитель наград и ролей, нечто — что достойно Его одного и Ему одному приличествует, как например, просвещать души и Самого Себя представлять им для всецелого наслаждения, делая их мудрыми и блаженными — делающий лично Сам; другое [совершающий] при помощи служащего Ему творения, расположенного в соответствии с непреложными законами сообразно заслугам; и кому-то Он приказывает, а кому-то дозволяет, так что подобным образом Божественный Промысл простирается вплоть до управления малыми птицами, как говорит Господь в Евангелии, и до украшения [полевой] травы, а также и до числа наших волос (Ср. Мф. 10:29-30). Об этом сказано также: «Достигает же от конца и до конца крепко, и управляет всем приятно (Прем.8:1).

- 3. А по поводу того, что посредством подчиненных Его законам служений душ Бог наказывает и воздает заслуживающим заслуженные кары, в то время как Сам пребывает в высшей степени невозмутимым, написано вполне ясно: «Ты почитаешь несвойственным Твоей силе осудить того, кто не заслуживает наказания. Ибо сила Твоя есть начало правды, и поскольку Ты Господь всех, Ты принуждаешь Себя щадить всех. Силу Твою Ты показываешь неверующим в совершенство силы, а в знающих обличаешь дерзость. Свое же, будучи Господом сил, Ты судишь с кротостью, и управляешь нами с великой милостью» (Прем.12:15-18).
- 4. Также подтверждает Господь и то, что сперва в земных вещах совершается восхождение к небесной праведности, предписываемой более твердым, когда говорит Он: «И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?» (Лк.16:12) А то, что сообразно своему уровню бывает научаема душа, и Сам Господь

показывает, говоря: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (Ин.16:12), и апостол [подтверждает], когда говорит: «И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими. Я питал вас молоком, а не твердой пищей, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах; потому что вы еще плотские» (1Кор. 3:1-2). Итак, то, что произошло с ними в соответствии с их уровнем, мы видим осуществляющимся и во всем человеческом роде, так что одно повелевается плотским людям, другое — духовным, в соответствующие времена. Итак, не удивительно, что тем, кто были еще достойны обманывать, было приказано обманывать врагов, заслуживающих быть обманутыми. Ибо не были еще достойны они того, чтобы им было сказано: «Любите врагов ваших», но такими были, что надлежало говорить им лишь так: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Ср. Мф.5:43-44). Ведь еще не время было преподать, в сколь широком смысле надлежит понимать этого ближнего. Итак, некое начало было положено под детоводителем, чтобы учителю осталось привести к совершенству. Причем тот же Бог и детоводителя дал младенцам, а именно закон через своего слугу, и учителя возросшим, то есть Евангелие через Своего Единственного [Сына].

Вопрос 54. О том, что написано: «Мне же благо прилепляться к Богу» (Пс.72:28)

Все, что существует, или всегда есть одно и то же, или нет. И всякая душа лучше всякого тела; ведь то, что оживотворяет, лучше того, что оживотворяется; а никто не будет спорить, что тело оживотворяется душой, а не душа телом. То же, что не является телом и, однако, есть нечто, — это или душа, или что-то лучше ее. Ибо нет ничего хуже всякого тела, поскольку, если бы кто и назвал материю, из которой происходит тело, то ее правильно называют «ничто», поскольку она лишена всякого вида. С другой стороны, между телом и душой нельзя найти ничего, что лучше тела, но хуже души. Ибо если бы было нечто среднее, то или оживотворялось бы душой, или оживотворяло бы душу, или ни то ни другое; [с другой стороны] или оживотворяло бы тело, или оживотворялось бы телом, или ни то ни другое. Но все, что оживотворяется душой — тело, если же нечто оживотворяет душу, то это лучше, чем душа. Далее, то, что оживотворяет тело — душа; то, что оживотворяется телом — ничто. А ни то ни другое, — то есть не нуждающееся ни в какой жизни и не доставляющее никакой жизни, — это или вообще ничто, или — нечто, что лучше тела и души. Но есть ли нечто таковое в природе, это другой вопрос. А теперь разум познает, что нет ничего между телом и душой, что лучше тела, но хуже души. А то, что лучше всякой души, — это мы называем Богом; и с Ним соединен каждый, кто мыслит Его. Ибо, то, что мыслят — истинно, но не все то, во что верят, истинно. А все, что истинно и при этом удалено от чувств и от разума, в это только лишь верят, и невозможно, чтобы это чувствовали или мыслили. Итак, соединено с Богом то, что мыслит Бога. Мыслит же Бога разумная душа. Ибо мыслит [она] то, что всегда одно и то же и никогда не претерпевает никакого изменения. Но и тело посредством времени и мест, и сама разумная душа, которая иногда мудра, а иногда глупа, претерпевают изменения. А то, что всегда является одним и тем же, безусловно, лучше того, что не является таковым. И нет ничего лучше разумной души, кроме одного Бога. Итак, когда [душа] мыслит нечто, что всегда остается одним и тем же, то она, несомненно, мыслит Его. А это есть сама Истина. И поскольку разумная душа, мысля, соединяется с Истиной, и это есть благо для души, то справедливо принимают, что как раз об этом-то и сказано: «Мне же благо прилепляться к Богу».

Вопрос 55. О том, что написано: «Шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц, и девиц без числа» (Песн.6:8)

Число десять может обозначать познание вселенной. И если это познание относится к внутреннему и умопостигаемому, обозначаемому числом шесть, то будет как бы шесть раз по десять, то есть шестьдесят. Если же [оно относится] к земному и тленному, что можно обозначить числом восемь, то будет восемь раз по десять, то есть восемьдесят. Итак, царицы — это души, царствующие в умопостигаемом и духовном; наложницы — те, кто получает земную награду, о ком сказано: «Они получили награду свою» (Ср.Мф.6:2). «А девицы без числа» — это те, у кого нет определенного

знания, и кто может подвергаться опасности от различных мнений, ибо число, как было сказано, обозначает определенную и несомненную твердость знания.

Вопрос 56. О сорока шести годах возведения Храма

Шесть, девять, двенадцать, десять и восемь — вместе дают сорок пять. Итак, добавь сюда самую единицу, будет сорок шесть; если взять это число шесть раз, получится двести семьдесят шесть. А говорят, что человеческое зачатие так происходит и совершается, что первые шесть дней [человек] имеет подобие как бы молока, в следующие девять дней изменяется в кровь, затем за двенадцать дней уплотняется, остальные десять и восемь формируется вплоть до совершенных очертаний всех членов и с этого срока остальное время, вплоть до часа рождения, прибавляет в величине. Итак, добавив к сорока пяти дням один, а это число обозначает совершенство, — так как шесть, девять, двенадцать, десять и восемь, соединенные в одно, дадут сорок пять; итак, добавив, как было сказано, один, получим сорок шесть. И когда это число будет умножено на находящееся во главе этого порядка число шесть, даст двести семьдесят шесть, то есть девять месяцев и шесть дней. И исчисляется этот срок от восьмого дня апрельских календ, — дня, в который, как верят, был зачат Господь, ибо в тот же самый день Он также и пострадал; — и до восьмого дня январских календ, — до дня, в который был Он рожден. Итак, разумно говорится, что Храм был построен за сорок шесть лет, ведь он обозначал Его тело, так что сколько лет заняло возведение Храма, столько же дней продолжалось совершенствование тела Господня (Ср. Ин.2:19-21).

Вопрос 57. О ста пятидесяти трех рыбах (Ин.21:11)

- 1. «Все ваше, вы же Христовы, а Христос Божий» (1 Кор.3:22-23). Если сосчитать, начиная с первого слова, то получится один, два, три, четыре. Также: «Жене глава муж, мужу глава Христос, а Христу глава Бог» (1Кор.11:3). Если сосчитать так же, получится снова: один, два, три, четыре. А один, два, три и четыре, взятые вместе, дают десять. Поэтому число десять верно обозначает учение, объемлющее Бога Создателя и созданное творение. И поскольку совершенное и неистребимое тело будет покоряться совершенной и неистребимой душе, и та, в свою очередь, покорится Христу, а Он Богу, не как неподобный или имеющий иную природу, но как Сын Отцу, то верно обозначают тем же самым числом десять все то, что, как ожидают, будет в вечности после воскресения тела. Возможно, поэтому те, кого нанимает [Хозяин трудиться] в виноградник, получают динарий в качестве награды (Ср. Мф.20:2). И подобно тому, как один, два, три и четыре вместе дают десять, так же один, два, три и четыре, взятые четырежды, дают сорок.
- 2. Далее, если число четыре верно обозначает тело из-за четырех известнейших природ, из которых состоит последнее: сухой, влажной, холодной и горячей, и из-за того, что движение от точки к длине, от длины к ширине, от ширины к высоте создает объем тела, опять же содержимый четверичным числом, то не глупо думать, что числом сорок обозначается временное домостроительство, совершившееся ради нашего спасения, когда Господь воспринял тело и удостоил людей [Своего] видимого явления. Ибо один, два, три и четыре, обозначающие Творца и творение, взятые четырежды, то есть явленные во времени посредством тела, дают сорок. А разница между четырьмя и четырежды в том, что четыре — это состояние, а четырежды — движение. Итак, как четыре относится к телу, так четырежды относится ко времени; и тем самым внушается таинство, телесно и во времени совершенное ради тех, кто был связан любовью к телам и подчинен временному. Поэтому справедливо думают, что число сорок, как было сказано, обозначает это временное домостроительство. И возможно, сюда же относится и то, что Господь постился сорок дней (Ср. Мф.4:2), показывая нужду этого века, ведомого движением тел и временем; и сорок дней после воскресения Он был с учениками, давая им проникнуть, как я полагаю, во временное домостроительство, совершенное [Им] для нашего спасения. Число же сорок, если те [равные] части, на которые можно его разделить, сложены, становится числом пятьдесят, тем самым показывая (в том случае, когда делящие его части равны между собой), что под управлением справедливости телесное

и видимое действие осуществляет во времени совершенствование человека. И это совершенствование, как было сказано, обозначается числом десять, ибо число сорок, когда его равные части взяты вместе, приобретает еще десять и, таким образом, как было сказано выше, достигает пятидесяти. Ведь единица в числе сорок содержится сорок раз, двойка — двадцать, четверка десять, пятерка — восемь, восьмерка — пять, десятка — четыре, двадцатка — два. И если эти числа сложить вместе, получится пятьдесят. Ибо невозможно, чтобы некое другое число могло измерить посредством равных частей число сорок, кроме тех [чисел], которые мы перечислили и привели, сложив, к числу пятьдесят. Итак, после того как Господь по Своем воскресении провел сорок дней с учениками Своими, передавая им, что было совершено во времени ради нас. Он вознесся на небо и по прошествии других десяти дней послал Святого Духа (Ср. Деян. 1:3-9; 2:1-4). Этим Духом были духовно усовершенствованы для приятия невидимого те, кто уверовали во временное и видимое. Самими этими десятью днями, после которых послал Он Святого Духа, Он обозначил числом десять то самое совершенствование, которое предоставляется Духом Святым. Число сорок, когда его равные части сложены вместе, как раз и производит это самое число десять, и делается пятьюдесятью, подобно тому как временное домостроительство, осуществляемое со справедливостью, простирается к совершенствованию, обозначаемому числом десять, и это десять вместе с числом сорок дает пятьдесят. Итак, поскольку до тех пор, пока мы пребываем во плоти, хотя и не по плоти живем, совершенствование, осуществляемое посредством Святого Духа, соединяется с временным домостроительством, то кажется верным, что число пятьдесят относится к Церкви, но уже очищенной и совершенной, которая объемлет любовью и веру во временное домостроительство, и надежду на будущую вечность, то есть как бы присоединяет к сорока десять. И если число, обозначающее [Церковь], взять трижды, — или поскольку составляется она из трех родов людей: иудеев, язычников и плотских христиан, или поскольку наполнена таинством Троицы, — то эта самая Церковь, к которой относится число пятьдесят, достигнет [числа] сто пятьдесят; ведь число пятьдесят, взятое трижды, дает сто пятьдесят. И если ты прибавишь к этому и само число три, поскольку должен быть отчетливый знак, что во имя Отца и Сына и Святого Духа омываются в купели возрождения (Ср. Мф.28:19; Тит.3:5), то будет сто пятьдесят три. И таковым оказывается число рыб, поскольку сеть была закинута по правую сторону и потому поймала великих (Ср. Ин.21:6-11), то есть [людей] совершенных и годных для Царства Небесного. Ведь в другом подобии сеть, заброшенная не справа, поймала вместе добрых и злых, и разделены были они на берегу (Мф.13:48). Ибо ныне, в пребывающей теперь Церкви, добрые и злые находятся вместе внутри сетей заповедей и таинств Божиих. Разделение же совершится в конце века, как бы в конце моря, то есть на берегу, когда праведные воцарятся сперва временно, как написано в Откровении, а затем и вовеки в городе, описанном там (Ср. Откр.21:1-27). И тогда, с прекращением временного домостроительства, обозначаемого числом сорок, останется число десять; и именно эту награду предстоит приобрести святым, трудящимся в винограднике.

3. Так же может оказаться, если рассматривать это число, что оно приложимо к святости Церкви, созданной Господом Нашим Иисусом Христом. Ибо творение, если разделить его на тройное число души и четверичное число тела, заключено в числе семь, и потому о самом восприятии [Господом] человека говорится как о трех, взятых семь раз, поскольку Отец послал Сына, Отец пребывает в Сыне, и по дару Святого Луха Сын был рожден от Левы. И три означает: Отец и Сын и Святой Лух, а семь раз взятое — [обозначает] самого человека, воспринятого при временном домостроительстве, чтобы стал он вечным. Итак, их произведение будет двадцать один, то есть семь раз по три. А это восприятие человека способствует избавлению Церкви, Главой которой Он является (Ср. Еф.5:21-23). И сама Церковь вследствие души и тела заключена в том же числе семь. Итак, двадцать один также берется семь раз ради тех, кто освобождается благодаря Господню Человеку, и дает сто сорок семь. К этому [числу] прибавляют число шесть, в качестве знака совершенства, поскольку состоит оно из своих частей, на которые делится без остатка, так что не получается ни большего, ни меньшего [числа]. Единица содержится в нем шесть раз, двойка — трижды, тройка — дважды. И эти числа исчисляют его, так что все они, вместе взятые, один, два и три, дают шесть. Это, возможно, относится также и к тому таинству, что Бог за шесть дней совершил все дела свои (Ср. Быт.2:2). И если к ста сорока семи ты прибавишь шесть, то есть знак совершенства, получится сто пятьдесят три. А таковым оказывается число [пойманных] рыб, когда по приказу Господа сети были закинуты по правую сторону, где грешники, относящиеся к левой стороне, не обретаются.

Вопрос 58. Об Иоанне Крестителе

- 1. Если рассмотреть то, что можно прочитать об Иоанне Крестителе в Евангелии, то в силу многих достойных свидетельств вполне разумно признать его образом пророческого служения, и прежде всего из-за сказанного о нем Господом: «Больше чем пророк» (Мф.11:9). Ибо он действительно обозначает все пророческое служение, которое совершалось о Господе от начала человеческого рода вплоть до пришествия Господня. Ведь образ Евангелия в самом Господе, а оно предвозвещалось через пророчество, и проповедь его увеличивается по всей вселенной от самого пришествия Господа, пророчество же уменьшается после наступления того, что оно предвозвещало. Итак, Господь говорит: «Закон и пророки до Иоанна» Крестителя; «с сего времени Царствие Божие благовествуется» (Лк.16:16); и сам Иоанн говорит: «Ему должно расти, а мне умаляться» (Ин.3:30). Что символизируется и днем, когда каждый из них был рожден, и смертью, которой они пострадали. Ибо Иоанн родился тогда, когда дни начинают уменьшаться, а Господь родился, когда дни начинают расти. Один был уменьшен на голову, когда был убит; второй же вознесен крестом. Итак, после того, как само пророчество, заключавшееся в Иоанне, перстом указало на присутствие Того, Чье пришествие возвещало оно от начала человеческого рода, оно начало умаляться, и с тех пор [начала] возрастать проповедь Царствия Божия. И поэтому Иоанн крестил в покаяние (Ср. Мф.3:11), ибо ветхая жизнь простирается вплоть до покаяния, и отсюда начинается жизнь новая.
- 2. Однако не только у тех, кто именуется пророками в собственном смысле, но и в самой истории Ветхого Завета те, кто с благочестием ищет и кому в подобных изысканиях способствует Божественная помощь, могут обрести пророчества, которые не безмолвствуют. И особенно очевидно это из следующих, наиболее ясных, образов вещей: что Авель праведный был убит братом (Ср. Быт 4:8), а Господь — иудеями; что Ноев ковчег во всемирном потопе (Ср. Быт 7:1) был управляем так же, как и Церковь, что Исаак был ведом, чтобы быть принесенным в жертву, и вместо него допускается овен, как бы распятый в терновнике (Ср. Быт 22:3-13); что в двух сыновьях Авраама, одном от рабыни и другом от свободной, познаются два Завета (Ср. Гал. 4:22-24); что два народа предызображаются в близнецах Исаве и Иакове (Ср. Быт 25:22); что Иосиф, претерпев гонение от братьев, был почтен чужими (Ср. Быт 37-41), как Господь, убитый гонителями Его иудеями, был прославлен у язычников. Долго было бы упоминать каждое [событие], да и апостол заканчивает так, говоря: «Все это происходило с ними, как образы; а написано ради нас, до которых достиг конец веков» (1Кор.10:11). И если весь род человеческий ты примешь за одного человека, то конец веков, подобно старости ветхого человека, обозначается шестым возрастом, когда и пришел Господь. Ведь в одном человеке также существует шесть возрастов: младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Итак, первый возраст человеческого рода — от Адама до Ноя, второй — от Ноя до Авраама, и эти подразделения наиболее очевидны и известны; третий — от Авраама до Давида, ибо так разделяет евангелист Матфей (Ср. Мф.1:17), четвертый — от Давида до переселения в Вавилон, пятый — от переселения в Вавилон до пришествия Господа. Шестой, надо полагать, от пришествия Господа до конца века; и в это время внешний человек, именуемый ветхим, как бы от старости тлеет, а внутренний со дня на день обновляется (Ср. 2Кор.4:16). А далее — вечный покой, обозначаемый субботой. С этим согласно и то, что человек был сотворен по образу и подобию Божию в шестой день (Ср. Быт. 1:27). Причем всякий знает, что жизнь человека уже чем-либо занимающегося поддерживается деятельностью и познанием. Ибо и деятельность безрассудна без познания, и познание бесплодно без деятельности. Но первоначальная жизнь человека, относительно которой верно полагают, что у нее нет управления, подчинена пяти телесным чувствам; и эти [чувства] зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. И потому первые два возраста человеческого рода младенчество и детство — ограничены десятью поколениями, то есть удвоенными пятью, поскольку род продолжается обоими полами. Итак, десять поколений от Адама до Ноя, и другие десять — от Ноя до Авраама, и эти два возраста, как мы сказали — младенчество и детство человеческого рода. А отрочество, юность и зрелость, то есть от Авраама до Давида, от Давида до переселения в Вавилон и с этого времени до пришествия Господа, обозначаются четырнадцатью поколениями, по семь поколений в соответствии с таким же подсчетом каждого пола; при том, что к пяти, относящимся к чувствам тела, прибавлены деятельность и познание. Старость же обыкновенно длится столько времени, сколько все остальные возрасты. Ибо поскольку говорят, что старость начинается с шестидесятого года, и человеческая жизнь может простираться вплоть до ста двадцати лет, то ясно, что сама по себе старость может быть столь же долгой, как все предшествующие возрасты. А сколькими поколениями исчисляется последний возраст человеческого рода, берущий начало со

времени пришествия Господня и [длящийся] до скончания века, — это не известно. И с пользою пожелал Бог скрыть это, как и в Евангелии написано (Ср. Мф.24:36), и апостол подтверждает, говоря, что «день Господень придет, как вор ночью» (Ср. 1Фес.5:2).

3. Однако при помощи вышеуказанного различения поколений мы научаемся, что в шестом возрасте род человеческий был посещен смиренным пришествием Господа. И вследствие этого посещения начинает становиться явным пророчество, сокрытое на протяжении предыдущих пяти возрастов. А поскольку образом этого пророчества являлся Иоанн, как было сказано выше, то он был рожден престарелыми родителями, ибо вследствие старости века это пророчество начинает проявляться; и пять месяцев таилась мать его, как написано: «Таилась Елизавета пять месяцев» (Ср. Лк.1:24). На шестом же месяце навещает ее Мария, Матерь Господня, и взыграл младенец в утробе, ибо в первое пришествие Господа, когда счел Он подобающим явиться в смирении, пророчество начинает обнаруживаться, но как бы в утробе, то есть еще не так явственно, чтобы все обнаружилось, как явленное в свете; ибо это, как мы верим, [совершится] в будущем, во второе пришествие Господне, когда Он придет во славе. И предтечей того пришествия ожидают Илию, как [предтечей] этого был Иоанн. Потому Господь и говорит: «Илия уже пришел, и многое сделали ему люди; и, если желаете знать, он есть Иоанн Креститель, которому предстоит прийти» (Ср. Мф.11:14; 17:12). [Сказано так], поскольку один уже пришел, а другой должен прийти в том же духе и в той же силе, а именно в должности провозвестника. Из-за этого и называет Иоанна Дух, Которым исполнился его отецпровидец, грядущим предтечей Господа «в духе и силе Илии» (Ср. Лк.1:17, 76). И проведя с Елизаветой три месяца, Мария ушла (Ср. Лк 1:56). Этим числом, как мне кажется, обозначается вера в Троицу и крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа; и тем самым благодаря смиренному пришествию Господа род человеческий насыщается и приуготовляется к грядущему пришествию Его славы.

Вопрос 59. О десяти девах

- 1. Среди притч, рассказанных Господом, обычно весьма занимает вопрошающих та, что предложена в отношении десяти дев. И многие извлекли из нее многое, не противоречащее вере. Нужно, однако, позаботься о том, чтобы в изъяснении ее все части были согласованы. Я прочел даже в некоем писании, вроде тех, что называются апокрифами, то, что не противно кафолической вере, но мне, когда я обдумывал все части этой притчи, показалось, что [это] мало чем соответствует данному месту. Причем что касается этого изъяснения, я не отваживаюсь высказать что-либо необдуманно, опасаясь [не того], что его несоответствие вызовет у меня затруднение, но [страшась], что мое тугодумие не обнаружит его согласия. И то, что, как мне кажется, не глупо принять в данном случае, я изложу, насколько смогу кратко и тщательно.
- 2. Итак, Господь наш, будучи спрошен учениками втайне о скончании века, среди многого другого, о чем говорил, сказал также и следующее: «Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые взяли светильники свои и вышли навстречу жениху. Из них пять было неразумных и пять мудрых. Но пять неразумных, взяв светильники свои, не взяли с собой елея. А мудрые взяли с собой елей в сосудах своих, со светильниками. И поскольку жених медлил, все уснули. Но в полночь раздался крик: Вот, жених идет, вставайте навстречу ему. Тогда встали девы эти и поправили светильники свои. И сказали неразумные мудрым: Дайте нам от елея вашего, ибо светильники наши гаснут. Мудрые же ответили, говоря: Как бы не случилось недостатка у нас и у вас; пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же те пошли покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. Позже же приходят остальные девы, говоря: Господи, Господи, отвори нам. И Тот, отвечая, сказал: Аминь говорю вам, не знаю вас. Итак, бодрствуйте, поскольку не знаете ни дня, ни часа» (Мф.25:1-13). То, что из десяти дев пять впускаются, а пять изгоняются – означает, разумеется, разделение добрых и злых. Однако если имя девства почетно, то почему оно общее и для принятых и для изгнанных? Затем, что означает пятеричное число с каждой стороны? И что означает елей? Ибо кажется удивительным то, что мудрые не поделились с просящими, поскольку и отказывать из недоброжелательства грешно для тех, кто настолько совершенен, что принимается женихом, — а этим именем, несомненно, обозначается Господь Иисус Христос, — и подобает им быть милосердными, уделяя из того, что имеют, ибо предписывает это изречение Господа,

сказавшего: «Всякому, просящему у тебя, дай» (Лк.6:30). Что это такое, чего из-за даяния может не хватить ни тем, ни другим? Это все весьма увеличивает трудность исследования; хотя и в отношении тщательного разбора всего прочего следует соблюдать великую осторожность, чтобы все соединилось в одно целое, и то, что говорится в одном месте, не противоречило бы сказанному в другом.

3. Итак, мне кажется, что пять дев обозначают пятичастное воздержание от плотских соблазнов. Ибо должно, чтобы стремление души воздерживалось от пожелания глаз, от пожелания ушей, от пожелания обоняния, вкуса, осязания. Но поскольку это воздержание совершается отчасти перед Богом, дабы угодить Ему во внутренней радости совести, а отчасти перед людьми лишь для того, чтобы стяжать человеческую славу, то пять называются мудрыми и пять неразумными. Однако и те и другие — девы, поскольку и те и другие воздержанны, хотя радуются в силу разных побуждений. А светильники, которые несут они в руках, — это дела, совершаемые ими в соответствии с их воздержанием. Ибо сказано: «Да светят дела ваши перед людьми» (Ср. Мф.5:16). Итак, все «взяли светильники свои и вышли навстречу жениху». На основании этого подобает думать, что те, о ком говорится здесь, запечатлены именем Христовым, ведь те, кто не суть христиане, не могут выйти навстречу Христу. «Но пять неразумных, взяв светильники свои, не взяли с собой елея». Ведь многие, хотя и надеются весьма сильно на Христову благость, однако, живя воздержанно, не имеют [иной] радости, кроме как от людских похвал. Поэтому и нет у них с собой елея. Ибо я полагаю, что елей обозначает саму радость. «Посему помазал Тебя, — говорит [псалмопевец], — Боже, Бог Твой елеем радости» (Пс.44:8). А тот, кто радуется не потому, что внутренне угоден Богу, у того нет с собой елея. «А мудрые взяли елей в сосудах со светильниками своими», то есть радость от добрых дел поместили в сердце и в совести. Так и апостол наставляет: «Да испытывает себя человек, и тогда в себе самом будет иметь славу, а не в другом» (Ср. Гал. 6:4). И поскольку жених медлил, все уснули, ведь люди, относящиеся как к одному, так и к другому роду воздержания, как те, кто ликовал пред Богом, так и те, кто находили утешение в людской славе, в этот промежуток времени умрут, пока не произойдет воскресения мертвых во время пришествия Господня. Но в полночь, то есть когда никто не знал и не ждал, — ведь и сам Господь сказал: «О дне же том и часе никто не знает» (Мф.24:36), и апостол: «День Господень придет, как вор ночью» (Ср. 1Фес.5:2), и из этого ясно, что Он вполне скрыл, когда придет, — «раздался крик: вот, жених идет; вставайте навстречу ему. Во мгновение ока, при последней трубе все мы воскреснем» (Ср.1Кор.15:51-52). Итак, встали все эти девы и поправили светильники свои, — то есть отчет, который должны дать о своих делах. Ибо всем нам надлежит предстать перед судом Христовым, чтобы каждый там получил воздаяние за то, что сотворил в теле, или доброе, или злое (Ср. 2Кор.5:10). «И сказали неразумные мудрым: Дайте нам от елея вашего, поскольку светильники наши гаснут». Ведь те, чьи дела поддерживаются чужой похвалой, если пропадает она, испытывают недостаток; и по привычке они всегда стремятся к тому, от чего привык радоваться дух. Итак, они желают обладать свидетельствами людей, не знающих серден, перед Богом — испытателем сердец. Но что ответили мудрые? «Как бы не случилось недостатка у нас и у вас». Ибо всякий даст за себя отчет, и чужое свидетельство никому не окажет помощи у Бога, для Которого открыты тайные [помыслы] сердца. Каждому едва достанет на самого себя, чтобы его совесть представила ему свидетельство. Ибо «кто может похвалиться, что у него чистое сердце?» (Ср. Притч.20:9) Поэтому и апостол говорит: «Для меня очень мало [значит], чтобы быть судимым от вас или от другого человека; и сам я не сужу себя» (Ср.1Кор.4:3). Ибо если в отношении самого себя всякий или вовсе не может, или едва может произнести верное мнение, то как же сможет он судить о другом, если никто не знает происходящего в человеке, кроме духа человеческого? (Ср. 1Кор 2:11) «Пойдите лучше к продающим и купите себе». Не следует думать, что они дали совет, но — что со стороны напомнили [тем] об их преступлении. Ибо елей продают льстецы, которые или ложной, или невежественной похвалой вводят души в заблуждение, и, поскольку те [становятся] как бы слабоумными от тщетной радости, то, склонив [их к себе], получают от них, не понимающих сказанного: «Те, кто называет вас счастливыми, вводят вас в заблуждение (Ис.3:12), некую награду в виде пищи, денег, почестей или других временных выгод. Но лучше быть порицаемым праведником, чем быть восхваляемым грешником. «Исправит меня, — говорит [Давид], — праведник в милосердии и обличит меня; елей же грешников да не помажет моей головы» (Пс.140:5). Поэтому идите к продающим и купите себе, то есть теперь посмотрим, чем помогут вам продававшие вам похвалы и вводившие вас в заблуждение, чтобы вы искали славы не перед Богом, но от людей. «Когда же те пошли покупать, пришел жених», то есть когда они склонились к тому, что вовне, и взыскали привычных радостей, ибо радостей внутренних не знали, пришел Тот, Кто судит, «и готовые», то есть те, кому совесть предоставляла благое свидетельство перед Богом, «вошли с Ним на брачный пир», то есть туда, где чистая душа соединяется, чтобы быть оплодотворенной, с чистым, совершенным и

вечным Словом Божиим, «и дверь была закрыта», а именно после того, как были приняты изменившиеся в ангельскую жизнь, — «ибо все мы воскреснем, — говорит [апостол], — но не все изменимся» (1Кор.15:51), — был закрыт доступ в Царство Небесное. Ведь после суда не остается места молитвам и заслугам. «Позже же приходят остальные девы, говоря: Господи, Господи, открой нам». Не сказано, что они купили елея, и потому надлежит думать, что они, когда уже не осталось никакой радости от чужих похвал, в стесненном положении и большой скорби, вновь стали просить Бога о помощи; но строгость Его после суда велика, ибо невыразимо Его милосердие, предлагаемое до суда. А потому Он сказал, отвечая: «Аминь говорю вам, не знаю вас», на том основании, надо думать, что не дозволяет Замысел Божий, то есть Премудрость Божия, чтобы вошли в радость Его те, кто, как оказалось, делали нечто в согласии с его заповедями не перед Богом, но дабы угодить людям. И заключает так: «Итак, бодрствуйте, ибо не знаете дня и часа», не только того последнего времени, когда придет Жених, но никто не знает [также и] дня и часа своего успения. Итак, всякий, кто сделался готовым прежде сна, то есть до [дня] смерти, которой подлежат все, точно так же будет найден готовым и тогда, когда в полночь прозвучит голос, пробуждающий всех.

4. А то, что, как Он сказал, девы вышли навстречу жениху, — это, я полагаю, следует понимать в том смысле, что из этих самых дев состоит именуемая невестой. Ибо поскольку все христиане соединяются в Церковь, называются они сынами, соединяющимися в Матери, хотя из самих собравшихся сынов составляется зовущаяся Матерью. Ибо ныне Церковь обручена и является Девой, ведомой на брачный пир, так как удерживает себя от мирской порчи, а Женой станет тогда, когда, с гибелью всей смертности, будет оплодотворена бессмертным [брачным] соединением. «Я обручил, говорит [апостол], — вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девой» (2Кор 11:2). «Вас, говорит, — девой», переходя от множественного числа к единственному. Поэтому могут называться и девами, и девой. А почему сказано, что их десять, — это, как мне кажется, уже объяснено. «Но ныне мы видим... в загадке, тогда же лицом к лицу» (1Кор 13:12); и ныне отчасти, а тогда целиком. А то, что ныне познают нечто в Св. Писании в загадке и отчасти, и притом совершается это в соответствии с кафолической верой, — это происходит благодаря тому залогу, который получила Дева-Церковь во время смиренного пришествия своего Жениха. Супругой же станет она Ему в последнее пришествие, когда придет Он в славе, так что она будет уже познавать лицом к лицу. Ибо Он «дал нам в залог Духа» (Ср. 2Кор 5:5), как говорит апостол. И потому это изъяснение не заботится неукоснительно ни о чем другом, кроме как о том, чтобы быть в согласии с верой, и не осуждает заранее других [толкований], ибо и они могут в не меньшей степени быть согласны с верой.

Вопрос 60. [О словах:] «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, ни Сын Человеческий, но только один Отец» (Ср. М.24:36)

Что Бог знает [нечто], говорят также и тогда, когда Он делает [кого-то] знающим, как написано: «Искушает вас Господь Бог ваш, чтобы узнать, любители вы Его» (Ср. Втор.13:3). Ибо сказано так не потому, что Бог не знает, но для того, чтобы они сами узнали, насколько усовершенствовались в любви к Богу. А это не познается людьми в полной мере иначе как через случающиеся искушения; и само слово «искушает» поставлено в том [смысле], что «позволяет быть искушаемыми». Так и когда говорится, что [Бог] не знает, то это говорится или в том смысле, что Он не одобряет, то есть не признает этого в Своем наставлении и учении, как сказано: «Не знаю вас» (Мф.25:12); или же [так выражаются], когда ради пользы делает Он [людей] незнающими [то], знать что им не полезно. Поэтому относительно утверждения, что [о дне том] знает только один Отец, будет верно думать, что сказано это так, поскольку Он дает знать Сыну. А когда говорится, что Сын не знает, это означает, что Он не дает знать людям, то есть не открывает им того, что не полезно им знать.

Вопрос 61. О том, что Господь, как написано в Евангелии, насытил толпы людей на горе пятью хлебами (Ср. Ин 6:9-13)

- 1. Пять ячменных хлебов, которыми на горе накормил Господь толпу, обозначают Ветхий Закон или в силу того, что он был дан еще не духовным, но пока что плотским [людям], то есть преданным пяти плотским чувствам, ведь и сама толпа была в пять тысяч человек; или же поскольку этот самый закон был дан через Моисея, а Моисей написал пять книг. И то, что хлеба были ячменными, превосходно обозначает или сам закон, данный таким образом, что в нем животворная для души пища скрывалась телесными обрядами, а ядро ячменя покрыто жесткой шелухой; или же [это обозначает] народ, не избавившийся еще от плотского желания, которое, как шелуха, прилипло к его сердцу, то есть [народ], еще не обрезанный сердцем. Ведь [этот народ] не отложил плотских покровов вследствие молотьбы мучений, через просвещение ума, когда он был водим сорок лет по пустыне, подобно тому, как ячмень не освобождается от шелухи молотьбою поверхности. Итак, такому народу был дан соответствующий закон.
- 2. А две рыбы, придававшие приятный вкус хлебу, по-видимому, обозначают те два лица, которые правили этим народом, так что при помощи их умерялись его замыслы, а именно царя и священника, к которым относилось также и священное помазание. Их обязанностью было никогда не ломаться и не сокрушаться под напором народных порывов и волнений, постоянно рассекать яростные противодействия толп, как противные волны, двигаться среди них, сохраняя свою чистоту, и вообще, подобно рыбам в бурном море, заниматься беспокойным делом управления народом. Эти два лица были также прообразами нашего Господа; ведь Он один воспринял их оба, и один исполнил не образно, но в собственном смысле. Ибо Иисус Христос — Царь наш, поскольку явил нам образец борьбы и победы; Он воспринял в смертном теле грехи наши, не уступив ни соблазнительным, ни устрашающим искушениям неприятеля, наконец, совлекшись плоти, Он уверенно лишил власти начальства и силы и одолел их в Себе Самом (Ср. Кол.2:15). Итак, под Его предводительством мы освобождаемся от бремени и тягостей этого нашего странствия, как из Египта, и преследующие нас грехи потопляются в таинстве крещения, когда мы восходим [от него]. И пока мы пребываем в надежде Его обетования, ныне еще невидимого, мы как бы ведомы по пустыне, причем утешает нас Слово Божие в Святых Писаниях, как тех [израильтян] — манна с небес. Мы ожидаем, что под этим самым предводительством сможем мы войти в небесный Иерусалим как в землю обетованную и во веки будем соблюдаемы там благодаря Его правлению и охранению. Итак, ясно, что Господь наш Иисус Христос является Царем нашим. Он есть также и Священник наш вовек по чину Мелхиседекову (Ср. Пс.109:4), ибо Он принес Сам Себя в жертву всесожжения за грехи наши и заповедал, чтобы подобие Его жертвы совершалось в воспоминание о Его страданиях. Поэтому то, что Мелхиседек принес Богу (См. Быт.14:18), мы ныне видим приносимым по всему миру в Церкви Христовой. Итак, поскольку Царь наш взял на Себя грехи наши, дабы показать нам образец борьбы и победы, то евангелист Матфей, обозначая восприятие этих самых грехов и царское лицо, начинает Его родословие по плоти с Авраама, отца верного народа, и, исчисляя преемственность потомства сверху вниз, достигает Давида, в котором явился наиболее очевидно оплот царской власти; а оттуда через Соломона, рожденного от той, в отношении которой согрешил отец его, следуя царскому роду, доводит родословие вплоть до Господа (Ср. Мф.1:1-17). Другой же евангелист, Лука, — ведь и он предпринял изложение родословия Господа по плоти, но [Господа] в лице Священника, а к этому лицу относятся очищение и прощение грехов, — начинает постепенно излагать род его предков не в начале книги, как Матфей, но в том месте, где [говорится, как] был крещен Иисус, [то есть] где предобразил Он очищение грехов наших; и движется не сверху вниз, как тот, кто представлял Его как бы нисходящим для взятия грехов, но снизу вверх, как бы показывая Его восходящим после прощения грехов. И при этом упоминает он не тех предков, которых первый (Ср.Лк.3:23-38). Ибо иным было священническое происхождение [Христа], которое осуществилось через одного из сынов Давидовых, взявшего по жребию, как было принято, супругу из колена священнического; так что Мария состояла в кровном родстве с двумя коленами, а именно с царским и священническим. Ибо, когда Мария и Иосиф отправились на перепись, написано, что они были из дома, то есть из рода Давида (Ср. Лк. 2:4). И Елизавета, о которой точно так же написано, что она родственница Марии, была из рода священнического (Ср. Лк.1:5, 36). Поэтому как Матфей, представляя Христа Царем, сходящим для восприятия грехов наших, через Соломона спускается от Давида, ведь Соломон был рожден от той, по отношению к которой согрешил Давид; так и Лука, изображая Христа Священником, как бы восходящим после прощения грехов, через Нафана восходит к Давиду, поскольку благодаря обличению посланного [к нему] пророка Нафана Давид вымолил в покаянии прощение как раз этого самого греха (Ср. 2Цар 12:1-13). Итак, после того, как проходит Лука лицо Давида, он не расходится с Матфеем в именах родословий. Ибо тех же самых называет он, восходя от Давида до Авраама, кого и тот, нисходя от Авраама до Давида. От Давида же на два семейства, царское и священническое,

распределяется это происхождение, и из этих двух семейств, как было сказано, Матфей следует царскому, нисходя, а Лука — священническому, восходя; так что Господь наш Иисус Христос, Царь и Священник наш, находится в кровном родстве с родом священников и в то же время не принадлежит к роду священников, то есть к роду Левиину, но происходит из рода Иудина, то есть из рода Давидова, а из этого рода никто не был посвящен алтарю. И по большей части называется Он по плоти сыном Давидовым, поскольку и Лука, восходя, и Матфей, нисходя, встречаются на Давиде. Ибо надлежало, чтобы Тот, Кому предстояло отменить жертвоприношения, совершавшиеся по чину Ааронову левитским священством, не был бы из колена Левиина, дабы не казалось, что к самому колену и к самому священству, которые были временной тенью грядущего, относится очищение грехов. Его и совершил Господь, предложив Свою жертву всесожжения, что прообразовывалось в ветхом священничестве. И образ Своей жертвы всесожжения Он предал для совершения в Церкви в память о Его страданиях, чтобы быть Священником вовек, не по чину Аааронову, но по чину Мелхиседекову (Ср.Евр.6:20). Таинство всего этого можно рассмотреть еще более тщательно, но уже рассмотренного достаточно в отношении [вопроса о] двух рыбах, которыми, как мы сказали обозначались два лица, парское и священническое.

- 3. А то, что на траве возлегла эта толпа, означает, что принявшие Ветхий Завет, поскольку им было обещано временное царство и временный Иерусалим, предались плотской надежде; «ибо всякая плоть трава, и слава человека, как цвет травный» (Ис.40:6). И то, что оставшимися кусками пищи были наполнены двенадцать корзин, означает, что ученики Господни, к которым и относится число двенадцать, были наполнены разъяснением и раскрытием того самого закона, который оставили и бросили иудеи. Ведь еще не было Писания Нового Завета, когда Господь, как бы преломляя то, что было сурово, и обнаруживая то, что сокрыто в законе, наполнил учеников, когда после воскресения открыл Он им Ветхие Писания, начав от Моисея и всех пророков, толкуя им во всех Писаниях то, что относилось к Нему. Ведь и тогда двое из них познали Его в преломлении хлеба (Ср. Лк.24:25-31).
- 4. И поэтому верно думают, что второе насыщение народа, совершенное семью хлебами (Ср. Мф.15:34-38), относится к проповеди Нового Завета. Ибо не сказано другим евангелистом, что эти хлеба были ячменными, как о тех пяти сказал Иоанн. Итак, это насыщение семью хлебами относится к благодати Церкви, познаваемой по известнейшему седмеричному действию Святого Духа. И потому написано, что здесь было не две рыбы, как в ветхом законе, где помазывали лишь двоих, царя и священника; но немного рыб, то есть тех, кто первыми поверили Господу Иисусу Христу, и были помазаны во имя Его, и посланы для проповеди Евангелия и для укрощения бурного моря века сего, что исполняют они по поручению самой великой «Рыбы», то есть Христа, как говорит апостол Павел (Ср.2Кор.5:20). И в этой толпе было не пять тысяч человек, как там, где обозначались плотские, принявшие закон, то есть преданные пяти плотским чувствам, но четыре тысячи; и этим числом обозначаются духовные, по причине четырех добродетелей души, при помощи которых в этой жизни живут духовно: благоразумия, умеренности, мужества, справедливости. Из этих добродетелей первая познание вещей, которых должно добиваться и которых следует избегать, вторая обуздание страсти к доставляющему временное удовольствие; третья твердость духа против временно являющегося тягостным, четвертая, простирающаяся на все прочие, любовь к Богу и ближнему.
- 5. Разумно и там пять тысяч, и здесь четыре тысячи упоминаются за исключением женщин и детей; и это, как мне кажется, к тому служит, чтобы мы поняли, что и в народе Ветхого Завета были люди, нетвердые в исполнении праведности по закону, а апостол Павел без жалобы говорил, что он жил в этой праведности (Ср. Флп.3:6); были также и другие, кого легко было совратить к поклонению идолам. И эти два рода, то есть слабость и заблуждение, обозначаются именами женщин и детей. Ибо женский пол немощен в действии, а детство удобно для игры. А что столь же похоже на детскую игру, как почитание идолов, если и апостол отнес сюда этот род суеверия, когда сказал: «Не станем служить идолам, подобно некоторым из них, как написано: Народ сел есть и пить, и встал играть?» (Ср. 1Кор. 10:7) Итак, женщинам подобны те, кто, не пребывая стойко в трудах ожидания, чтобы достигнуть обещанного Богом, искушали Бога; а детям те, кто сели «есть и пить и встали играть». Однако не только здесь, но и в народе Нового Завета тех, кто по причине слабости сил, или из-за легкомыслия, оказывается неспособным достигнуть совершенного мужа (Ср. Еф.4:13), должно сравнивать с женщинами и детьми. Ибо первым сказано: «Если только начало устойчивости сохраним твердым до конца» (Евр.3:14); а вторым: «Не будьте детьми умом, на злое будьте младенцами, чтобы умом быть совершенными» (1Кор.14:20). И потому ни в Ветхом, ни в Новом Завете таковые не включаются в число, но там ли пять тысяч, здесь ли четыре тысячи, говорится о них за исключением женщин и детей.

- 6. И хотя и там и тут, ради самого Христа, который постоянно в Писаниях называется горой, и тот и другой народ был насыщен на горе, однако во втором случае возлегли не на траве, а на земле. Ибо там вершина Христа покрыта плотской надеждой и влечением из-за плотских людей и земного Иерусалима, а здесь, когда удалено всякое плотское вожделение, сотрапезников Нового Завета содержала на себе без промежутка травы твердь вечной надежды, подобно твердости самой горы.
- 7. И поскольку весьма верно говорит апостол: «Прежде, чем явилась вера, мы были соблюдаемы под законом» (Ср. Гал. 3:23), то, кажется, это же обозначает и Господь, когда говорит о тех, кого намеревался насытить пятью хлебами: «Не нужно им идти, вы дайте им есть» (Мф.14:16). Ибо этими словами они как бы образно удерживаются для соблюдения, ведь ученики убеждали Его отпустить их. А о толпах, относящихся к семи хлебам, Он сказал, что весьма жалеет их, ибо уже третий день они, голодные, не покидают Его. Ибо во всем веке человеческого рода третье время — то, в которое дана благодать христианской веры. Первое время — до закона, второе — под законом, третье — под благодатью; и поскольку еще остается четвертое, когда достигнем мы полнейшего мира небесного Иерусалима, куда направляется всякий правильно верующий во Христа, то и говорит Господь, что Он укрепит эту толпу, чтобы не ослабели они в пути. Ведь совершая домостроительство, Господь удостоил нас своего временного и видимого явления в человеке и дал нам как залог Святого Духа. седмеричным действием Которого мы оживляемся, в соединении с апостольским авторитетом, как бы со вкусом немногих рыб. Итак, это домостроительство к чему другому служит, как не к тому, чтобы мы могли достигнуть славы высшего призвания без недостатка сил? «Ибо мы ходим верою, а не видением» (2Кор 5:7). И сам апостол Павел говорит, что он еще не достиг Царства Божия: Но «забывая заднее и простираясь вперед, в соответствии с намерением стремлюсь к славе вышнего звания... Впрочем, до чего мы достигли, в том да и ходим» (Ср. Флп.3:13-14, 16), поскольку присоединившиеся в третий день к Господу и насыщенные Им, мы не ослабнем в пути.
- 8. Даже и тут оказалось невозможным благоразумно достичь конца пиршества, но остались крошки. Ибо не напрасно о будущем сказано: Не полагаешь ли ты, «что придет Сын Человеческий и найдет веру на земле?» (Ср. Лк.18:8) И верую, что так произойдет из-за женщин и детей. Однако остатки кусков наполнили семь корзин, к которым относится седмиобразная Церковь, описываемая также и в Откровении (Ср. Откр.1:4), то есть всякий, кто сохранится до конца. Ибо Тот, Кто говорит: «Не полагаешь ли ты, что придет Сын Человеческий и найдет веру на земле?» дает понять этим, что даже в конце пира Его крошки могут быть оставлены и брошены, но поскольку Он говорит также: «Устоявший же до конца спасется» (Мф.24:13), то выражает этим, что Церковь не оскудеет, ибо она приобретет в семь раз более изобильно те же семь хлебов и удержит [их] широтою сердца, которую, по-видимому, обозначает сохранение в корзинах.

Вопрос 62. О том, что написано в Евангелии, что Иисус крестил больше, чем Иоанн, хотя Сам Он не крестил, но ученики Его (Ср. Ин.4:1-2)

Спрашивают: приняли ли Святого Духа те, кто был крещен тогда, когда, как написано, Господь через учеников своих крестил больше, чем Иоанн; ибо в другом месте Евангелия говорится так: «Ибо Дух еще не был дан, потому что Иисус еще не был прославлен» (Ср.Ин.7:39). И проще всего ответить следующим образом: Господь Иисус, Который даже мертвых воскрешал, мог бы не дать умереть никому из этих [крещеных] до тех пор, пока они не приняли бы Духа Святого после Его прославления, то есть воскресения из мертвых и восшествия на небо. Но приходит на ум тот разбойник, которому было сказано: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк.23:43), не принявший даже и самого крещения. Хотя Корнилий и уверовавшие вместе с ним из язычников восприняли Святого Духа прежде, чем были крещены (Ср. Деян.10:44-47); [так что] я не вижу, каким образом и разбойник этот смог бы без Святого Духа сказать: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое» (Лк.23:42); ведь говорит же апостол: «Никто не назовет Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1Кор.12:3). Плод веры [разбойника] Господь показывает Сам, сказав: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». Следовательно, как благодаря невыразимому могуществу властвующего Бога и справедливости самое крещение было вменено верующему разбойнику, так что в качестве принятого наличествовало в свободной душе то, что

принять распятым телом он был неспособен, так же точно и Дух Святой втайне был даруем до прославления Господня, а после явления Его Божественности преподавался более явно. И сказано так: «Ибо Дух еще не был дан»; то есть еще не явился таким образом, чтобы все признали, что Он дан; так же как и Господь еще не был прославлен среди людей, однако вечная Его слава [никогда] не прекращалась. В соответствии с этим и пришествие Его называется явлением в смертной плоти, ибо пришел туда, где был, поскольку «пришел к своим, и в этом мире был, и мир через Него начал быть» (Ин.1:10-11). Поэтому как под пришествием Господним понимается Его телесное явление, хотя и до этого явления Он Сам говорил во всех святых пророках, будучи Словом Божиим и Премудростью Божией, так и пришествие Святого Духа есть Его явление телесным очам, когда стал видим огонь, разделяющийся над апостолами, и они начали говорить на языках (Ср. Деян.2:3-4). Ибо, если бы не было у людей Святого Духа до видимого прославления Господа, то как мог бы сказать Давид: «И Духа Твоего Святого не отними от меня» (Пс.50:13); или каким образом исполнились [Его] Елизавета или Захария, ее муж, когда они пророчествовали, и Анна и Симеон, ведь о них всех написано, что читаемое нами ныне в Евангелии они говорили, исполнившись Духа Святого? (Ср. Лк.1:41-45,60-69; 2:25-38). А то, что Бог совершает нечто тайно, а нечто ради видимой твари видимым образом, — это относится к управлению Промысла, посредством которого все Божественные действия в соответствии с порядком и различием времени и места производятся прекраснейшим образом, тогда как само Божество и местом не ограничивается, и не перемещается, не бывает Оно также ограничено или изменяемо временем. Но как Сам Господь, разумеется, имел в себе Духа Святого, когда пришел к Иоанну, чтобы креститься; [имел] в том самом человеке, [образ] которого носил; и, однако, после того как Он был крещен, явился Дух Святой, сходящий на Него в виде голубя (Ср. Мф.3:13-16), — так же точно надлежит думать, что и до явного и видимого пришествия Святого Духа все святые [люди] могли втайне иметь Его. Мы столь уверенно утверждаем это, поскольку полагаем также, что в самом видимом явлении Святого Духа, которое называется Его пришествием, невыразимым или даже непостижимым образом в сердца людей более обильно пролилась Его полнота.

Вопрос 63. О Слове

В начале было Слово (Ин.1:1). То, что по-гречески называется λόγος, означает по-латыни и 'разум' (ratio), и 'слово' (verbum). Но в этом месте лучше переводить 'слово', чтобы было обозначено не только отношение к Отцу, но также и к тому, что было сотворено через Слово деятельной силой. А разум, даже если ничего через него не творится, [все равно] верно называют разумом.

Вопрос 64. О женщине самарянке (Ср. Ин.4:5-43)

- 1. Евангельские таинства, выраженные в делах и словах Господа нашего Иисуса Христа, не всем ясны, и некоторые [люди], менее тщательно и менее трезво толкуя их, по большей части ведут вместо спасения к погибели, а вместо познания истины к заблуждению. Среди подобных и то таинство, что, как написано, Господь в шестой час дня пришел к колодцу Иакова, и, устав от пути, сел, и у женщины самарянки просил пить, и прочее, что излагается в том же месте Писания и что нужно обсудить и разобрать. Занимаясь этим, в первую очередь должно придерживаться того [правила], которое для всех Писаний подобает соблюдать с высочайшей бдительностью, чтобы изложение Божественного таинства происходило в соответствии с верой.
- 2. Итак, в шестой час дня пришел Господь наш к колодцу. Я вижу в колодце мрачную глубину. Почему и вынужден считать, что это нижние, то есть земные, области этого мира, куда пришел Господь Иисус в шестой час, то есть во время шестого возраста человеческого рода, как бы в [дни] старости ветхого человека, которого нам предписывается отложить, чтобы мы облеклись в нового, сотворенного по Богу (Ср. Еф.4:22-24). Ибо шестой возраст старость, как первый младенчество, второй детство, третий отрочество, четвертый юность, пятый зрелость. Итак, жизнь ветхого человека, которая проходит по плоти во временном состоянии, как бы завершается шестым возрастом старости. Во время этой старости человеческого рода, как я сказал, и пришел к нам Господь наш,

Творец и Обновитель для нас, чтобы, поскольку ветхий человек умирает, устроить в Себе нового и, освободив его от земной порчи, перенести в Небесное Царство. Поэтому колодец, как было сказано, обозначает мрачной глубиною земные тяготы и заблуждения этого мира. И поскольку ветхий человек — внешний, а новый — внутренний (ведь сказано апостолом: «Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2Кор 4:16), то совершенно верно (так как все видимое, от чего отрекается христианское учение, относится ко внешнему человеку), что в шестой час пришел Господь к колодцу, то есть в середине дня, когда видимое солнце уже начало клониться к закату. Ведь если мы призваны Христом, то наслаждение видимым у нас уменьшается, чтобы внутренний человек, воссозданный любовью к невидимому, обращался к внутреннему свету, никогда не меркнущему, ища, в соответствии с учением апостольским, не того, «что видимо, но невидимого; ибо видимое — временно, а невидимое — вечно» (2Кор 4:18).

- 3. А то, что пришел Он к колодцу утомленным, означает немощь плоти; то, что сел смирение, так как и болезненность плоти ради нас воспринял, и счел приличным смиренно явиться людям как человек. Об этой немощи плоти говорит пророк: «Человек, пребывающий в страдании и сознательно несущий болезнь» (Ис.53:3), а о смирении свидетельствует апостол, говоря: «Смирил Себя, став послушным даже до смерти» (Флп.2:8). Хотя, ведь обычно учителя сидят, то, что Он сел, иначе понятое, может показывать не покорность смирения, но лицо учителя.
- 4. Но могут спросить, зачем у женщины самарянки, пришедшей, чтобы наполнить кувшин водою, попросил Он пить, если позже Сам заявил, что Он может дать просящим изобильное течение духовного источника. Надо думать, Господь жаждал веры этой женщины, поскольку она была самарянка, и принято было в Самарии придерживаться обычая идоло поклонства; ибо они [самаряне], будучи отделены от народа иудейского из-за идолов бессловесных животных, то есть золотых коров, продавали добродетель своих душ. А Иисус, Господь наш, пришел, чтобы привести множество язычников, которые служили идолам, под покров христианской веры и истинной религии; ибо сказал Он: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф.9:12). Поэтому и жаждет Он веры тех, за кого пролил кровь. Итак, «говорит ей Иисус: женщина, дай Мне пить» (Ин.4:7). И чтобы ты понял, чего жаждет Господь наш, то вот, спустя некоторое время возвращаются ученики Его, отправившиеся в город купить пищи, и говорят Ему: «Учитель, ешь. Но Он сказал им: У Меня есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили меж собой: Разве кто принес Ему есть? Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Ero» (Ин.4:31-34). Разве здесь разумеется другая воля Отца, пославшего Его, и дело Отца, относительно которого Он ответил, что хочет совершить его, а не то [дело], чтобы обратить нас в Свою веру от гибельного заблуждения этого мира? Итак, какова пища Его, таково и питие. А потому жаждал Он в этой женщине исполнить волю Отца и совершить дело Его. Но, мысля по-плотски, та ответила: «Как ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки? ибо иудеи с самарянами не сообщаются». Господь наш сказал ей: «Если бы ты знала дар Божий, и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» (Ин.4:9-10), чтобы показать этим, что Он не той воды просит, о которой она думает, но поскольку Сам жаждет веры ее, то и ей, жаждущей, желает дать Святого Духа. Ибо то правильно станем мы считать этой водой живою, что есть дар Божий; как и Сам [Господь] сказал: «Если бы ты знала дар Божий», и тот же евангелист Иоанн свидетельствует в другом месте, говоря, что «стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой» (Ин.7:37-38). Ясно, что сказал Он так: «Кто верует в Меня, у того из чрева потекут потоки воды живой», поскольку мы сперва веруем, чтобы удостоиться этого дара. Эти потоки живой воды, которые Он желал дать женщине, есть награда за веру, которой Он жаждал в ней прежде всего. А для этой воды живой [евангелист] предлагает следующее толкование: «Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не был дан Дух; потому что Иисус еще не был прославлен» (Ин.7:39). Итак, дар Святого Духа — это то, что после своего прославления [Иисус] дал Церкви, как говорит другое писание: «Взойдя на высоту, пленил плен и дал дары человекам» (Еф.4:8).
- 5. Но женщина эта все еще мыслит плотски, ибо отвечает так: «Господин, у тебя и ковша нет, а колодец глубок, откуда дашь Ты мне воды живой? Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец, и сам из него пил, и дети его, и скот его?» Теперь уже Господь объясняет то, что сказал [прежде], говоря: «Всякий пьющий от воды этой, будет жаждать опять, а кто будет пить от воды, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, но вода та, которую Я дам ему, будет в нем источником воды, текущей в жизнь вечную». Но женщина все еще придерживается плотского образа мыслей. Ибо что она отвечает? «Господин, дай мне этой воды, чтобы я не жаждала и не приходила

сюда черпать. Иисус говорит ей: Пойди, позови мужа твоего и приди сюда». Если Он знал, что у нее нет мужа, то спрашивается, зачем сказал это. Ибо после того, как женщина произнесла: «У меня нет мужа», Иисус возразил ей: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа. Ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе, это истинно сказала ты» (См. Ин.4:11-18). Однако не следует понимать это плотски, чтобы не оказаться нам самим до такой степени подобными этой женщине самарянке. Но если мы уже вкусили нечто от этого дара Божия, будем рассуждать об этом духовно.

- 6. Некоторые считают, что пять мужей это пять книг, которые были преподаны через Моисея. А то, что сказано: «И тот, которого ныне имеешь, не муж тебе», [относительно этого] думают, что Господь сказал [так] о Самом Себе, так что смысл таков. Сперва ты служила пяти книгам Моисея, словно пяти мужам; Тот же, Кого ныне имеешь, то есть Кого слушаешь, Кто говорит с тобой, не муж тебе, ибо ты еще не уверовала в Него. Но поскольку, не веруя во Христа, она все еще непременно пребывает в соединении с этими пятью мужами, то есть пятью книгами то может возникнуть [вопрос], каким образом мог Он сказать: «Пять мужей ты имела», как если бы ныне она уже не имела их, хотя все еще живет, подвластная им. Затем, так как пять книг Моисеевых не возвещают ничего иного, кроме Христа, как и Сам Он сказал: «Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне» (Ин.5:46) то разве можно заключить, что человек отходит от этих пяти книг, дабы перейти ко Христу, если [даже и] тот, кто верует во Христа, не оставляя эти пять книг, но понимая их духовно, более пламенно привязывается к ним?
- 7. Итак, есть иное понимание что под пятью мужами должно понимать пять телесных чувств; первое — относящееся к зрению, при помощи которого мы различаем этот видимый свет и любые швета и формы тел: другое — слух, которым мы чувствуем толуки голоса и всех звуков: третье обоняние, благодаря которому мы получаем удовольствие от сладости различных запахов; четвертое — вкус в устах, чувствующий сладкое и горькое и оценивающий всевозможные вкусовые ощущения: пятое — [распространенное] по всему телу осязание, различающее теплое и холодное, мягкое и жесткое. гладкое и шероховатое и что угодно другое, что мы ощущаем через прикосновение. И вот этими пятью плотскими чувствами пропитан по необходимости смертной природы первый возраст человека, и из-за этой [природы] после греха первого человека мы рождаемся таким образом, что если свет разума еще не возвращен, то, подчиненные плотским чувствам, мы ведем плотскую жизнь без всякого познания истины. Таковыми по необходимости являются младенцы и маленькие дети, которые еще не в состоянии пользоваться разумом. И поскольку эти чувства, управляющие начальным возрастом и дарованные нам Богом Творцом, естественны, то верно называются мужами, то есть как бы законными супругами, поскольку то, что они заблуждаются, не причисляет их к пороку в собственном смысле; но по природе [своей] они относятся к произведению Божию. Когда же всякий достигнет такого возраста, что уже будет способен пользоваться разумом, если удастся ему тотчас овладеть истиной, то не будет уже пользоваться этими чувственными руководителями, но получит в качестве мужа разумный дух, в услужение которому отдаст эти чувства, подчиняя тело свое рабству; [и], так как душа подвластна уже не пяти мужам, то есть пяти телесным чувствам, но слово Божие имеет законным мужем, с которым соединена и связана; так как и самый дух человека прилепляется ко Христу, поскольку глава мужу — Христос (Ср. 1Кор 11:3), то в духовных объятиях без всякого страха отлучения он будет всецело наслаждаться вечной жизнью. Ибо «Кто может отлучить нас от любви Христовой?» (Ср. Рим.8:35) Но поскольку эта женщина была объята заблуждением, и это обозначало, что она весьма долгое время находилась в рабстве у пустых суеверий, то, по прошествии периода пяти телесных чувств, которыми, как мы сказали, управляем начальный возраст, Слово Божие не приняло ее в супружество, но в прелюбодейном объятии завладел ею диавол. Итак, Господь говорит ей, видя, что она плотская, то есть рассуждающая плотски: «Иди, призови мужа твоего и приди сюда», то есть удались от плотского состояния, в котором ты ныне пребываешь, почему и не можешь понять, что Я говорю, «и призови мужа твоего», то есть стань причастной духу познания. Ибо дух человека есть некоторым образом как бы супруг души, который управляет душевным состоянием, как женой. Но это не тот Святой Дух, который пребывает неизменным с Отцом и Сыном и неизменно даруется достойным душам, но дух человека, о котором апостол говорит: «Никто не знает, что в человеке, кроме духа человека». А Святой Дух — это Дух Бога, о Котором, напротив, говорит: «Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия» (1Кор 2:11). И если этот дух человека наличествует, то есть находится внутри, и с благоговением подчиняет себя Богу, то человек понимает то, что говорится духовно; а когда заблуждение диавола как бы при отсутствии разумения господствует в душе, та является распутной. Итак, [Господь] говорит: «Призови мужа твоего», то есть дух, который в тебе; с его помощью человек способен разуметь духовное, если просветит его свет

истины; да и сам [Свет] присутствует здесь, говоря с тобой, дабы могла ты получить духовную воду. И когда она сказала: «Не имею мужа», Он говорит: «Хорошо ты сказала, ибо у тебя было пять мужей», то есть пять плотских чувств обладали тобой в начальном возрасте, «и тот, кого ныне имеешь — не муж тебе», поскольку нет в тебе духа, познающего Бога, чтобы ты могла вступить в законный брак, но скорее господствует заблуждение диавола, которое губит тебя блудным осквернением.

8. И возможно, чтобы указать размышляющим, что под именем пяти мужей обозначаются упомянутые пять чувств, после пяти плотских ответов женщина эта в шестом ответе называет Христа по имени. Ибо первый ее ответ был: «Ты, будучи иудей, каким образом просишь пить у меня?» Второй: «Господин, у Тебя и ковша нет, и колодец глубок». Третий: «Господин, дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать». Четвертый: «Не имею мужа». Пятый: «Вижу, что Ты пророк, Отцы наши поклонялись на этой горе». Ибо и этот ответ плотский. Ведь плотским дано было земное место, где поклоняться, духовными же Господь назвал тех, кто будут поклоняться в духе и истине. Когда это было сказано, жена в шестом ответе признает, что Христос учитель всего этого; ибо говорит: «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, Сам возвестит нам все» (Ин.4:25). Но она все еще заблуждается, ибо не видит, что [уже] пришел Тот, на Чье пришествие надеется. Однако милосердие Господне изгоняет ныне это заблуждение как прелюбодея. Ибо говорит ей Иисус: «Это Я, говорящий с тобою». Когда она услышала это, то не ответила, но тотчас, оставив кувшин свой, торопясь, пошла в город, чтобы не только уверовать ей в Евангелие и пришествие Господне, но и возвестить об этом. Не следует оставлять в небрежении и того, что ушла, оставив кувшин. Ибо кувшин, быть может, означает любовь века сего, то есть страстное желание, которым люди себе из мрачной глубины, образ которой представляет собой колодец, то есть из земного образа жизни, черпают наслаждение и, овладев им, снова воспламеняются желанием этого, как и сказал [Господь]: «Всякий, пьющий воду эту, будет жаждать снова». А нужно, чтобы верующий во Христа отказался от этого века и, оставив кувшин, показал, что он оставил страстное желание века сего, не только сердцем веруя к праведности, но намереваясь и устами исповедовать и проповедовать ко спасению (Ср. Рим. 10:10) то, во что уверовал.

Вопрос 65. О воскрешении Лазаря (Ср. Ин.11:1-45)

Хотя в соответствии с евангельской историей мы с полной верой признаем воскрешение Лазаря, однако я не сомневаюсь, что оно нечто обозначает и в аллегории; ибо [даже] если реальные обстоятельства истолковываются аллегорически, то деяния не лишаются достоверности, как например, когда Павел предложил аллегорию относительно двух сыновей Авраама, обозначающих два Завета (Ср. Гал.4:22-24). Разве вследствие этого или Авраама не было, или этих сыновей он не имел? Итак, мы можем принять и аллегорически, что Лазарь во гробе — это душа, окутанная земными грехами, то есть весь человеческий род; в другом месте Господь обозначает [эту душу] потерянной овцой и говорит, что ради ее освобождения Он покидает в горах остальные девяносто девять (Ср. Лк 15:4). А то, что Он вопрошает, говоря: «Где его положили?» — это, как я полагаю, обозначает наше призвание, которое совершается втайне, ибо предопределение нашего призвания сокрыто. Знаком этой тайны является вопрос Господа, как будто бы Он не знает, тогда как [в действительности] мы сами не знаем; как говорит апостол: «Чтобы я познал, подобно как я познан» (Ср. 1 Кор.13:12). Также и то, что Он не знает грешников, Господь показывает в другом месте, говоря: «Не знаю вас» (Мф.25:12), что и обозначал погребенный Лазарь, поскольку в учении и заповедях [Господа] нет грехов. Этому вопросу подобен другой в Бытии: «Адам, где ты?» (Быт 3:9) — поскольку тот согрешил и скрылся от лица Божия. И это сокрытие здесь обозначает гроб, так что умирающий уподоблен согрешающему, погребенный — скрывающемуся от лица Божия. А то, что Он сказал: «Отнимите камень» (Ин 11:39), — это, как я полагаю, обозначает тех, кто, придя в Церковь из язычников, пожелал возложить на себя бремя обрезания, и против них многообразно писал апостол; или же тех, кто в Церкви живет превратно и является соблазном для желающих уверовать. «Марфа говорит Ему: Господи, уже четыре дня, [как он во гробе], и смердит» (Ср. Ин 11:39). Последний из четырех элементов — земля, а потому означает это тлен земных грехов, то есть плотских желаний. «Ибо земля ты», — сказал Господь Адаму, когда тот согрешил, — «ив землю возвратишься» (Быт 3:19). И когда камень был отнят, [Лазарь] вышел из гроба со связанными руками и ногами, и лицо его было покрыто платком. То, что вышел он из гроба, обозначает душу, удалившуюся от плотских

пороков, а то, что был обмотан тканями, значит, что даже уходя от плотского и разумом служа закону Божию, мы все еще заключены в теле и не можем стать чуждыми тяготам плоти, по слову апостола: «Умом служу я закону Божию, а плотию — закону греха» (Рим 7:25). И то, что лицо его было покрыто платком, показывает, что в этой жизни мы не можем иметь полного познания, как говорит апостол: «Теперь мы видим как бы при помощи зеркала и в загадке, тогда же лицом к лицу» (1Кор.13:12). Сказанное же Иисусом: «Развяжите его, пусть идет» (Ин.11:44), означает, что после этой жизни будут удалены покровы, чтобы мы видели лицом к лицу. А сколь велико различие между Человеком, Которого восприняла Премудрость Божия и посредством Которого мы были освобождены, и прочими людьми, уразумевается из того, что Лазарь не вышел бы из гроба, если бы не был развязан, то есть даже возрожденная душа, до тех пор пока гадательно видит сквозь стекло, может быть освобождена от всякого греха и невежества только лишь через разлучение с телом. А пелены и плат Господа, Который не совершил греха и знал все, были найдены во гробе (Ср. Ин.20:7). Сам же Он, единственный во плоти, не только гробом не был удержан, так как в нем не обреталось никакого греха (Ср. Ис.53:9), но и пеленами не был связан, чтобы ничто Его не скрывало и не затрудняло Ему путь.

Вопрос 66. О том, что написано: Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив? вплоть до того места, где написано: Оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас (Рим 7:1-8:11)

1. Апостол в этом сравнении, говоря о муже и жене, поскольку жена связана с мужем посредством закона, предлагает для рассмотрения некие три вещи: жену, мужа и закон; жену, как бы подчиненную мужу узами закона, и от этих уз она освобождается со смертью мужа, так что становится женой тому, кому пожелает. И говорит он так: «Ведь жена привязана законом супружества к живому мужу, а если умрет муж ее, она освобождается от закона мужа. Поэтому, если при живом муже выйдет за другого, то называется прелюбодейцей, если же умрет муж ее, она свободна от закона, и не будет прелюбодейцею, если выйдет за другого» (Ср. Рим 7:2-3). Вплоть до этого [места] все еще сравнение. Затем начинает он говорить то, ради объяснения и доказательства чего приводит это сравнение. И здесь равным образом следует обратить внимание на три вещи: человека, грех, закон. Ибо [апостол] говорит, что человек до тех пор под законом, пока живет для греха; точно так же, как до тех пор жена находится под законом мужа, пока жив муж. Здесь должно разуметь тот грех, который приходит через закон. Этот грех он называет чрезмерным, поскольку, после того как стало ясно, что это грех, он еще усугубляется присоединяющимся преступлением, «ибо где нет закона, нет и преступления» (Рим 4:15). И это означает то, что он говорит: «Так что посредством заповеди грех или грешник становятся чрезмерными» (Рим.7:13). Потому и утверждает, что закон, хотя бы и удерживал от греха, не для того дан, чтобы от греха освобождать, но чтобы указывать на грех; а служащая [греху] душа, чтобы освободиться от него, должна обратиться к благодати Избавителя, «Ибо познание греха [происходит] через закон» (Рим. 3:20). И в другом месте говорит: «Но грех, чтобы явиться как грех, посредством доброго причинил мне смерть» (Рим. 7:13). Итак, где нет благодати Избавителя, там запрещение грехов усиливает желание грешить. Это, однако, полезно для того, чтобы душа осознала, что ее самой недостаточно для избавления себя от рабства греху, и, смиряясь таким образом и подавив всякую гордость, подчинилась бы своему Избавителю; и человек искренне сказал бы: «К Тебе прилепилась душа моя» (Пс.62:9), то есть будучи [уже] не под законом греха, но в законе праведности. А законом греха называется он не потому, что сам закон есть грех, но поскольку возлагается на грешников, ведь [именуется он] даже и законом смерти, «так как возмездие за грех — смерть» (Рим 6:23); «жало же смерти — грех, а сила греха — закон» (1Кор. 15:56). Ибо, греша, мы клонимся к смерти. А грешим сильнее мы тогда, когда закон запрещает, чем когда мы не сдерживаемы никаким законом. Когда же является благодать, мы уже без всякой тягости и весьма охотно исполняем то самое, что закон предписывал обременительно. Итак, закон греха и смерти, то есть возложенный на грешащих и умирающих, предписывает, чтобы мы вовсе не желали страстно, и тем не менее мы желаем страстно. Закон же духа жизни, относящийся к благодати и освобождающий от закона греха и смерти, делает так, что мы не желаем страстно и исполняем повеления закона уже не как рабы закона вследствие страха, но как друзья по любви и рабы праведности, которая этот закон и объявила. А праведности подобает служить не рабски, но свободно, то есть скорее из любви, чем из страха. И потому весьма верно сказано: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим.3:31). Ибо

вера исполняет то, что повелевает закон. А значит, закон утверждается через веру. И если нет этой веры, то повелевает один лишь закон и делает виновными не исполняющих приказаний, чтобы их, стенающих и не могущих исполнить того, что было приказано, обратить наконец к благодати Избавителя.

- 2. Итак, когда мы видим в этом сравнении некие три вещи: жену, мужа и закон, и, с другой стороны, в том, ради чего употреблено сравнение, также три: душу, грех и закон греха; то разница [при этом] лишь в том, что в том подобии муж умирает, чтобы жена вышла замуж за кого желает и была освобождена от закона мужа; а здесь сама душа умирает для греха, чтобы обручиться Христу. А когда умирает для греха, умирает также и для закона греха. «Итак, — говорит апостол, — братия мои, и вы умерли для закона Телом Христовым, чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых, чтобы приносили мы плод Богу. Ибо, когда мы были во плоти», — то есть когда нам мешали плотские желания, — «тогда страсти греховные, [обнаруживаемые] законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти» (Ср. Рим. 7:4-5). Возросшее вожделение, возбраняемое законом, при отсутствии веры и добавившейся к куче грехов вине в преступлении, поскольку «где нет закона, нет и преступления» (Рим 4:15), — это называет он страстями, обнаруживаемыми законом, действующими в членах наших, чтобы приносить плод смерти. Под [начальством] этих страстей как под властвующим мужем находится душа, пока благодаря вере не приблизится благодать. Потому умирает для этих страстей тот, кто уже служит умом закону Божию, хотя до тех пор, пока плотью служит он закону греха, сами страсти еще не умерли. Итак, пока не будет целиком умерщвлено то, что укрепилось в дурном обычае, и у того, кто под благодатью, остается все еще нечто [грешное], что [однако] не побеждает его и не делает пленником; и потому говорится, что тело еще и теперь мертво, [то есть] до тех пор, пока в совершенстве не служит духу. А служить в совершенстве оно будет тогда, когда само это смертное тело будет оживотворено.
- 3. Из этого мы заключаем, что есть четыре различных состояния в одном человеке, и, когда они постепенно пройдены, он будет пребывать в вечной жизни. Ибо поскольку надлежало быть справедливым и тому, чтобы после того, как наша природа согрешила, мы рождались душевными и плотскими, раз упущено духовное блаженство, обозначаемое именем рая; то первое действование до закона, второе под законом, третье под благодатью, четвертое в мире. Действование до закона когда мы не знаем греха и следуем плотским вожделениям. Действование под законом когда мы уже удерживаемы от греха, однако совершаем его по привычке к пороку, так как нам еще не содействует вера. Третье действование когда мы уже целиком верим нашему Избавителю, и не нашим заслугам приписываем нечто, но, любя Его милосердие, уже не бываем побеждаемы наслаждением дурным обычаем, когда он силится ввести нас в грех, однако все еще претерпеваем его совращающее воздействие, хотя и не преданы ему. Четвертое действование когда в человеке нет вообще ничего противящегося духу, но все соединенное и связанное в согласии друг с другом хранит в прочном мире некое единство; и это произойдет, когда смертное тело будет оживотворено, когда это тленное облечется в нетление и это смертное облечется в бессмертие (Ср. 1Кор 15:54-55).
- 4. Для того, чтобы показать первое действие, подходят, между прочим, следующие свидетельства: «Через одного человека грех вошел в этот мир, и посредством греха смерть; и таким образом она перешла во всех людей, [поскольку] в нем все согрешили. Ибо и до закона был грех в мире. Но грех не вменялся, когда не было закона» (Ср. Рим.5:12-13). И еще: «Ибо без закона грех мертв, а я жил некогда без закона» (Рим 7:8-9). Ибо то, что здесь апостол говорит: «мертв», это то же, что он выше назвал: не вменялся, то есть был сокрыт. И это он объясняет далее, когда говорит: «Но грех, чтобы явиться как грех, посредством доброго причинил мне смерть» (Рим 7:13), то есть посредством закона, так как «закон добр, если кто законно употребляет его» (Ср. 1Тим.1:8). Итак, из того, что здесь апостол говорит: чтобы явиться как грех, ясно, что раньше он говорил: «мертв и не вменяется» в том смысле, что грех не делается явным, пока не будет обнаружен запрещающим законом.
- 5. Ко второму действию подходит следующее свидетельство: «Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление» (Рим 5:20), ведь появилось и преступление, которого не было; и другое [свидетельство], уже упоминавшееся: «Ибо, когда мы были во плоти, тогда страсти греховные, [обнаруживаемые] законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти» (Рим 7:5); и это: «Что же скажем? Неужели закон есть грех? Да не будет! Но я узнал грех не иначе, как посредством закона; ибо я не понимал бы пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай. Так что, получив повод, грех посредством заповеди произвел во мне всякое пожелание» (Ср. Рим 7:7-8); и немного ниже: «Когда пришла заповедь, грех ожил. А я умер, и заповедь, бывшая в жизнь, оказалась

мне в смерть. Ибо грех, взяв повод от заповеди, обманул меня и умертвил ею» (Ср. Рим 7:9-11). Итак, то, что он говорит: «Я умер», — хочет, чтобы понимали так: я узнал, что я умер; так как тот, кто благодаря закону видит, чего делать не должно, и однако делает это, согрешает также и преступлением [закона]. А то, что он говорит: «Грех, взяв повод от заповеди, обманул меня», [говорит так] или поскольку увещание удовольствия ко греху сильнее, когда присутствует запрещение; или же поскольку, если человек и сделает нечто согласно велению закона, однако так как [у него] все еще нет веры, которая [заключена] в благодати, то хочется ему приписать это себе, а не Богу, и, гордясь, он грешит еще больше. Итак, апостол продолжает и говорит: «Поэтому закон свят, и заповедь свята, и праведна, и добра. Итак, неужели доброе сделалось для меня смертью? Да не будет. Но грех, чтобы явиться как грех, посредством доброго причинил мне смерть, так что из-за заповеди грех или грешник становятся чрезмерными. Ибо мы знаем, что закон духовный, а я плотский» (Ср. Рим 7:12-14), то есть я согласен с плотью и не освобожден еще духовной благодатью; «проданный греху», то есть грешащий ради награды [в виде] временных наслаждений. «Ведь не знаю я, что делаю» (Ср. Рим 7:15), то есть признаю, что моих деяний нет в заповедях Истины, где пребывает истинное знание. Согласно с этим выражением и Господь говорит грешникам: «Не знаю вас». Ибо нет ничего сокрытого от Него, но поскольку грехи не обнаруживаются в правилах заповедей, хранимых Истиной, то сама Истина говорит грешникам: «Не знаю вас». И подобно тому, как тьма познается, когда не видят глаза, грехи познаются, когда не ведает ум. Исходя из этого, как я полагаю, сказано в Псалмах: «Кто усмотрит преступления?» (Пс.18:13) «Потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр. Потому уже не я делаю это, но обитающий во мне грех. Ибо знаю, что не обитает во мне, то есть в плоти моей, доброе. Потому что желание свойственно мне, а совершения добра не нахожу. Ибо делаю не то доброе, которое хочу, но совершаю то злое, которого не хочу. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю это, но обитающий во мне грех. Итак, я нахожу что закон благо для меня, желающего исполнять [его], однако мне свойственно злое. Ибо я нахожу удовольствие в законе Божием по внутреннему человеку; но вижу в членах моих другой закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греха, пребывающего в членах моих» (Ср. Рим 7:15-23). Это все слова человека, находящегося под законом, а не под благодатью; и он, даже если не желает грешить, бывает побежден грехом. Ведь возобладали над нами плотское устроение и естественные узы смертности, поскольку все мы произошли от Адама. Итак, тот, кто находится в подобном положении, умоляет о помощи и знает, что его [вина] то, что он пал, но не его [заслуга] то, что он встает. Ибо, уже будучи избавлен, зная благодать Избавителя, он говорит себе: «Бедный я человек! Кто избавит меня от тела этой смерти? Благодарение Богу через Иисуса Христа, Господа Нашего» (Ср. Рим 7:24-25).

6. И теперь уже начинают произноситься слова человека, находящегося под благодатью, в действии, которое мы указали третьим. где наличествует противоборствующая смертность плоти. однако она не в силах победить [человека] или увлечь [его] в согласие с грехом. Ибо апостол говорит так: «Значит, тот лее самый я умом моим служу закону Божию, а плотью — закону греха. А потому нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе. Ибо закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти». Ведь невозможно было это для закона, поскольку он обессиливался плотью (Ср. Рим.7:25; 8:1-4), то есть посредством плотских желаний. Ибо потому не исполнялся закон, что не было еще любви к правелности, а эта [любовь] удерживает ум посредством внутреннего наслаждения, чтобы не был он влеком ко греху наслаждением временными вещами. Итак, закон обессиливался плотью, то есть не делал праведными преданных плоти, но «Бог послал Сына Своего в подобии плоти греха». Ибо [Его] плоть не была плотью греха, так как не от плотского наслаждения родилась, однако было присуще ей подобие плоти греха, поскольку она была смертной плотью. А смерть Адам навлек на себя не иначе, как грехом. Но что сделал Господь? «Из греха осудил грех во плоти», то есть в силу того, что принял плоть грешного человека и наставил [нас], как нам жить, осудил грех в самой плоти, чтобы дух, пламенеющий любовью к вечному, не вовлекался как пленник в союз с похотью. «Чтобы праведность закона, — говорит апостол, — исполнилась в нас, ходящих не по плоти, но по духу». Итак, заповеди закона, которые не могли быть исполнены посредством страха, исполнены по любви. «Ибо живущие по плоти о плотском помышляют», — то есть жаждут плотских благ вместо благ высших, — «а живущие по духу о духовном. Помышление плоти — смерть, а помышление духа — жизнь и мир, поскольку помышление плоти — вражда против Бога» (Ср. Рим 8:5-7). Апостол сам показывает, что означает вражда, чтобы кто не подумал, что от противного происходит другое начало, потому он добавляет и говорит: «Ведь закону Божию не покоряется, ибо и не может». Поэтому поступать против закона и означает быть во вражде против Бога, не потому, что нечто может повредить Богу, но [поскольку] себе вредит всякий, кто противится

воле Божией; ибо это то же, что идти против рожна, как было сказано свыше апостолу Павлу, когда он еще преследовал Церковь (Ср. Деян.9:5). Сказано же [у апостола] таким образом: «Ведь закону Божию не покоряется, ибо и не может», как если бы сказали: снег не согревает, ибо и не может. Ведь до тех пор пока он снег, он не согревает, но может быть растоплен и нагрет, чтобы согревать; однако если способен к этому, т уже не снег. Так и помышлением плоти называют, когда душа вместо высших благ страстно желает благ временных, поскольку пока душе присуще подобное влечение, она не может быт покорной закону Божию, то есть не может исполнять того, ч предписывает закон. Но если она начнет желать духовных благ и пренебрегать временными, то не противится духу, и помышление плоти исчезает. Ибо та же самая душа, если стремится к низшему, называется имеющей помышление плоти, если к высшему — помышление духа; ведь помышление плоти — это не сущность, в которую душа облекается или которую сбрасывает, но есть состояние самой души, и оно вовсе перестает существовать, если та целиком обращает себя к высшему. «Те же, кто во плоти, — говорит апостол, — Богу угодить не могут» (Cp. Рим 8:8), то есть те, кто довольствуется плотскими наслаждениями. И чтобы никто не подумал, что это сказано о тех, кто пока еще не удалился из этой жизни, он весьма кстати добавляет: «Вы же не во плоти, но в духе» (Ср. Рим 8:9). Во всяком случае говорит он это тем, кто пока еще находится в этой жизни; и они пребывали в духе, поскольку в вере, надежде и любви довольствовались желаниями духовных вещей. «Если только, — говорит, — Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности» (Ср. Рим 8:9-10). Называет тело мертвым до тех пор, пока оно таково, что недостаток телесных вещей отягощает душу и некоторыми движениями, происходящими из этого недостатка, побуждает к исканию земного. Однако, хотя они и возникают, ум не соглашается делать недозволенное, ибо он служит уже закону Божию и находится под благодатью. Относится сюда и то, что сказано выше: «Умом служу я закону Божию, а плотию закону греха» (Рим 7:25). Так что здесь изображается живущим под благодатью человек, не имеющий еще совершенного мира, который наступит, когда тело воскреснет и изменится.

7. Поэтому осталось ему сказать и о самом мире (расе) воскресения тела, и это — четвертое действие, если только можно назвать действием то, что есть высший покой. Ибо продолжает и говорит: «Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Иисуса Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас» (Ср. Рим 8:11). Здесь присутствует и очевиднейшее свидетельство о воскресении тела; и вполне ясно, что, пока мы пребываем в этой жизни, всегда в избытке наличествуют тяготы от смертной плоти и некие возбуждения плотских наслаждений. Ибо хотя бы не уступал тот, кто, находясь под благодатью, умом служит закону Божию, однако плотью он служит закону греха. А когда человек завершит это восхождение, ни в какой сущности не обнаружится зла. И закон не зол, поскольку он показывает человеку, в каких узах грехов тот заключен, чтобы, с верою призвав помощь Избавителя, он удостоился быть освобожденным, восставленным и крепко утвержденным. Итак, в первом действии, которое до закона, нет никакой борьбы с похотями века сего; во втором, которое под законом, мы боремся, но бываем побеждены, в третьем — боремся и побеждаем, в четвертом — не боремся, но покоимся в совершенном и вечном мире. Ибо подчиняется нам то, что ниже нас; а [прежде] не подчинялось потому, что мы оставили превосходящего нас Бога.

Вопрос 67. О том, что написано: «Ибо я полагаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас», вплоть до сказанного: «Ибо мы спасены в надежде» (Ср. Рим 8:18-24)

1. Этот отрывок является темным, так как здесь не совсем ясно, что апостол в данном случае называет тварью. А тварью называют, в соответствии с кафолическим учением, все, что сотворил и устроил Бог Отец через Единородного Сына в единстве Святого Духа. Значит, не одно тело, но и душа наша, и дух объемлются именем твари. А сказано [здесь] так: «Сама тварь будет освобождена от рабства тлению в свободу славы сынов Божиих» (Рим 8:21), как будто бы мы не тварь, но сыны Божий, в свободу славы которых будет освобождена от рабства тварь. Говорит также: «Ибо мы знаем, что всякая тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами» (Рим 8:22-23), словно мы — это одно, а тварь — другое. Итак, следует рассмотреть весь этот отрывок по частям.

- 2. «Ибо я полагаю, говорит апостол, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас» (Рим 8:18). Это ясно, ведь он сказал выше: «А если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим 8:13), что не может совершаться без страдания, которое необходимо терпеть. Сюда относится и то, что сказал он немного раньше: «Если только сострадаем, чтобы и спрославиться» (Ср. Рим 8:17). Итак, сказанное им: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих» (Рим 8:19), я полагаю, сказано в этом смысле. Ибо как раз то, что в нас страдает, когда мы умершвляем дела плоти, то есть когда алчем и жаждем из воздержания, когда обуздываем удовольствие совокупления чистотою, когда выносим терзания несправедливостей и жала поруганий при помощи терпения, когда, презрев или отбросив наши желания, мы трудимся ради плода Матери Церкви; итак, все, что бы ни страдало в нас при таковом или подобного рода сокрушении, является тварью. Ибо страдает тело и душа, которая, несомненно, тварь; и ожидает оно откровения сынов Божиих, то есть ожидает, когда явится таким, каким призвано быть, в той славе, к которой призвано. Ведь поскольку Единородный Сын Божий не может называться тварью, ибо через Него создано все, что сотворил Бог, то мы, с одной стороны, называемся тварью до этого явления славы, и, с другой, называемся сынами Божиими, хотя и удостаиваемся этого в силу усыновления, тогда как Он — Единородный Сын по природе. Поэтому «с надеждою тварь», то есть мы с нашей надеждою, «ожидает откровения сынов Божиих», то есть мы ожидаем, когда откроется то, что обещано, когда станет явным то самое, на что мы ныне надеемся. Ибо «мы теперь сыны Божий, но еще не открылось, чем будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин 3:2). Это и есть откровение сынов Божиих, которого ныне ожидает с надеждою тварь. И это не значит, что тварь ожидает откровения иной природы, которая не есть тварь, но, будучи таковой, какая есть ныне, ожидает, когда станет такой, какой ей предстоит стать; как если бы сказали: «Когда художник работает, он, подобрав себе краски и приготовив их для своего труда, с надеждой ожидает появления изображения из красок, не потому, что тогда были они другими, или не были красками, но лишь поскольку они имели другое достоинство».
- 3. «Ибо тварь, говорит апостол, покорилась суете» (Рим 8:20); что значит: «Суета сует все суета! Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем» (Еккл.1:2-3). Ему было сказано: «В поте лица своего будешь есть хлеб» (Быт 3:19). Поэтому «тварь покорилась суете не добровольно». Хорошо добавлено: «не добровольно». Ибо человек согрешил добровольно, но не добровольно осужден. Итак, грех был добровольным поступать против предписания истины, наказание же за грех быть подверженным заблуждению. Поэтому не добровольно тварь покорилась суете, но «из-за Того, Кто покорил ее в надежде», то есть благодаря справедливости и милости Того, Кто и греха не оставил ненаказанным, и не захотел, чтобы грешащий оставался неизлечимым.
- 4. «Поскольку и сама тварь» (Рим 8:21) то есть сам человек, а именно когда он, по причине греха потеряв отличительный знак образа, остался исключительно тварью, итак, «и сама тварь», то есть то, что не именуется еще совершенным видом сынов, но называется лишь тварью, «будет освобождена от рабства тлению». Итак, когда говорит: «и сама будет освобождена», вынуждает понимать «и сама» как «мы», то есть не должно отчаиваться и в отношении тех, кто не называются еще сынами Божиими, поскольку еще не уверовали, но лишь тварью, ибо и они уверуют и будут освобождены от рабства тлению, подобно нам, являющимся уже сынами Божиими, хотя нам еще и не открылось, чем будем. Итак, будут освобождены от рабства тления «в свободу славы сынов Божиих», то есть станут и они из рабов свободными и из мертвых прославленными в совершенной жизни, которой будут владеть сыны Божий.
- 5. «Ибо мы знаем, что всякая тварь совокупно стенает и мучится доныне» (Рим. 8:22). «Вся тварь» относится к человеку не потому, что в нем пребывают все ангелы и великие силы и власти или небо, земля и море и все, что в них есть, но потому, что любая тварь является или духовной, или душевной, или телесной. Если мы рассмотрим это, [начав] от более низких [тварей], [то] телесная тварь простирается в пространстве, душевная оживотворяет телесную, а духовная правит душевной, и в том случае хорошо правит, когда сама подчиняет себя для управления Богу; когда же [люди] преступают Его заповеди, [духовная тварь] бывает объята тяготами и мучениями из-за того самого, чем могла бы править. Итак, тот, кто живет в согласии с телом, называется плотским или душевным человеком: плотским, так как стремится к плотскому, а душевным, поскольку бывает ведом беспечной распущенностью своей души, ведь дух не правит ею и не удерживает в пределах естественного порядка, так как и сам не предает себя Богу для управления. Тот же, кто при помощи духа управляет душою, и посредством души правит телом (а делать этого не может, если в свою очередь не имеет

Бога правителем, ибо как глава жене — муж, так глава мужу — Христос (Ср. 1Кор.11:3)), называется духовным. И подобную жизнь ныне ведем мы с неким страданием, после же ничего подобного претерпевать не будем. А поскольку высшие ангелы живут духовно, а низшие — душевно, животные же и всякий скот — плотски, а тело не живет, но оживотворяется, то всякая тварь присутствует в человеке; ибо он и мыслит духом, и чувствует душою, и перемещается в пространстве телом. Итак, «всякая тварь, — в человеке, — стенает и мучится». Ведь он не сказал: «вся», но «всякая»; как если бы сказал кто: «Всякие люди, которые способны [видеть], видят солнце, но не все в совокупности видят, поскольку видят лишь глазами». Так и в человеке пребывает всякая тварь, поскольку он и мыслит, и живет, и имеет тело, но не вся в совокупности тварь заключена в нем, ведь существуют кроме него и ангелы, которые мыслят, живут и есть, и животные, которые живут и есть, и тела, которые только лишь есть; причем само по себе жить больше, чем не жить, и само по себе мыслить больше, чем жить без мышления. Поэтому раз несчастный человек стенает и мучится, то и всякая тварь стенает и мучится доныне. А «доныне» справедливо сказал, поскольку, даже если некоторые уже находятся на лоне Авраамовом (Ср. Лк.16:23), и разбойник, водворившись с Господом в раю (Ср. Лк 23:43), перестал мучиться в тот самый день, когда уверовал, однако доныне всякая тварь стенает и мучится, поскольку в тех, кто еще не освобожден, заключена вся она вследствие духа, души и тела.

- 6. «И не только, говорит апостол, всякая тварь стенает и мучится, но и мы сами», то есть не только тело. душа и дух по причине тягостей тела совместно страдают в человеке, но и мы сами, не принимая во внимание тел, «в самих себе стенаем, имеющие начатки духа». И хорошо сказал: «Имеющие начатки духа», то есть те, чей дух уже как бы принесен в жертву Богу и охвачен Божественным огнем любви. Это — начатки человека, так как истина прежде всего занимает наш дух, чтобы при помощи него было охвачено и все прочее. Итак, уже имеет принесенные Богу начатки тот, кто говорит: «Умом служу я закону Божию, а плотию закону греха (Рим 7:25); также и тот, кто говорит: «Бог, которому я служу в духе моем» (Ср. Рим 1:9); и тот, о ком сказано: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф.26:41). Но поскольку все еще говорит [такой человек]: «Бедный я человек! Кто избавит меня от тела этой смерти?» (Ср. Рим. 7:24); и [по отношению к] подобным говорится еще: «Оживит и ваши смертные тела ради Духа, пребывающего в вас» (Ср. Рим 8:11), то не является пока что он жертвой всесожжения, но станет [ей], когда «смерть будет поглощена победой», когда ей будет сказано: «Гле, смерть, твое усилие? Гле, смерть, твое жало?» (Ср. 1Кор.15:54-55) Поэтому ныне. говорит он, «не только всякая тварь», то [мы] есть совокупно с телом, «но и мы сами, имея начатки духа», то есть мы как души, уже принесшие начатки нашего ума Богу, «в самих себе стенаем», то есть помимо тела, «ожидая усыновления, искупления тела нашего» (Рим 8:23), что значит [ожидая], чтобы и само тело, получив дар усыновления, к которому мы призваны, явило, по прошествии всех тягостей, что все мы целиком, освобожденные, во всех отношениях — сыны Божий «Ибо мы спасены в належде. Належда же. когда видит, не есть належда» (Рим 8:24). Поэтому тогда станет действительностью то, что ныне является надеждой, «когда откроется, чем будем, то есть будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин3:2).
- 7. Если этот отрывок изъяснять таким образом, как это было изложено, то не мы впадем в те трудности, по причине которых многие вынуждены утверждать, что все ангелы и вышние силы пребывают в скорби и стенаниях до тех пор, пока мы не будем всецело освобождены, ведь сказано: «Всякая тварь совокупно стенает и мучится» (Рим 8:22). Ибо хотя те и помогают нам сообразно своему вышнему положению, исполняя повеления Бога, благоволившего ради нас послать даже единственного Сына Своего, однако должно верить, что совершают они это без стенания и мучений, чтобы не счесть их несчастными: блажен также и из нашего числа тот Лазарь, который уже упокоен на лоне Авраама. Тем более апостол говорит, что та тварь, которая стенает и мучится, покорилась суете, во что не позволительно верить в отношении вышних и превосходнейших тварей — сил и властей. Затем, он утверждает, что она должна быть освобождена от рабства тлению, но мы не можем считать, что ему подпали те, кто ведет на небесах блаженную жизнь. Однако ничего не следует утверждать опрометчиво, но с благочестивым усердием вновь и вновь должны быть рассматриваемы Божественные слова, ибо, возможно, ту тварь, которая стенает и мучится и покорилась суете, можно неким образом понимать по-другому, так что не будет неблагочестивым отнести это и к высшим ангелам, пока они помогают [нам] в нашей немощи по повелению Господа нашего. Но приводя или то толкование данного отрывка, которое мы изложили, или некое другое, нужно наблюдать лишь за тем, чтобы не исказить кафолическую веру или не повредить ей. Ибо я знаю, что суетные еретики утверждали много неблагочестивого и неразумного относительно этого отрывка.

Вопрос 68. О том, что написано: «А ты кто, человек, что возражаешь Богу?»

- 1. Хотя, как кажется, апостол упрекнул любопытных, сказав: «А ты кто, человек, что возражаешь Богу?» (Ср. Рим 9:20), они поднимают вопрос по поводу самого этого места и не перестают быть любопытными в отношении того высказывания, которым возбраняется само любопытство. И, будучи к тому же еще и нечестивы, прибавляют поношение, говоря, что апостол затруднялся в решении вопроса и порицал вопрошающих, поскольку не мог растолковать того, о чем спрашивали. А некоторые еретики, которым не удастся [никого] ввести в заблуждение, если не пообещают они знания, которым [в действительности] не обладают, противясь Закону и Пророкам, считают ложным и вставленным обманщиками все, что касательно их апостол внушил в своей проповеди, желая также и это [место] считать одним из так называемых «интерполированных». Им хотелось бы отрицать, что сам Павел сказал: «А ты кто, человек, что возражаешь Богу», поскольку, если сказано это по отношению к ним, клевещущим, чтобы обмануть людей, то, несомненно, умолкнут и не дерзнут обещать никакого знания о воле всемогущего Бога несведущим, [то есть] тем, кого желают обмануть. Однако некоторые, читающие Писания с чистым и благочестивым умом, спрашивают, что можно здесь ответить злословящим или клевещущим? Впрочем, мы, будучи спасительно привержены апостольскому авторитету и нисколько не считая, что подложны те книги, которые хранит кафолическое учение, станем мыслить в согласии с истиной: недостойны познания Божественных тайн и неспособны к этому те, от кого они сокрыты. И если они, ворча и досадуя, что не разумеют советов Божиих, начинают говорить: «Кого хочет, милует; и кого хочет, ожесточает. Что же еще упрекает? Ибо кто противостанет воле Ero?» (Ср. Рим 9:18-19) итак, если начинают они или порицать подобными словами Писание, или искать укрытия своим грехам, дабы пренебречь заповедями, призывающими нас к благой жизни, то да ответим мы [им] весьма решительно: «А ты кто, человек, что возражаещь Богу?» и, остерегаясь их, не станем давать святыни псам, или метать бисера перед свиньями (Ср.Мф7:6), если сами не являемся уже псами и свиньями. И, когда Дух Святой открывает нам что-либо касательно заслуг душ, будем, хотя бы отчасти или гадательно, предполагать нечто возвышенное и весьма удаленное от привычных соображений.
- 2. Ведь апостол здесь не святых удерживает от возражения, а тех, кто еще не укоренены и не утверждены в любви, чтобы быть в состоянии постигнуть со всеми святыми ширину, длину, высоту и глубину и все прочее, что изложено в этом же месте (Ср. Еф.3:18-19). Ибо не тех предохраняет он от возражения, о ком говорит: «А духовный судит обо всем, сам же не от кого не судится» (Ср. 1Кор 2:15), и особенно это: «Мы же приняли не духа этого мира, но Духа от Бога, чтобы знать то, что нам дано от Бога» (Ср. 1Кор 2:12). Итак, кому запрещает он [возражать Богу], если не глиняным и земным? Они, еще не возрожденные и не укрепленные внутренне, носят образ того человека, который создан из земли первым, земным (Ср. 1 Кор.15:47-49). И поскольку человек этот не пожелал повиноваться Тому, Кем он был создан, пал он в то, из чего был сотворен и заслуженно услышал после греха: «Ты — земля, и в землю возвратишься» (Быт 3:19). Понятно, что именно таковым людям и говорит апостол: «А ты кто, человек, что возражаешь Богу? Разве скажет изделие сделавшему его: Почему ты меня так сделал?» (Рим 9:20) Итак, пока ты изделие, а не совершенный сын, поскольку не имеешь еще полноты благодати, предоставляющей нам власть стать сынами Божиими (Ср. Ин 1:12). дабы мог ты услышать: «Уже не называю вас рабами, но друзьями» (Ср.Ин 15:15), — «ты кто, что возражаешь Богу» и желаешь знать замысел Божий? Ведь если бы ты захотел знать [замысел] подобного тебе человека, то поступил бы бесстыдно, если бы не стал сперва другом ему. Поэтому как мы носили образ земного [человека], так станем носить и образ небесного, совлекаясь ветхого человека и облекаясь в нового (Ср. Кол 3:9-10), чтобы не было сказано нам, как глиняному изделию: «Разве скажет изделие сделавшему его: Почему ты так меня сделал?».
- 3. И, чтобы было ясно, что это говорится не освященному духу, а плотской глине, смотри, что следует: «Разве не властен горшечник над глиной, чтобы из одной и той же смеси сделать один сосуд для почести, а другой для поругания?» (Ср. Рим 9:21) Итак, с тех пор как в раю наша природа согрешила, Промыслом Божиим мы образуемся вследствие смертного рождения не по небу, но по земле, то есть не по духу, но по плоти. Все мы сделались одной массой глины, то есть массой греха. И потому, после того как мы лишились заслуги по причине греха, когда удалилось милосердие Божие, греша, мы не подлежим ничему иному, кроме вечного осуждения. Так чего же хочет человек из этой массы, возражая Богу и говоря: «Почему ты так меня сделал?» Если ты желаешь познать это, не будь глиной, но стань сыном Божиим по Его милосердию, ибо Он дает «власть быть сынами Божиими» верующим

во имя Его (Ср.Ин.1:12), а не тем, кто, как бы тебе хотелось, прежде чем уверуют, желают знать Божественное. Вель награда познания дается за заслуги, а заслуга приобретается верою. Сама же благодать, дарованная по вере, дана без каких-либо предшествующих заслуг с нашей стороны. Ибо что за заслуга у грешника и нечестивого? А Христос умер ради грешников и нечестивых (Ср. Рим 5:6), чтобы мы были призваны к вере не заслугой, но благодатью, а веруя, присовокупили бы и заслугу. Итак, веровать повелевается грешникам, дабы посредством веры очистились они от греха. Ибо не знают они, что увидят, если станут жить праведно. Поэтому раз не могут они увидеть [этого], если не станут жить праведно, и бессильны жить праведно, если не уверуют, то ясно, что начинать должно с веры, чтобы заповеди, отвращающие верующих от этого века, сделали сердце чистым, то есть [таким], в каком может быть созерцаем Бог. Ведь «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф.5:8); и у пророка поется: «В простоте сердца ищите Его» (Прем.1:1). Поэтому справедливо сказано людям, пребывающим в ветхой жизни и потому имеющим в себе темное око души: «А ты кто, человек, что возражаешь Богу. Разве скажет изделие сделавшему его: Почему ты так меня сделал? Разве не властен горшечник над глиной, чтобы из одной и той же смеси сделать один сосуд для почести, а другой для поругания? Очисти старую закваску, чтобы ты стал новым тестом» (Ср. 1Кор 5:7), и в нем самом уже не младенцем во Христе, чтобы нужно было питать тебя молоком (Ср. 1Кор.3:2), но достигни мужа совершенного, чтобы был ты среди тех, о ком сказано: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными» (1Кор 2:6). Лишь тогда ты верно и не превратно услышишь, есть ли у всемогущего Бога нечто сокрытое, касающееся сокровеннейших заслуг душ, благодати и праведности.

- 4. Ведь легко ответить в отношении фараона, что из-за предыдущих наказаний, которыми поражал он иноземцев в своем царстве, по достоинству было ожесточено его сердце, так что он не поверил даже и очевиднейшим знамениям повелевающего Бога. Ибо из одной и той же массы, то есть [массы] грешников, и сосуды милосердия произвел [Бог], помогая им, когда умоляли его сыны Израилевы; и сосуды гнева, то есть фараона и народ его; и карой вторых научил первых. Ибо хотя и те, и другие были грешниками и в силу этого относились к одной и той же массе, однако иначе следует рассматривать тех, кто горько плакал перед единым Богом, чтобы Он помог им, и иначе — тех, из-за тяжелого бремени которых стенали первые. Итак, «со многим терпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели» (Ср. Рим 9:22). И тем самым, то что говорит [апостол]: «со многим терпением». достаточно показывает их прежние грехи, в которых Он щадил их, чтобы уместно покарать тогда, когда эта кара явится одновременно и помощью тем, кому предстоит освободиться. И «чтобы сделать известным богатство славы Своей в сосудах милосердия, которые приготовил Он к славе» (Ср. Рим 9:23). Здесь, возможно, смущенный, ты вернешься к прежнему вопросу: Если Он «кого хочет милует и кого хочет ожесточает, то что же еще упрекает? Ибо кто противостанет воле Его?» Действительно, Бог «кого хочет милует и кого хочет ожесточает», однако эта воля Божия не может быть несправедливой. Ибо она происходит из сокровеннейших заслуг, поскольку хотя грешники из-за первородного греха образуют одну массу, однако и между ними есть некое различие. Итак, нечто выделяется в [одних] грешниках, в силу чего они, хотя еще и не оправданы, однако делаются достойными оправдания, и, точно так же, выделяется [нечто] в других грешниках, в силу чего они достойны наказания. Вот, тот же самый апостол говорит в другом месте: «Поскольку не позаботились иметь Бога в познании, то предал их Бог превратному уму» (Ср. Рим. 1:28). То, что Он предал их превратному уму, означает то же, что и «ожесточил сердце фараона» (Ср. Исх.9:12); а что они не позаботились иметь Бога в познании, это значит, что те, кто были преданы превратному уму, явились достойными [этого предания].
- 5. Однако справедливо, что [это зависит] «не от желающего и не от старающегося, но от милующего Бога» (Ср. Рим 9:16). Ведь даже если кто-либо, имея более легкие грехи, или, хотя и тяжелые и многочисленные, но, по причине многой скорби и печали, через покаяние удостоился милосердия Божия, то это не заслуга его (ведь он погиб бы, если бы был оставлен), но милующего Бога, который внял его мольбам и скорби. Итак, мало что значит желать, если не милует Бог; но Бог, призывающий к миру, не милует, если [этому] не предшествовало воли [человека], ибо «на земле мир в людях доброй воли» (Лк 2:14). А поскольку и желать никто не может, не будучи побужден и призван, или внутренним образом, не видимым никому из людей, или же извне, посредством звучащей проповеди или иных видимых знаков, то получается, что и самое желание производит в нас Бог (Ср. Флп.2:13). Ведь на пир, названный Господом в Евангелии уготованным, не все, кто был призван, захотели прийти; однако и те, кто пришли, не могли бы прийти, если бы не были призваны. Итак, и те, кто пришел, не должны приписывать этого себе, ведь они были призваны; и те, кто не захотел прийти, не

должны винить других, но только лишь себя, поскольку были призваны прийти добровольно (Ср. Лк 14:16-24). И ясно, что призвание производит волю до [всякой] заслуги. Поэтому хотя бы и приписывал некто себе, что, будучи призван, пришел, того, что он был призван, приписать себе не может. А тот, кто, будучи призван, не пришел, не заслуживал награды — быть призванным, но начинает заслуживать кару, ибо, призванный прийти, пренебрег этим. Таким образом, очевидны два этих [свойства]: «Милосердие и правосудие воспою тебе, Господи» (Пс.100:1). К милосердию относится призвание; к правосудию — блаженство тех, кто пришел, будучи призван, и наказание тех, кто прийти не пожелал. Разве не известно было фараону, какие благие последствия имел для его земли приход Иосифа? (Ср. Быт.41). Итак, знание собственной истории было для него призванием, чтобы, милосердно обращаясь с народом Израильским, он не был неблагодарен. А не пожелав повиноваться этому призванию и преследуя с жестокостью тех, кому обязан был он [явить] человечность и милосердие, заслужил он наказание, так что ожесточилось сердце его, и объяла его такая слепота разума. что он не поверил весьма многочисленным и великим ясным знамениям Божиим. И этим его наказанием — или его ожесточения, или его последнего видимого потопления мог быть наставлен народ, оскорбляя который он приготовил [себе] наказание и тайного мучения, и явного потопления (Ср.Исх.5-14).

6. И это призвание, происходящее в подобающее время в отдельных людях или в [целых] народах и самом человеческом роде, обладает высшим и глубоким порядком. Сюда относится также и следующее [свидетельство Писания]: «Я освятил тебя в утробе» (Ср.Иер.1:5); и: «Когда ты был в чреслах отца твоего, я видел тебя» (Ср. Евр.7:9-10); и: «Иакова я возлюбил, а Исава возненавидел» (Мал.1:2-3), — ведь это сказано еще до их рождения. И не способен [никто] уразуметь [это], кроме тех немногих, кто любит Господа Бога своего всем сердцем и всею душою и всем разумением своим и любит ближнего, как самого себя (Ср. Мф.22:37-39). Ведь утвердившиеся в таковой любви способны уже, быть может, вместе со святыми познавать длину, ширину, высоту и глубину (Ср. Еф.3:18). Однако нужно, весьма твердо веруя в это, придерживаться того, что и Бог ничего не делает несправедливо, и нет никакой природы, чтобы она не была обязана Богу тем, что она есть: ведь от Бога зависит всякое совершенство, красота и соразмерность частей; так что если бы ты стал неотступно преследовать [это] и вплоть до последних остатков удалил бы [это] из природы, то не осталось бы ничего.

Вопрос 69. О том, что написано: «Тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все» (1 Кор.15:28)

1. Те, кто утверждают, что Сын не равен Богу Отцу, иногда имеют обыкновение приводить [в свою пользу] то свидетельство, где апостол Павел говорит: «Когда же все покорится Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все, да будет Бог все во всем». Поистине невозможно, чтобы заблуждение, прикрытое христианским именем, возникло у еретиков иначе, как от непонимания Писаний; ведь они говорят: «Если Он равен, то как покорится?» И это весьма похоже на известный евангельский вопрос: Если Он равен, каким образом Отец — больший? Ведь Сам Господь сказал: «Ибо Отец более Меня» (Ин 14:28). Правило же кафолической веры состоит в том, чтобы, когда в Писании говорится нечто о Сыне [в том смысле], что Он меньше Отца, понимать это как сказанное в связи с восприятием Им человека; а когда мы видим, что Он именуется равным, считать это сказанным на основании того, что Он — Бог. Поэтому понятно, каким образом сказано: «Отец более Меня, И: Я и Отец одно» (Ин 10:30), и: Бог был Слово (Ин 1:1), и: Слово стало плотью (Ин 1:14), и: «Не посчитал хищением быть равным Богу» (Флп.2:6), и: «Уничижил Самого Себя, приняв образ раба» (Флп.2:7). Но поскольку также многое говорится о Нем сообразно собственному свойству лица, помимо относящегося к восприятию человека; [и говорится] таким образом, что надлежит считать Отца не чем иным, как Отцом, и Сына не чем иным, как Сыном, то полагают еретики, что на основании мест, говорящих или понимаемых подобным образом, не может Он быть равным [Отцу], Ведь написано: «Все через Него было сотворено» (Ин.1:3), разумеется, через Сына, то есть через Слово Божие, и Кем, если не Отцом? Ибо нигде не написано, что Сын через Отца произвел некое творение. Также написано, что Сын есть образ Отца (Ср. Кол.1:15), но нигде не написано, что Отец есть образ Сына; далее, что Тот — родитель, а Этот — рожденный и прочее в том же роде. Все это относится не к неравенству сущности, а к собственным свойствам лиц, в отношении которых

говорящие, что Сын не может быть равным [Отцу], должны быть убеждены весом авторитета, поскольку для проникновения в это они обладают [слишком] грубым умом. Ведь если на основании этих [мест] не может быть мыслимо равенство Того, через Кого сотворено все, и Того, Кем сотворено все, Образа и Того, Чей Образ, Рожденного и Родителя, то и апостол никак бы не предложил, заграждая уста упрямым людям, следующего слова, говоря: «Не посчитал хищением быть равным Богу».

- 2. Итак, поскольку написанное для различения Отца и Сына написано так отчасти вследствие собственных свойств лиц, а отчасти по причине восприятия человека, тогда как Божественной сущности Отца и Сына присущи Божество, единство и равенство, то справедливо спрашивают относительного следующего места, сказал ли это апостол, исходя из восприятия человеческой природы или из собственных свойств лиц: «Тогда и сам Сын покорится Покорившему Ему все». Обычно [слова], расположенные рядом, проясняют изречение Св. Писания, поскольку то, что располагается вокруг, разбирает, тщательного исследуя, [все] относящееся к данному вопросу. Итак, мы находим, что [апостол] пришел к этому месту, [отталкиваясь] от сказанного выше: Теперь же «Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших» (1Кор.15:20); ибо ведет он речь о воскресении мертвых. А оно совершилось в Господе сообразно с восприятием человека; впрочем, вполне ясно [апостол] продолжает и говорит: «Ведь через человека смерть, и через человека воскресение мертвых. Ибо как в Адаме все умиряют, так и во Христе все будут оживотворены. И каждый в своем порядке: вначале Христос, затем те, кто суть Христовы, в пришествие Его, затем — конец, когда он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начало и всякую власть и силу. Ибо надлежит, чтобы Он царствовал, пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои. Последний враг истребится — смерть. Ведь все Он покорил под ноги Его. Когда же сказал, что все покорено, ясно, что кроме Покорившего Ему все. Когда же все покорится Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все, да будет Бог все во всем» (Ср. 1Кор.15:21-28). Итак, ясно, что это сказано сообразно восприятию человеческой.
- 3. Но обычно в отношении этого отрывка, текст которого мы привели целиком, ставят вопрос иначе: во-первых, почему сказано: «Когда предаст Царство Богу и Отцу», как будто ныне Отец не обладает Царством. Затем, почему сказано: «Надлежит, чтобы Он царствовал, пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои», как будто после этого не будет царствовать, и к этому-то и относится сказанное выше: «Затем конец». И это, руководствуясь богохульным мнением, понимают так, как будто концом назвал [апостол] завершение Его Царства, хотя в Евангелии написано: «И Царству Его не будет конца» (Лк 1:33). Наконец, сказанное: «Когда же все покорится Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все», так желают понимать, как будто ныне нечто не покоряется Сыну, или Сам Он не покоряется Отцу.
- 4. Итак, вопрос решается, исходя из способа высказывания. Ибо Писание по большей части говорит таким образом, что нечто вечно существующее тогда называется совершающимся в ком-то, когда начинает им познаваться. Ведь в молитве мы говорим: «Да святится имя Твое» (Мф.6:9), — так, как будто бы имя Его когда-либо не свято. Итак, как «да святится» означает 'да станет ясно, что оно свято', точно так же [надо понимать] и «Когда предаст Царство Богу и Отцу», то есть 'когда Он явит, что Отец царствует', чтобы посредством вида и явления стало ясным то, во что ныне веруют верующие, и чего не предполагают неверующие. А упразднит всякое начальство и власть, разумеется, явив Царство Отца, чтобы всем стало известно, что никакое начальство или власть, земные ли, или же небесные, не имеют самостоятельной власти и силы, но [получают их] от Того, от Кого все зависит, не только в отношении бытия, но и в отношении бытия упорядоченного. Ведь в результате этого явления ни у кого не останется никакой надежды на некое начальство или некоего человека. Поэтому даже и ныне воспевается пророчески: «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека; лучше уповать на Господа, чем надеяться на князей» (Пс.117:8-9), чтобы, размышляя так, душа уже восходила в Царство Отца, не возвеличивая ничьей власти, кроме Его, и не обольщаясь, себе на погибель, своей собственной. Поэтому тогда предаст Сын Царство Богу и Отцу, когда благодаря Ему Отец будет явно познан. Ибо Его Царство — те, в ком ныне царствует Он по вере. Ведь в одном смысле говорится о Царстве Христовом сообразно власти Божества, по которой подчинено Ему целиком все творение, а в другом смысле Царством Его называется Церковь, в соответствии с отличительным свойством веры в Hero, сообразно чему молится говорящий: «Обладай нами» (Ис.26:13) (ведь ясно, что Он-то всегда обладает всем); согласно с этим сказано также и следующее: «Когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности» (Рим.6:20). Итак, покорит всякое начальство и всякую власть и силу, чтобы никому созерцающему Отца через Сына не нужно было и не хотелось искать успокоения в каком-либо творении или в своей власти.

- 5. «Ибо надлежит, чтобы Он царствовал, пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои» (1Кор.15:25), то есть надлежит, чтобы Царство Его проявлялось до тех пор, пока враги Его не признают, что Он царствует; ведь так надо понимать то, что враги будут под ногами Его. И если мы примем это в отношении праведных, то сказано так: «врагов», потому что они оправдываются из неправедных и предаются Ему, веруя. А если следует принять это в отношении неправедных, не принадлежащих к будущему блаженству первых, [то сказано так], поскольку и они, смущенные явлением Его Царства, признают, что Он царствует. Поэтому [слова]: «Надлежит, чтобы Он царствовал, пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои», сказаны не в том смысле, что, когда положит врагов Своих под ноги Свои, не будет Он больше царствовать, но, [говоря]: «Надлежит, чтобы Он царствовал, пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои», [апостол как бы] говорит: «Надлежит, чтобы Он до такой очевидности простер Свое Царство, что враги Его никоим образом не дерзнут отрицать, что Он царствует». Ибо написано также: «Очи наши ко Господу Богу нашему, локоле не помилует нас» (Пс.122:2): однако это не означает, что когла Он помилует нас, мы должны отвратить от Него очи, — ведь блаженны мы настолько, насколько наслаждаемся созерцанием Его. Так что здесь сказано вот в каком смысле: устремление наших очей ко Господу простирается вплоть до получения Его милосердия не для того, чтобы затем от Него отвратиться, но чтобы впредь ничего большего уже не искать. Итак, «доколе не» поставлено для того, чтобы ты понимал это как '[чтобы] больше не'. Ибо чего большего, то есть какой большей [степени] явленности может достичь Царство Христово, чем той, когда все враги признают, что Он царствует? Поэтому 'не проявляться более' означает одно, а 'не пребывать более' — другое. 'Не проявляться более' означает 'не делаться более явным', а 'не пребывать более' — 'не становиться более пребывающим'. А когда Царство Христово будет более проявленным, чем когда станет оно явным для всех врагов?
- 6. «Последний враг истребится смерть» (1Кор.15:26). Ибо будет нечего ей разрушать, после того как смертное это облечется в бессмертие. «Ведь все Он покорил под ноги Его», то есть чтобы истребить даже и смерть. Когда же сказал, что «все покорено» (понятно, что это сказал пророк в Псалмах) (Ср. Пс.8:7), ясно, что «кроме Того, Кто покорил Ему все». [Тем самым апостол] хочет, чтобы мы поняли, что Отец все покорил Сыну, как во многих местах Евангелия и Сам Господь передает и проповедует, и [покорил Ему] не только из-за [воспринятого] «образа раба», но и из за [того, что Отец] есть Начало, от которого [Сын] получил бытие и равенство Тому, от Кого Он получил бытие. Ибо [Сын] как Его «Образ» (Ср. Кол.1:15), однако такой, в котором «обитает вся полнота Божества» (Кол.2:9), имеет обыкновение относить все к единому Началу.
- 7. «Когда же все будет покорено Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все». Это не означает, что прежде было по-другому, но тогда станет проявленным, в соответствии с оборотом речи, разобранным выше, «да будет Бог все во всем». Это и есть «конец», о котором упомянул [апостол] выше, когда желал заключить все сперва кратко. А затем [угодно ему] как бы по частям разобрать и объяснить [это]. Ведь он говорил о воскресении там, где сказал: «Сперва Христос, затем те, кто суть Христовы, в пришествие Его: затем конец». Разумеется, это-то и есть конец, «да будет Бог все во всем». Ибо в одном смысле говорят о конце, относящемся к завершению, а в другом об относящемся к уничтожению; ведь в одном смысле заканчивается, будучи соткана, туника, а в другом будучи съедена, пища. А говорится, что «Бог [будет] все во всем», чтобы никто из соединившихся с ним не возлюбил вместо Него своей собственной воли; и всем известно, что тот же апостол говорит в другом месте: «Что ты имеешь, чего бы не получил?» (1 Кор.4:7).
- 8. Есть также и те, кто понимают это место: «Надлежит, чтобы Он царствовал, пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои», таким образом, что, как говорят они, слово 'царствовать' здесь стоит в другом значении, то есть не в том, в каком поставлено слово 'Царство', там, где апостол говорит: «Когда предаст Царство Богу и Отцу». И считают они, что апостол в одном случае использует слово 'Царство', поскольку Бог правит всем творением; а в другом случае употребил глагол 'царствовать', чтобы понимали это, как если бы Он вел войско против врага или защищал город. То есть [апостол] потому сказал: «Надлежит, чтобы Он царствовал, пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои», что не будет никакого основания для принадлежащей предводителям войск царской власти, когда враг подчинен будет до такой степени, что не сможет вновь начать войну. Конечно, в Евангелии сказано: «И Царству Его не будет конца» (Лк.1:33), в соответствии с чем Он и царствует вовеки; а что касается того, что под Его предводительством сражаются с диаволом, то война эта будет идти до тех пор, «пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои»; а после уже не будет ее, поскольку будем мы наслаждаться вечным миром.

9. Сказано это таким образом для того, чтобы мы познали необходимость весьма усердного размышления о том, сообразно чему царствует ныне Господь в домостроительстве Своего Таинства посредством воплощения и страдания. Ибо в отношении того, что Он — Слово Божие, Его Царство лишено как конца, так и начала или прекращения, а на основании того, что Слово стало плотью (Ср.Ин.1:14), начинает Он править в верующих благодаря вере в Его воплощение. Поэтому и сказано: «Господь воцарился с древа» (Пс.95:10). Отсюда упраздняет Он всякое начальство и всякую власть и силу, ибо не славой Его, но смирением спасаются верующие в Него. И это именно то, что сокрыто от мудрых и разумных и открыто младенцам (Ср. Мф.11:25), поскольку угодно было Богу глупостью проповеди спасти верующих (Ср. 1Кор.1:21). Также и апостол говорит, что он не знает ничего среди младенцев, кроме Христа Иисуса, и Его распятого (Ср. 1 Кор.2:2). Эта проповедь необходима до тех пор, пока не будут положены все враги под ноги Его, то есть пока не уступит и не покорится Его смирению, обозначенному, как я полагаю, именем ног, всякая гордость века сего, что уже во многом произошло и, как мы видим, происходит постоянно. Но с какой целью происходит это? Чтобы передать Царство Богу и Отцу, то есть чтобы привести вскормленных верой в Его воплощение к образу, в котором Он равен Отцу. Ведь Он разговаривал с уже уверовавшими, когда сказал: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин.8:31-32). Ибо Он предаст Царство Отцу, когда будет царствовать в созерцающих истину благодаря тому, что Он равен Отцу, и даст видимым образом созерцать Отца через Себя, Единородного [Сына]; а ныне царствует Он в верующих в силу того, что «смирил Самого Себя, приняв образ раба» (Ср. Флп.2:7). И тогла предаст Он Царство Богу и Отцу, «когда упразднит всякое начальство, и власть, и силу». Чем упразднит, если не смирением, терпением и немощью? Ибо какое начальство не упразднится, если Сын Божий потому царствует в верующих, что властители века сего осудили Его? Какая власть не упразднится, если Тот, Кем все создано, потому царствует в верующих, что в высшей степени покорившись властителям, сказал человеку: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше?» (Ин.19:11). Какая сила не упразднится, если Тот Самый, через Кого утверждены небеса, потому правит в верующих, что стал немощным вплоть до креста и смерти? Подобным образом именно Сын и царствует в соответствии с верой верующих. Ведь невозможно сказать или поверить, что Отец или воплотился, или был судим, или распят. А по образу, в котором равен Отцу, царствует вместе с Отцом в созерцающих истину. И то, что предаст Он Царство Богу и Отцу, возводя верующих ныне в Него от веры в Его воплощение к созерцанию Его Божества, не [означает], что Сам оставит их, но и Тот и Другой предоставят Себя в единстве [природы] для наслаждения созерцающим. И до тех пор надлежит, чтобы в людях, не способных пока что созерцать равенство Отца и Сына в ясном свете ума, царствовал Христос при помощи того, что они могут воспринять и что именно Он воспринял, то есть [посредством] смирения воплощения, «пока не положит всех врагов Своих под ноги Свои», то есть пока всякая гордость века сего не покорится смирению Его воплощения.

10. Далее, сказанное: «Тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все» (1Кор.15:28), хотя и говорится в соответствии с восприятием человеческой природы, ведь от этого и возник вопрос, когда речь шла о воскресении мертвых, однако справедливо спрашивают, сказано ли это лишь в том отношении, что Он является главой Церкви (Ср. Еф.1:22; 5:23), или же в отношении целого Христа, включая и тело Его и члены. Вель когла Павел говорит в послании к Галатам: «Не сказано: «и потомкам», как бы о многих, но как бы об одном: «и семени твоему», которое есть Христос», — то он, чтобы мы не подумали, что в этом месте он имеет в виду одного лишь Христа, родившегося от Девы Марии, говорит затем: «Ибо вы все одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово» (Гал.3:16, 28-29). И в послании к Коринфянам, когда говорит о любви, приводит, как подобие, члены тела: «Ибо как тело одно, — говорит он, — но имеет многие члены, и все члены тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос» (1Кор.12:12). Не говорит он: так и Христовы, но — так и Христос, показывая, что верно называть Христом также и целокупность, то есть главу со своим телом; а это тело - Церковь. И во многих местах Писания мы находим, что Христос именуется подобным образом, так что нужно мыслить Его со всеми Его членами, которым сказано: «Вы тело Христово и члены» (Ср. 1Кор.12:27). Поэтому будет не глупо, если сказанное: «Тогда и Сам Сын покорится Покорившему Ему все», мы поймем таким образом, что будем разуметь не только Сына как главу Церкви, но и всех святых вместе с Ним, ибо они едины во Христе, одно семя Авраама. А покорится оно сообразно созерцанию вечной истины для обладания блаженством. И при этом не будет противодействовать никакое движение души, никакая часть тела, «чтобы», поскольку в подобной жизни никто не станет любить собственную власть, — «Бог был все во всем».

Вопрос 70. О том, что говорит апостол: «Поглощена смерть победой. Где, смерть, твое усилие? Где, смерть, твое жало? Жало же смерти — грех, а сила греха — закон» (Ср. 1 Кор.15:54-56)

Имеют обыкновение спрашивать, что означает: «Поглощена смерть победой. Где, смерть, твое усилие? Где, смерть, твое жало? Жало же смерти — грех, а сила греха — закон». Я полагаю, что смертью обозначается в этом месте плотский образ жизни, который противостоит благой воле удовольствием временных наслаждений. Ибо не было бы сказано: «Где, смерть, твое усилие?» если бы она не противостояла и не противоборствовала. Усилие ее описывается также в другом месте: «Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они противятся друг другу, так что вы не то делаете, что хотели бы» (Гал.5:17). Потому благодаря совершенному освящению бывает, что всякое плотское влечение подчиняется нашему духу, просвещенному и оживотворенному, то есть нашей доброй воле. И как ныне мы видим, что лишены многих детских удовольствий, отсутствие которых в детском возрасте причиняло нам большие мучения, так, надлежит верить, будет и в отношении всякого плотского удовольствия, когда совершенная святость восстановит всего человека. Ныне же, пока пребывает в нас нечто противостоящее доброй воле, мы нуждаемся в помощи Божией, [подаваемой] через добрых людей и благих ангелов, чтобы рана наша, исцеляясь, не отяготила нас настолько, что лишит и самой доброй воли. А смерть заслужили мы за грех, и этот грех сперва был вполне во [власти] свободного решения, так как в раю никакая печаль из-за недостижимости удовольствия не противостояла доброй воле человека, как [противостоит] теперь. Для примера, если есть некто, кому никогда не доставляла удовольствия охота, то он целиком свободен — желать охотиться или нет, и не доставляет страдания ему тот, кто запрещает это. Но если, дурно воспользовавшись этой свободой, станет он охотиться вопреки приказу запрещающего, мало-помалу вкрадывающееся удовольствие будет умерщвлять душу, так что если пожелает она удержаться от этого, то без боли и стеснения не сможет, так как не сделала этого сразу, когда обладала полным здоровьем. Поэтому «жало смерти — грех», ведь от греха произошло наслаждение, способное теперь противостоять доброй воле и смешиваться со страданием. И это наслаждение мы справедливо именуем смертью, ибо оно состоит в истощении портящейся души. «А сила греха — закон», поскольку гораздо более преступно и позорно совершать то, что запрещает закон, чем то, что никаким законом не запрещено. Итак, смерть тогда будет поглощена победой, когда, благодаря целостному освящению человека, плотское наслаждение будет уничтожено совершенным наслаждением духовными [благами].

Вопрос 71. О том, что написано: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал.6:2)

1. Поскольку соблюдение Ветхого Завета поддерживалось страхом, то не мог апостол обозначить яснее, что дар Нового Завета — любовь, чем [сделано это] здесь, где он говорит: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов». Ибо думается, что законом Христовым он называет заповедь Самого Господа, чтобы мы любили друг друга. А Господь придал в своем изречении такую важность этой заповеди, что сказал: «По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете любить друг друга» (См.Ин 13:34-35). И обязанность этой любви — носить бремена друг друга. Эта обязанность, не будучи вечной, поистине приводит к вечному блаженству, когда не будет у нас никакого бремени, подлежащего совместному несению. Ныне же, пока мы пребываем в этой жизни, то есть на этом пути, станем носить бремена друг друга, чтобы могли мы достигнуть той жизни, которая лишена всякого бремени. Ибо сходным образом некоторые усердно занимающиеся такого рода исследованиями написали об оленях [вот что]: когда олени пересекают море, [отправляясь] на остров ради пищи, то таким образом располагаются, что бремя своих голов, отягощенных рогами, несут друг на друге, так что последующий располагает свою голову на предыдущем, вытянув шею. И поскольку один, предшествующий прочим, по необходимости не имеет перед собой никого, чтобы положить голову, то говорят, что они делают это поочередно, так что тот, кто шел впереди, утомленный бременем своей головы, становится позади всех, и его сменяет тот,

голову кого он нес, когда сам шел впереди. Таким образом, неся бремена друг друга, пересекают они море, пока не достигнут твердой земли. Возможно, эту природу оленей имел в виду Соломон, когда сказал: «Олень дружбы и детеныш благодарности твоей да беседуют с тобой» (Притч.5:19). Ибо ничто так не подтверждает дружбу, как несение бремени друга.

- 2. Однако как бы мы носили бремена друг друга, если время немощи у обоих, несущих свои бремена, было бы одно и то же, или род немощи был бы одинаков? Но в разное время и разного рода случается немощь, чтобы мы были в силах носить бремена друг друга. Например, ты тогда претерпеваешь гнев брата, когда не гневаешься на него, чтобы, с другой стороны, когда тебя охватит гнев, он поддержал тебя кротостью и спокойствием. Этот пример относится к тому [случаю], когда различно время несения бремени, хотя сама немощь и не различна; ведь оба претерпевают гнев со стороны другого. А в отношении различия рода немощи должен быть очевиден другой пример: если кто победил в себе болтливость, а упрямство не победил, другой же все еще болтун, но уже не упрямец, то должно, чтобы первый выносил с любовью упрямство второго, а второй болтливость первого, пока одно не будет исцелено в первом, и другая — во втором. Ведь если равная немощь случается у обоих в одно время, то не в силах они терпеть друг друга, так как устремляются друг против друга. Однако против некоего третьего и два разгневанных соглашаются между собой и терпят друг друга; хотя им следует сказать, что должны они не терпеть друга, а скорее друг друга смягчать. Также и скорбящие о чем-то одном лучше выносят друг друга и как бы опираются друг на друга, чем если один скорбит, а другой радуется. А если опечалены они друг на друга, то совершенно не могут друг друга выносить. И потому в состояниях подобного рода должна быть отчасти воспринята и самая тягость, от которой желаешь со своей помощью избавить другого, и воспринята таким образом, чтобы это послужило к помощи, а не к равному несчастью: так наклоняется тот, кто протягивает руку упавшему: он не бросается [на землю], чтобы упали оба, но лишь сгибается, чтобы поднять упавшего.
- 3. И ничто не заставляет более охотно предаваться этому надлежащему труду несения бремени других, чем осознание того, что вынес ради нас Господь. Ведь потому и апостол, убеждая, говорит: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе, Который, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеку, и видом став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп.2:5-8). А выше сказал он: «Не о своем каждый заботясь, но о чужом» (Ср. Флп.2:4). К этому-то изречению и присоединил он то, что сказано, ибо так продолжает: «То думайте в себе, что и во Христе Иисусе», по крайней мере, в том, чтобы как Он, поскольку «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин.1:14), хотя и был без греха, но воспринял наши грехи, и заботился не о Своем, но о нашем, так и мы охотно, в подражание Ему, несли бремена друг друга.
- 4. К этому доводу присоединяется также и то соображение, что Он воспринял человека, а мы люди, и должны сознавать, что недуг тела или души, заметный для нас в другом человеке, также и сами могли или можем иметь. Поэтому станем выказывать по отношению к тому, немощь кого желаем понести, то, что желаем обнаружить и с его стороны к нам, если вдруг мы окажемся в беде, а он нет. К этому относится и сказанное самим апостолом: «Я сделался всем для всех, чтобы всем принести пользу» (Ср. 1Кор.9:22), то есть мог мысленно представить, что он сам находится в том пороке, от которого желал освободить другого. Ведь делал он это сострадая, а не притворяясь, как полагают некоторые, и в основном те, кто, защищая свою неправду, которой не могут отрицать, ищут покровительства некоего великого примера.
- 5. Наконец, следует также учесть и то, что нет такого человека, который был бы неспособен обладать каким-либо благом, которого ты еще не имеешь, даже если бы и было скрыто, в чем он, несомненно, может превзойти тебя. И это соображение служит для обуздания и укрощения гордости, чтобы ты не счел, что раз некие твои блага обнаруживаются и открываются, то другой не имеет никаких благ, которые сокрыты и, возможно, более ценны, причем превосходит он ими тебя, незнающего. Ибо апостол не повелевает нам обманывать самих себя или, тем более, пользоваться лестью, когда говорит: «Ничего [не делайте] по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя» (Флп.2:3). И надлежит нам считать так, не просто делая вид, что мы считаем, но станем воистину полагать, что в другом может быть сокрыто нечто, благодаря чему он выше нас, даже если наше благо, которым, как кажется, мы превосходим его, не сокрыто. Такие размышления, подавляющие гордость и взращивающие любовь, заставляют брать братские бремена друг друга не только спокойно, но и в высшей степени охотно. Поистине, никоим образом не должно выносить суждения относительно какого-либо неизвестного человека; и никто не познается иначе,

чем посредством дружбы. А мы потому более твердо выносим нечто дурное у друзей, что нас восхищают и удерживают их хорошие качества.

- 6. Итак, не следует отвергать ничьей дружбы, если кто-либо предлагает заключить ее с ним, но при этом не тотчас должно принимать ее, но того, кто должен быть принят [в друзья], нужно избирать и рассматривать таким образом, чтобы он мог быть принят. Ибо того можем мы назвать взятым в друзья, кому отважимся доверить все наши мысли. И если есть некто, кто не дерзает предложить себя для заключения дружбы, будучи сдерживаем некоей нашей временной славой или достоинством, то следует снизойти до него и предложить ему с некоей кротостью и ласковостью души то, чего он сам не отваживается попросить. Конечно, хотя и реже, однако иногда случается, что нам раньше становятся известны недостатки того, кого мы желаем принять в дружбу, чем его достоинства, и, смущенные и как бы отталкиваемые ими, мы оставляем его и не распространяем изыскания на его достоинства, возможно, более сокрытые. Итак, Господь Иисус Христос, желающий сделать нас Своими подражателями, убеждает, чтобы мы переносили немощь и подобного [человека], дабы при помощи терпения любви мы достигли некоего здоровья, в наслаждении которым упокоимся. Ибо сказал [Господь]: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф.9:12). А потому, если ради любви Христовой даже и того, кто, возможно, во всех отношениях болен, мы не должны отталкивать от сердца, поскольку он может быть исцелен Словом Божиим, — то насколько меньше того, кто потому может казаться нам целиком больным, что в самом начале дружбы мы не способны перенести некоторые его раны и, что еще хуже, отважились с душевным отвращением заранее вынести необдуманный осуждающий приговор всему человеку, не страшась сказанного: «Не судите, чтобы не быть судимыми»; и «Какой мерой будете мерить, такой и вам отмерят» (Ср. Мф.7:1-2). Часто и то, что хорошо [в человеке], появляется прежде, и в подобном случае должно остерегаться поспешного суда благоволения, чтобы, когда ты сочтешь [человека] целиком благим, появляющиеся позже злые качества не нашли тебя беспечным и не готовым и не поразили еще сильнее, так что того, кого опрометчиво ты полюбил, ты жестоко возненавидишь, а этого делать не следует. Ведь даже если бы не предшествовало никаких его хороших качеств, и появившиеся позже плохие обнаружились бы сразу, то их надлежало бы все равно терпеть, пока не испробуешь в отношении него всего, чем таковые [качества] могут быть излечены. И тем более, если предшествовали его хорошие качества, которые, как залог, должны укреплять нас в терпении последующих [дурных].
- 7. Итак, это самое и есть закон Христов, чтобы мы носили бремена друг друга. А любя Христа, мы легко переносим немощь другого, даже и того, кого не любим еще за его добрые качества. Ведь мы знаем, что Господь умер ради того, кого мы любим. Подобную любовь внушает нам апостол Павел, когда говорит: «И от знания твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос» (1Кор 8:11), чтобы, если этого немощного из-за того порока, которым он немощен, мы любим слабее, мы увидели в нем Того, Кто умер за него. А не любить Христа это не немощь, а смерть. Поэтому мы должны рассуждать [здесь] с великой заботой и призвав милосердие Божие, чтобы не презреть нам Христа из-за немощного [брата], тогда как немощного [брата] мы должны любить ради Христа.

Вопрос 72. О вечных временах

Могут спросить, в каком смысле сказано апостолом Павлом: «Прежде вечных времен» (Тит.1:2). Ведь если времена, то каким образом вечные? А если вечные, то почему времена? Разве только желает он, чтобы это понимали в смысле 'прежде всяких времен', поскольку если бы сказал: «Прежде времен», и не добавил: «вечных», то могли бы подумать, что прежде неких времен, имевших ранее себя другие времена. А предпочел сказать «вечные», а не 'всякие', возможно, потому что время не берет начало от времени. И не обозначил ли [апостол] «вечными временами» век, а между ним и временем та разница, что первый — постоянен, а второе — изменчиво?

Вопрос 73. О том, что написано: «И свойством оказался как человек» (Флп.2:7)

- 1. Мы говорим 'свойство' (habitus) во многих смыслах: или свойство души, когда восприятие какоголибо учения усилено и укреплено благодаря опыту, или свойство тела, и с этой точки зрения мы говорим, что один другого стройнее или сильнее (это обычно более точно называют сложением), или же свойство того, что снаружи прилаживается к нашим членам, и в силу этого мы называемся одетыми, обутыми, вооруженными и прочее в том же духе. В отношении всех этих родов ясно (если к тому же это название происходит от глагола habeo 'обладать'), что говорят 'свойство' о том, что привходит кому-то таким образом, что он мог бы и не обладать этим. Ведь учение привходит душе, крепость и прочность — телу, и уж несомненно одежда и оружие привходят членам, так что и невежественной может быть душа, если не будет свойственно ей учение, и худым и вялым тело без плотности мяса и крепости, да и человек может быть и нагим без одежды, и невооруженным без оружия и босым без обуви. Итак, 'свойство' говорят в отношении того, обладание чем для нас привходяще. Однако различие здесь в том, что нечто из привходящего нам не изменяется нами, чтобы сделаться свойством, но само изменяет нас в себе, оставаясь целостным и незыблемым. Такова мудрость, ибо когда становится она присуща человеку, то не сама изменяется, а изменяет человека, делая его из глупого мудрым. А некие вещи привходят таким образом, что и изменяют и изменяются. Такова пища, ибо она и сама обращается в наше тело, потеряв свой вид, и мы, перерабатывая пищу, из худых и вялых становимся мощными и крепкими. Третий род — когда само то, что привходит, изменяется, чтобы образовать свойство; и некоторым образом оформляется тем, чье свойство образует. Такова одежда, ибо когда ее снимают или надевают, не имеет она формы, свойственной ей, когда она надета и покрывает члены. Поэтому, будучи одета, она приобретает форму, не присущую ей снятой, тогда как сами члены и когда одеты, и когда раздеты, остаются теми же самыми. Может также существовать и четвертый род, когда то, что привходит, и не изменяет для образования свойства того. чему становится присущим, и само от этого не меняется. И таков перстень [надетый] на палец, если не вникать в это слишком тонко. Однако этот род или вовсе не существует, если ты внимательно рассудишь, или, во всяком случае, весьма редок.
- 2. Поэтому апостол, когда говорил о Единородном Сыне Божием, то, рассуждая о Его Божестве, согласно тому, что Он является истиннейшим Богом, сказал, что «Он равен Отцу», причем это свойственно Ему не хищением, то есть не чужого потребовал Он, ведь Он всегда пребывает в этом равенстве, лаже если и не пожелал бы облечься в человека и явиться людям, как человек. Но «Он смирил Себя Самого», не изменив Своего образа, но приняв образ раба, и не обратившись или переменившись в человека и лишившись неизменного постоянства, но через восприятие истинного человека Сам Воспринявший «сделался подобен человекам» не ради Себя, но для тех, кому явился в [образе] человека, «и свойством оказался как человек», то есть обладая человеком, был обретен как человек. Ибо Он не мог быть обретен имевшими нечистое сердце и неспособными видеть Слово у Отца иначе, как посредством восприятия того, что они были в силах увидеть и при помощи чего возводились к внутреннему свету И это свойство не первого рода, ведь природа человека, пребывая в себе, не изменила природы Бога; и не второго, ведь неверно, что человек и изменил Бога и был Им изменен; и не четвертого, ведь не так воспринят был человек, что и сам не изменил Бога, и Им не был изменен; но вероятнее всего это относится к третьему роду, ведь [человек] был воспринят таким образом, что изменился в лучшее и приобрел [от Бога] образ невыразимо более превосходно и тесно, чем одежда, когда надевается она человеком. Итак, этим именем «свойства» апостол достаточно показывает, в каком смысле сказал он: «сделался подобным человекам», ведь сделался Он таким не преобразившись в человека, но свойством, так как облекся в человека и, неким образом соединив и сообразовав его с Собою, приобщил его бессмертию и вечности. Впрочем, свойство, состоящее в усвоении мудрости и учения, греки называют έξις, а то, сообразно которому мы говорим о вооруженном и одетом, скорее именуют σχήμα. И из этого понятно, что слово «свойство» сказано апостолом в последнем смысле, ведь в греческих рукописях написано σχήμα, что по-латыни переводим как habitus 'свойство'. На основании этого именования надлежит думать, что Слово не было изменено восприятием человеческой природы, как и члены, облекаясь в одежду, не изменяются, хотя это восприятие невыразимо приобщило воспринятое Воспринявшему. Но насколько человеческие слова способны соответствовать невыразимым делам, дабы не считали воспринявшего человеческую бренность Бога измененным, было избрано, чтобы это восприятие называлось полатыни habitus 'свойство', а по-гречески — σχήμα. 'вид'.

Вопрос 74. О том, что написано в послании [апостола] Павла к Колоссянам: «В Котором мы имеем искупление и прощение грехов, Который есть образ Бога невидимого» (Кол.1:14-15)

Следует различать образ, равенство и подобие: ведь где образ, тотчас и подобие, но не обязательно равенство; где равенство, сразу же подобие, но не непременно образ, где подобие, не необходимо образ, не необходимо равенство. Где образ, тотчас и подобие, но не обязательно равенство: так в зеркале присутствует образ человека, и поскольку оно воспроизводит его, [этот образ] необходимо является также и подобием, однако не равенством, ибо у образа отсутствует многое из присущего тому, чем он отпечатлен. Где равенство, сразу же подобие, но не непременно образ: так у двух равных яиц, поскольку присутствует равенство, присутствует и подобие; и все, что присуще одному, присуще и другому; однако образа нет, поскольку одно не отпечатлено в другом. Где подобие, не необходимо образ, не необходимо равенство; ведь всякое яйцо в силу того, что яйцо, подобно всякому яйцу; но яйцо куропатки, хотя, будучи яйцом, подобно яйцу курицы, однако не является его образом, поскольку не отпечатлено им и не равно, поскольку и меньше, и принадлежит другому роду живых существ. Но когда говорят 'не необходимо', имеют в виду, что в некоторых случаях это вполне возможно. Поэтому может быть некий образ, которому присуще также и равенство, как у родителей с детьми мы видим образ, равенство и подобие, если не брать во внимание промежуток времени; ведь подобие сына отпечатлено от отца, так что верно называется образом, и может [это подобие] достигнуть того, что будет оно верно именоваться равенством, если не считать, что родитель предшествует в отношении времени. Из этого понятно, что и равенство иногда обладает не только подобием, но и образом, что выяснилось из предшествующего примера. Могут также иногда присутствовать подобие и равенство, хотя образ отсутствует, как мы сказали о двух яйцах. Могут и подобие и образ быть, хотя нет равенства, как мы обнаружили в зеркале. Может и подобие быть там, где наличествуют образ и равенство, как мы упомянули в отношении сыновей, не принимая во внимание времени, в силу которого родители предшествуют. Ведь точно так же мы говорим, что слог равен слогу, хотя один предшествует, а другой идет следом. А поскольку в отношении Бога временные условия не имеют силы, ибо не может оказаться верным то, что Бог во времени родил Сына, Которым устроил времена, то как следствие Сын является не только Его образом, поскольку от Него, и подобием, ибо Образ, но также обладает таким равенством, что нет здесь никакого временного промежутка в качестве препятствия.

Вопрос 75. О наследии Божием

1. Так как апостол говорит в послании к Евреям: «Завещание утверждается смертью завещателя» (Ср. Евр. 9:16-17), то объявляет тем самым, что Новый Завет был утвержден, когда Христос умер за нас. А подобием Нового Завета был Ветхий Завет, в котором смерть завещателя предызображалась жертвой. Поэтому если спросят, каким образом мы, согласно слову того же апостола, «сонаследники Христу», и «дети и наследники Богу» (Рим.8:17), то, поскольку и наследие также утверждается смертью предшествующего владельца, и никак иначе нельзя понять наследия, мы отвечаем, что после того, как Сам Христос умер, мы сделались наследниками, ибо названы также и сынами Его: Не «постятся, говорит Он, — сыны жениха, пока с ними жених» (Ср. Мф.9:15). Итак, мы называемся наследниками Его, поскольку Он оставил нам во владение мир церковный по вере в совершающееся во времени домостроительство. И этим [миром] мы владеем в настоящей жизни, что засвидетельствовал Он. говоря: «Мир Мой даю вам, мир оставляю вам» (Ин.14:27). А сонаследниками Его мы сделаемся, когда в конце века поглощена будет смерть победою (Ср. 1Кор 15:54). Ведь тогда «мы станем подобными Ему, поскольку увидим Его, как Он есть» (Ср. 1Ин 3:2). И это наследие мы обретаем не смертью того Отца, Который не может умереть, ведь Сам Он становится наследием нашим, в соответствии с написанным: «Господь — часть наследия моего» (Пс.15:5), — но поскольку, когда начнем мы созерцать лицом к лицу, умрет то самое, что мы видели гадательно. Ибо призваны мы были еще детьми и мало годными к созерцанию духовного, и Божественное милосердие простерлось вплоть до малейших наших помышлений, чтобы мы как-либо возвысились к знанию того, что созерцали не ясно и не отчетливо. Ведь точно так же именуется умершим и то, что прекратилось: «Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1Кор 13:10). Таким образом,

для нас как бы умирает Отец в загадке, и Он же становится наследием, когда созерцаем Его лицом к лицу. И бывает так не потому, что Сам Он умирает, но поскольку наше несовершенное созерцание Его уничтожается созерцанием совершенным. И однако если бы первое нас сначала не питало, хо не сделались бы мы пригодными к другому, полнейшему и яснейшему [созерцанию].

- 2. И если благочестивый разум допускает это также в отношении Господа Иисуса Христа не как Слова Божия в начале, Бога у Бога (Ср. Ин.1:1), но как Младенца, возраставшего в летах и премудрости (Ср. Лк.2:40, 52), и притом соблюдена особенность восприятия [Им человеческой природы], которое не было общим для Него с другими людьми, то ясно, что как бы смертью этого [Младенца] получил и Он Сам наследие. Ведь не можем мы быть Ему сонаследниками, если Он не является наследником. А если благочестие не допускает того, что сперва отчасти обладал знанием Господний Человек, а потом целиком, хотя сказано, что Он возрастал в премудрости, то следует думать, что Он наследник в теле Своем, то есть в Церкви, сонаследники которой мы, точно так же, как называемся сынами ее, а она матерью, хотя и состоит из нас.
- 3. Но снова могут спросить, чьей смертью и мы также сделались наследием Божиим, в соответствии со следующими словами: «Дам Тебе народы в наследие Твое?» (Пс.2:8). Разве не [смертью] этого мира, во власти которого мы прежде содержались? И затем, после смерти обладавшего нами [прежде], когда мы говорим: «Мир распят для меня, и я для мира» (Гал.6:14), владеет нами Христос. А умираем мы для мира и он для нас тогда, когда мы отрекаемся от него.

Вопрос 76. О том, что говорит апостол Иаков: «Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» (Иак.2:20)

- 1. Апостол Павел, проповедуя, что человек оправдывается верой без дел, был неверно понят принявшими сказанное в том смысле, что, как полагали они, раз они единожды уверовали во Христа, то спасены через веру, даже если поступают дурно и живут порочно и постыдно. А данное место послания Иакова объясняет смысл [сказанного] апостолом Павлом [и показывает], как надлежит понимать его. И потому [Иаков] использует пример великого Авраама, [чтобы показать], что вера пуста, если человек не делает добрых дел, ведь и Павел также пользовался примером Авраама, чтобы доказать, что человек оправдывается верой без дел закона (Ср. Рим 4:2). Ибо когда Иаков упоминает о добрых делах Авраама, сопутствовавших его вере, то убедительно показывает, что на примере Авраама апостол Павел учил об оправдании человека верой без дел не в том смысле, что если кто уверовал, то не нужно ему делать добрых дел. Скорее Павел имел в виду то, чтобы никто не считал себя достигшим дара оправдания заслугой благочестивых и добрых дел, ибо оправдание — в вере. Ибо тем жаждали превознестись иудеи над язычниками, уверовавшими во Христа, что называли себя достигшими евангельской благодати при помощи заслуг добрых дел, [предписанных] в законе. Поэтому многие уверовавшие из них соблазнялись тем, что Христова благодать преподается необрезанным язычникам. Из-за этого и говорит апостол Павел, что человек может оправдаться верой без предшествующих дел. А, оправдавшись верой, разве может он поступать в дальнейшем иначе как праведно, хотя прежде, не делая ничего праведного, он достиг оправдания верой не по заслуге добрых дел своих, но по благодати Божией? Эта благодать не может в нем остаться бездеятельной, и теперь уже он способен, движимый любовью, поступать хорошо. Так что, если после того как уверует он, тотчас покинет эту жизнь, с ним останется оправдание веры; и этому не предшествовали добрые дела, поскольку достиг он этого не заслугой, но благодатью, и не следовали за этим [добрые дела], в силу того, что ему не позволено было остаться в этой жизни. Поэтому ясно и то, что сказал апостол Павел: «Ведь мы считаем, что человек оправдывается верой, без дел» (Ср. Рим 3:28). Однако не следует понимать это в том смысле, что, если, приняв веру, он останется в живых, мы назовем его праведником, даже если будет он жить дурно. Одним и тем же примером Авраама пользуется и апостол Павел, поскольку без дел закона, которого не получил, верой был оправдан [Авраам], и Иаков, поскольку, разъясняя, как следует понимать возвещенное апостолом Павлом, показывает, что из веры Авраама следовали его добрые дела.
- 2. Ведь те, кто полагают, что высказывание апостола Иакова противоречит мнению апостола Павла, могут решить, что и сам Павел противоречит себе. Ибо он говорит в другом месте: «И не слушатели закона праведны у Бога, но делатели закона будут оправданы» (Ср. Рим 2:13); и в ином месте: «Но

вера, действующая любовью» (Гал.5:6); и снова: «Ибо, если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете» (Рим. 8:13). А что такое дела плоти, которые надлежит умертвить делами духа, показывает он в другом месте, говоря: «Дела плоти известны; они суть: разврат, нечистота, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, ереси, ненависть, пьянство, бесчинство и подобное этому, о чем предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал.5:19-21); и в послании к Коринфянам: «Не заблуждайтесь: ни развратники, ни идолопоклонники, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни стяжатели, ни пьяницы, ни злоречивые, ни грабители — Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас, но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего» (Ср. 1 Кор.6:9-11). Этими изречениями он в высшей степени ясно научает, что они не предшествующим добрым делом достигли оправдания веры; и не по их заслугам дана была благодать, ведь говорит: «И такими были некоторые из вас». Но когда говорит он: «Поступающие так Царства Божия не наследуют», достаточно показывает, что, уверовав, должны они уже поступать хорошо. Это говорит и Иаков, и во многих других местах тот же самый апостол Павел возвещает подробно и ясно, что должно жить праведно всем уверовавшим во Христа, чтобы не подпасть наказанию. Об этом напоминает и Сам Господь, говоря: «Не всякий говорящий Мне: «Господи, Господи!» войдет в Царство Небесное, но кто исполняет волю Отца Моего, Который на небесах, тот войдет в Царство Небесное» (Ср. Мф.7:21); и в другом месте: «Что вы говорите мне: Господи, Господи! — и не делаете того, что Я говорю вам?» (Лк.6:46); и: «Всякого, кто слушает эти слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне» и так далее. «И кто слушает эти слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке» (Мф.7:24-27) и так далее. Поэтому не противоречат друг другу изречения двух апостолов, Павла и Иакова, когда один говорит, что человек оправдывается верой без дел, а другой утверждает, что вера без дел — мертва, ибо первый рассуждает о делах, предшествующих вере, а второй — о тех, что следуют за верой, как во многих местах утверждает и сам апостол Павел

Вопрос 77. О страхе, является ли он грехом

Всякое волнение — претерпевание, всякое вожделение — волнение; следовательно, всякое вожделение — претерпевание. А когда в нас есть какое-либо претерпевание, то мы претерпеваем и самим этим претерпеванием и насколько это — претерпевание; значит, когда в нас присутствует некое вожделение, мы претерпеваем самим этим вожделением и претерпеваем, насколько это — вожделение. А всякое претерпевание, в том отношении, что мы претерпеваем самим этим претерпеванием, не является грехом. Так точно и если мы претерпеваем страх, то это — не грех. [Ход рассуждения здесь похож на то], как если бы сказали: «Если нечто двуного, то это не домашнее животное». И если в подобном случае нет [логического] следования на том основании, что существует много двуногих домашних животных, то нет [логического] следования и в нашем случае из-за того, что многое из претерпеваемого нами — грехи. Ибо против говорят, что из претерпевания нами страха следует, что это — не грех, однако признав [при этом], что нечто из претерпеваемого нами — грехи.

Вопрос 78. О красоте изображений

То высшее Искусство всемогущего Бога, посредством Которого из ничего было сотворено все (Ср. Ин 1:3), именуемое также Его Премудростью, Само действует также и через мастеров, чтобы делали они прекрасное и соразмерное. Хотя они производят [уже] не из ничего, но из некоей материи, а именно из дерева, мрамора или слоновой кости и из любого другого вида материи, подчиняющейся рукам мастера. И они не могут произвести чего-либо из ничего, ибо действуют посредством тела, однако при этом те элементы и соразмерность очертаний, которые посредством тела придают они телу, они берут в душе от высшей Премудрости, придавшей гораздо более искусно всему телу мира,

произведенного ею из ничего, сами элементы и саму соразмерность. В этом [мире] находятся также и тела живых существ, которые производятся уже из чего-либо, а именно из элементов мира, но гораздо более могущественно и прекрасно, чем когда искусные люди те же самые фигуры и формы тел повторяют в своих творениях. Ведь не всю соразмерность человеческого тела можно обнаружить в статуе, однако всякая [красота], обретаемая здесь, переносится душою мастера от той Премудрости, которая естественным образом производит самое тело человека. И поэтому не следует высоко ценить тех, кто делает подобные произведения или восхищается ими, ибо душа, привлеченная меньшими вещами, создаваемыми телесно посредством тела, меньше обращается к высочайшей Премудрости, от которой имеет таковые способности. И пользуется она ими плохо, пока упражняет их во внешнем, ибо, любя то, в чем она упражняет их, она презирает их внутреннюю постоянную форму и становится беднее и немощнее. И из этого можно понять, насколько уклонились от истины те, кто даже почитают подобные творения. Ибо если бы они почитали сами тела живых существ, произведенные гораздо более совершенно и служащие образцом для этих [изображений], то что может для них быть более жалким, [чем это]?

Вопрос 79. Почему чародеи фараона сотворили некие чудеса, подобно Моисею, служителю Божию? (Ср. Исх.7-8)

1. Всякая душа отчасти обладает властью над чем-то лично своим, а отчасти сдерживается и управляется законами целого как законами общественными. И поскольку всякая видимая вещь в этом мире имеет поставленную над ней ангельскую власть, о чем свидетельствуют и несколько мест Божественного Писания, то [душа] по отношению к тому, над чем [в свою очередь] она поставлена. нечто делает как бы в соответствии с частным правом, а нечто вынуждена делать как бы для общественной пользы. Ведь целое могущественнее, чем часть, поскольку часть, делая нечто частным образом, лишь настолько получает позволение делать это, насколько дозволяет закон целого. Впрочем, всякая душа настолько более чиста в отношении благочестия, насколько, меньше услаждаясь своим частным обращается к закону целого и повинуется ему преданно и охотно. Ибо закон целого — это Божественная Премудрость. А чем больше находит [душа] удовольствия в своем частном и, презрев Бога, управляющего с пользой и спасительно всеми душами, желает быть вместо Бога сама себе или другим, кому сможет, более любя свою власть над собой или другими, чем Его власть над всеми, — тем более жалкой она является и тем сильнее вынуждена в порядке наказания служить Божественным законам, как общественным. Итак, чем больше человеческая душа, отвергнув Бога, станет услаждаться своими достоинствами или своей властью, тем больше будет предаваться силам, радующимся своему частному и жаждущим быть почитаемыми людьми в качестве богов. И Божественный закон часто дозволяет этим [силам], чтобы тем, кого они подчинили себе по их заслугам, на основании этого частного права они показывали некие чудеса, совершаемые в тех вещах, над которыми они поставлены на самом низшем, но справедливейшем уровне власти. Но где повелевает Божественный, как бы общественный, закон, он непременно побеждает частное установление, хотя не существует и самого частного установления, если нет [на это] дозволения вселенской Божественной власти. А потому и происходит, что святые служители Божий, если полезно, чтобы они имели этот дар, в соответствии с общественным и как бы царским законом, то есть по власти Вышнего Бога, побуждают низшие власти сотворить некое видимое чудо. Ведь в них повелевает Сам Бог, поскольку они — храм Его и, презрев свою личную власть, пламенно любят Его. А в колдовских повелениях [злые духи], чтобы подчинить себе тех, кому даруют таковое с целью обольщения, предоставляют успех их молитвам и мистериям, даруя в соответствии с личным правом то, что позволено им дать хвалящим их, служащим им и соблюдающим некое соглашение с ними в их таинствах. И если кажется, что чародеи повелевают, то [при этом] они устрашают низших [духов] именами более высоких, чтобы явить удивляющимся нечто видимое, что по немощи плоти кажется великим тем из людей, кто не способен созерцать вечное, являемое любящим Его Самим истинным Богом. А допускает [успех чародеев] Бог, все справедливо устроивший, чтобы сообразно страстям и желаниям распределить их служения и свободы, и если когда-либо призыванием Вышнего Бога они добиваются чего-либо по своим злым стремлениям, то это кара, а не благодать. Ведь не зря сказал апостол: «Предал их Бог в похоти сердца их» (Ср. Рим. 1:24). Ибо склонность к совершению

некоторых грехов — это наказание за другие, предшествующие.

- 2. А что касается сказанного Господом: «Невозможно, чтобы сатана изгонял сатану» (Ср. Мк.3:23), то, чтобы кто-либо не счел, если изгонит он демонов, пользуясь именами неких низших властей, что это изречение Господа ложно, пусть поймет он, что это сказано в том смысле, что в подобном случае сатана, даже если щадит тело или телесные чувства, то для того щадит, что бы господствовать с большим торжеством посредством заблуждения нечестия в самой воле человека. И таким образом не исходит сатана, но скорее проникает еще глубже, чтобы действовать [в человеке] так, как говорит апостол: «Сообразно князю господства этого воздуха, действующего ныне в сынах противления» (Ср.Еф.2:2). Ибо не станет он смущать или истязать их телесные чувства или же угнетать их тела, но будет царствовать в их воле или, скорее, страстном желании.
- 3. А когда говорит [Господь], что лжепророки сотворят многие знамения и чудеса, чтобы, если это возможно, прельстить даже и избранных (Ср. Мф.24:24), то этим Он, разумеется, дает нам понять, что даже грешные люди творят некие чудеса, которых не могут сделать святые. Однако не следует из-за этого считать, что их положение перед Богом лучше. Ведь чародеи египетские не были более приятны Богу, чем народ Израильский на том основании, что не мог этот народ сделать совершенного ими, хотя Моисей силой Божией смог больше (Ср. Исх.7-12). Но с той целью не всем святым это даруется, чтобы немощные не впали в весьма губительное заблуждение, полагая, что в подобных деяниях заключаются большие дары, чем в делах праведности, которыми приобретается вечная жизнь. Поэтому Господь запрещает ученикам радоваться в подобных случаях, говоря: «Не тому радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь, что имена ваши написаны на небесах» (Лк.10:20).
- 4. Поэтому, когда чародеи делают то, что иногда совершают и святые, то внешне это кажется одинаковым, но совершается с разной целью и по разному праву. Ведь первые совершают, ища своей славы, а вторые — славы Божией, первые творят благодаря тому, что позволено властям в частном порядке, подобно частной торговле и благотворению, а вторые — в порядке общественного управления по приказу Того, Кому подчинено все творение. Ведь одно дело, когда владелец вынужден дать коня воину, а другое — когда он продает его купцу, либо кому-либо дарит или одалживает. И как многие дурные воины, которых осуждает императорский порядок, при помощи знаков императорской власти для своей выгоды запугивают некоторых владельцев и вымогают у них то, что не приказано им общественным правом, так точно иногда и дурные христиане, раскольники или еретики именем Христовым или же при помощи христианских слов и таинств требуют чего-либо от властей, обязанных повиноваться достоинству Христа. И когда те подчиняются воле дурных повелителей, то подчиняются, чтобы совратить людей, заблуждению которых радуются. Поэтому по-разному творят чудеса чародеи, хорошие христиане и христиане дурные: чародеи — при помощи частных соглашений, добрые христиане — благодаря общественной справедливости, дурные христиане — при помощи знаков общественной справедливости. Не удивительно, что эти знаки действуют, когда используются ими [то есть дурными людьми], если, даже будучи захвачены иноземцами, которые вовсе не принадлежат к этой службе, они все же имеют силу из-за достоинства величайшего императора. Из подобных [людей] был тот, о ком возвестили ученики Господни, что он изгоняет именем Его демонов, хотя и не ходит с ними (Ср. Лк.9:49). А если подобные власти не повинуются этим знакам — значит, сокрытым образом Сам Бог запрещает [им], ибо находит это справедливым и полезным. Ведь никоим образом никакие духи не решатся пренебречь этими знаками, поскольку боятся их, где бы ни увидели. Но, при неведении людей, приказывается по Божиему изволению [нечто] другое, или для посрамления злых, когда надлежит, чтобы они были посрамлены (как мы читаем о сыновьях Скевы в Деяниях Апостолов, которым сказал нечистый Дух: «Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» (Деян.19:14-15)), или для наставления добрых, чтобы преуспели в вере и могли совершать подобные [действия] не хвастливо, но с пользой; или же для различения даров членов Церкви, как говорит апостол: «Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений?» (1Кор.12:29-30). Поэтому скорее всего по этим причинам, как сказано, при неведении людей, повелевается от Бога, чтобы, когда эти знаки употреблены, такого рода власти не повиновались людской воле.
- 5. А если злые часто наносят ущерб добрым, то получают власть над ними для большей пользы добрых, ради упражнения в терпении. Итак, христианская душа пусть всегда старается в своих страданиях следовать воле Господа своего, чтобы не навлечь на себя более тяжкого осуждения, противясь определению Божию. Ведь то, что Сам Господь, действуя как человек, сказал Понтию Пилату, это же и Иов мог сказать диаволу: «Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не

было дано тебе свыше» (Ин.19:11). Поэтому не воля того, кому дается власть злобы по отношению к добрым, но воля Того, Кем дается эта власть, должна быть для нас дороже всего. «Ибо скорбь производит терпение, терпение — опытность, опытность — надежду; а надежда не постыжает, поскольку любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (Рим.5:3-5).

Вопрос 80. Против аполлинаристов

- 1. Некоторые еретики, которые, как говорят, называются аполлинаристами от некоего Аполлинария, учителя своего, объявляют, что Господь наш Иисус Христос, когда угодно Ему было стать человеком, не имел человеческого ума. Притом некоторые, примыкающие к ним и их усердно слушающие, нашли удовольствие даже и в этом превратном мнении, следуя которому [Аполлинарий] умалил в Боге человека, сказав, что Христос не имел ума, то есть разумной души, которой человек духовно различается от скотов. Но когда они поразмыслили между собой, то пришлось им признать, что если это так, значит, Единородный Сын Божий, Отчая Премудрость и Слово, через Которое все сотворено, воспринял некоего зверя с обликом человеческого тела. Это не понравилось им самим, однако [не послужило] к их исправлению, чтобы возвратиться им на путь истины и исповедать, что Премудростью Божией был воспринят весь человек без всякого умаления природы, но, решившись на еще большую дерзость, они, устранив от Него и самую душу и все, относящееся к жизни, сказали, что Он воспринял лишь человеческую плоть. И при этом они пускают в ход свидетельство из Евангелия и, не разумея этого выражения, по своему нечестию отваживаются выступать против кафолической истины, говоря, что написано: «Слово стало плотью и обитало в нас» (Ин.1:14). На основании этих слов им угодно [считать], что Слово так соединилось и срослось с плотью, как если бы между ними не было здесь не только ума, но и человеческой души.
- 2. И им прежде всего надлежит ответить, что сказано так в Евангелии, поскольку принятие Господом человеческой природы простерлось вплоть до [восприятия] видимой плоти, и во всей этой целостности восприятия Слово — нечто изначальное, а плоть — нечто предельное и крайнее. Итак, евангелист, желая передать снисхождение смирения ради нас «смирившего Самого Себя» Бога и описывая, до какой степени смирил [Он Себя], называет [Его] Словом и плотью, пропуская природу души, которая ниже Слова, но выше плоти. Ведь больше передает он смирение, сказав: «Слово стало плотью», чем если бы сказал: «Слово стало человеком». Ибо если слишком внимательно исследовать эти слова, то некто, не менее превратный, на основании этих слов может напасть на нашу веру и поиному, сказав, что Само Слово изменилось, превратилось в плоть и прекратило быть Словом, поскольку написано: «Слово стало плотью». Ибо плоть человеческая, когда становится прахом, не есть плоть и прах, но из плоти получается прах, и, в соответствии с общеупотребительной манерой выражения, все, что становится тем, чем не было, перестает быть тем, чем было. Однако мы не так понимаем эти слова. Но даже и сами еретики понимают их вместе с нами таким образом, что, в то время как Слово остается тем, что Оно есть, сказано так: «Слово стало плотью», потому, что Оно приняло образ раба, а не потому, что Оно превратилось в этот образ через некую перемену. Затем, если повсюду, где упомянута плоть и не сказано о душе, это надлежит понимать, признавая отсутствие здесь души, то не имели души и те, о ком сказано: «И увидит всякая плоть спасение Божие» (Лк.3:6), и то, что сказано в Псалме: «Услышь молитву мою, к тебе всякая плоть придет» (Пс.64:3), и то, что сказано в Евангелии: «Так как Ты дал Ему власть над всякой плотью, чтобы все, что Ты дал Ему, не погибло, но имело жизнь вечную» (Ср. Ин.17:2). Из этого ясно, что люди [целиком] обычно обозначаются упоминанием одной лишь плоти. Поэтому и в отношении данного места также можно понять, что сказанное: «Слово стало плотью», не означает ничего другого, кроме того, что Слово стало человеком. Ведь именуя целое при помощи части, и одну душу часто считают человеком, как написано: «Все души, перешедшие в Египет» (Быт.46:27). Точно так же, именуя целое при помощи части, когда упоминают одну плоть, имеют в виду всего человека, как в тех [местах Писания], которые мы предложили.
- 3. Итак, на предложенное ими возражение из Евангелия мы ответили таким образом, что не найдется [теперь] человека столь безрассудного, чтобы он усмотрел в этих словах [Писания] нечто обязывающее нас веровать и исповедовать, что Посредник Бога и человеков, человек Христос Иисус (Ср. 1Тим 2:5) не имел человеческой души. Теперь и я спрошу, как они ответят на наши вполне ясные

возражения, в которых мы подтверждаем при помощи бесчисленных мест Евангельских Писаний то, что рассказано о Нем евангелистами, [а именно], что Он был в тех состояниях, которых не могло бы существовать без души. Ведь не от себя предлагаю я это, но Сам Господь весьма часто упоминает о подобном: «Душа Моя скорбит смертельно» (Мф.26:38); и: «Имею власть отдать мою душу, и имею власть опять принять ee» (Ин.10:18); и: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15:13). Упрямый спорщик может мне возразить, что Господь говорит это образно, как в действительности многое сказано в Его притчах. Однако даже если это и так, все же нет нужды упорствовать, ведь у нас есть повествование евангелистов, от которых мы узнали и то, что Он родился от Девы Марии, и схвачен был иудеями, и предан бичеванию, и распят, и убит, и погребен во гробе, причем все это не мог сделать Он без тела. И да не скажет никто, пожалуй, совсем уж лишившись ума, что следует понимать и это образно, — ведь сказано это теми, кто, насколько помнили, поведали о действительных событиях. Поэтому как приведенное выше свидетельствует, что у Него было тело, так и те состояния, которые происходят только лишь в душе и о которых мы читаем не реже у тех же самых повествующих евангелистов, показывают, что у Него была душа. И удивлялся Иисус (Ср. Мф.8:10), и гневался (Ср. Мф.21:12-13; Мк.11:15-17; Лк.19:45-46; Ин.2:13-16), и скорбел (Ср. Мк3:5), и радовался (Ср. Ин.11:15) и многое другое бесчисленное. Делал Он также и то, что показывает соединенные вместе действия души и тела, как например, то, что Он алкал (Ср. Мф.4:2), спал (Ср. Мф.8:24), устав от пути, сел (Ср. Ин.4:6) и прочее в том же роде. Ведь не могут они возразить, что также и в Ветхих Книгах упоминается гнев Божий, радость и некоторые движения подобного рода, однако не следует заключать из этого, что Бог обладает душой. Ясно, что все это сказано [там] в качестве пророческих видений, а не как достоверное повествование. Ведь упоминаются [там же] и члены Божий, и руки, и ноги, и глаза, и лицо и тому подобное; и как это не свидетельствует, что Он имел тело, так и вышеприведенное — что имел душу. И как в том повествовании, где упомянуты руки Христа, голова и все прочее, они указывают на Его тело, так же и те из движений души, которые названы в том же смысле в том же повествовании, указывают на Его душу. Ведь глупо верить евангелисту, говорящему, что Он ел, и не верить ему же, что Он алкал. И хотя не обязательно всякий, кто ест, алчет (ведь мы читаем, что и ангелы едят (Ср. Быт 18:8-9; Тов. 12:19), но что они алчут, не читаем), и не всякий, кто алчет, ест, если или неким долгом воспрещает себе, или нет у него пищи и возможности есть, — однако, поскольку евангелист повествует и о том, и о другом (Ср. Мф.4:2; 9:11), то должно верить и тому и другому, ибо вестник дел и событий и то и другое записал как историческое повествование. И как то, что Он ел, невозможно помыслить без тела, так и то, что алкал, не могло произойти без души.

4. Не пугает нас и та пустая и вздорная клевета, движимые которой противящиеся злобно говорят: «Значит, Он был подвержен необходимости, если действительно имел эти движения (affectiones) души». Ведь мы легко ответим: «Значит, Он был подвержен необходимости, поскольку был схвачен, бичеван, распят и умер». Пусть они наконец без упорства, если желают, уразумеют, что Он воспринял по Своему изволению страсти души, то есть душевные движения, по воле совершить домостроительство, однако истинные [страсти и движения], точно так же, как воспринял Он без всякой необходимости страсти тела, сообразно той же самой воле совершить домостроительство. Ведь мы как умираем, не желая, так и рождаемся не по своей воле, а Он осуществил и то и другое, как и подобало, добровольно, и однако осуществил вполне реально. Поэтому как упоминанием о необходимости ни нас, ни их никто не отлучит от веры в истиннейшие страсти Христовы, которыми утверждается [реальность] Его тела, так точно нас этим упоминанием о необходимости никто не отлучит от веры в истиннейшее душевное движение, по которому познаем мы Его душу. И самих еретиков не должно это отпугивать от признания кафолической веры, если только не отпугнет их гибельный стыд за мнение, подлежащее изменению; мнение хотя и ложное, однако долго безрассудно отстаиваемое.

Вопрос 81. О четыредесятнице и пятидесятнице

1. Всякое учение премудрости, служащее к просвещению людей, состоит в том, чтобы различать Творца и творение, и Его почитать Правителем, а творение признавать подчиненным. А Творец — Бог, от Которого все, через Которого все, в Котором все (Ср. Рим.11:34-36); и потому Троица — Отец, Сын и Святой Дух. Творение же частью невидимо, как душа, а отчасти видимо, как тело. Невидимое

выражается троичным числом, поскольку нам предписано любить Бога таким образом — «всем сердцем, всею душой и всем разумением» (Мф.22:37); а видимое — числом четверичным, по причине его очевиднейшей природы, то есть горячей и холодной, влажной и сухой; поэтому все творение целиком [обозначается] седмеричным числом. А потому всякое учение, распознающее и различающее Творца и тварь, выражают десятеричным числом. Это учение, до тех пор пока обозначается во времени посредством телесных движений, сохраняется верой и, как молоком, кормит детей примером настающих и преходящих деяний, чтобы сделать их пригодными к созерцанию того, что не приходит и не преходит, но всегда пребывает. В силу этого всякий, когда ему поведано о Божественных деяниях, совершенных во времени ради спасения людей, или тех, о которых возвещается, что они должны совершиться в будущем, — если пребудет он в вере, станет надеяться на обещанное и с неутомимой любовью будет стараться исполнить то, что предписала Божественная власть, то должным образом проведет в этой нужде и этом времени жизнь, обозначаемую числом сорок. Ведь число лесять, выражающее все учение, когла взято оно четыре раза, то есть умножено на число. относящееся к телу. — ибо управление совершается посредством телесных движений, и оно, как было сказано, соблюдается верой. — составит число сорок. Таким образом достигает он постоянной и не нуждающейся ни в каком времени мудрости, обозначаемой числом десять, так что к сорока прибавляют десять, поскольку и равные части числа сорок, взятые вместе, достигают пятидесяти. А равные части в числе сорок такие: во-первых, сорок один раз, затем двадцать дважды, десять четырежды, восемь пять раз, пять восемь раз, четыре десять раз, два двадцать раз. Итак, один, два, четыре, пять, восемь, десять и двадцать, взятые вместе, дадут пятьдесят. Поэтому как число сорок, когда его равные части сложены, приобретает еще десять и становится числом пятьдесят, так и время веры в совершенные и имеющие совершиться ради нашего спасения вещи, проведенное со справедливостью жизни, достигает познания постоянной премудрости, чтобы учение утверждалось не только верой, но и познанием.

- 2. И потому нынешняя Церковь, хотя мы и сыны Божий, однако не явилось пока еще то, чем будем, пребывает в трудах и скорбях, и праведный в ней живет верой (Ср. Рим.1:17). Ведь говорит [пророк]: «Если вы не уверуете, не уразумеете» (Ис.7:9). Это то время, в продолжение которого мы страдаем и мучимся, ожидая искупления тела нашего (Ср. Рим.8:23); оно обозначается четыредесятницей. «Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин.3:2); [то есть] когда к сорока добавится десять, чтобы мы удостоились не только верить в относящееся к вере, но и познавать ясную истину. Такая Церковь, в которой не будет никакой скорби, никакой примеси дурных людей, никакого нечестия, но будут радость, мир и ликование, предызображается праздником Пятидесятницы. Поэтому после того, как Господь наш воскрес из мертвых, проведя сорок дней с учениками Своими, то есть обозначив посредством этого числа временное домостроительство, относящееся к вере, восшел Он на небо (Ср. Деян.1:3-9) и по прошествии еще десяти дней послал Духа Святого (Ср. Деян.2:1-4), то есть посредством некоего вдохновения и жара любви к сорока добавилось десять для созерцания не человеческого и временного, но Божественного и вечного. И потому все это в целом, то есть число пятидесяти дней, должно отмечать как праздник радости.
- 3. А два эти промежутка времени, то есть первый тягостей и забот, и другой радости и безмятежности, Господь наш обозначает также и при помощи сетей, заброшенных в море. Ведь до страданий Его говорится о сетях, заброшенных в море и поймавших столько рыб, что едва достигли берега, таща сеть, и сети прорывались (Ср. Лк.5:6-7). Ведь не были они закинуты с правой стороны, ибо в то время в Церкви было много дурных, и не были с левой, ведь были также и добрые, но повсюду, чтобы обозначить смешение добрых и злых. А то, что сети прорывались, обозначает, что изза умаления любви возникли многие ереси. А после воскресения, так как желал Господь показать Церковь будущего времени, когда все будут совершенны и святы, повелел Он закинуть сети с правой стороны, и пойманы были сто пятьдесят три великие рыбы, причем ученики удивлялись, что, хотя их так много, сети не прорвались (Ср. Ин.21:6-11). Их величина обозначает величину премудрости и праведности, а число — само учение, ставшее совершенным как благодаря временному домостроительству, так и посредством вечного возрождения, и обозначаемое, как мы сказали, числом пятьдесят. Ведь поскольку не будет нужды тогда в телесных подспорьях, и в душе будут содержаться вера и премудрость, а душа обозначается, как мы сказали, числом три, то возьмем пятьдесят три раза, и будет сто пятьдесят. К этому числу добавляется Троица, поскольку все это совершенствование освящено во имя Отца и Сына и Святого Духа; и таким образом получится сто пятьдесят три, то есть число рыб, пойманных с правой стороны.

Вопрос 82. О том, что написано: «Ибо Господь кого любит, поражает, бьет же всякого сына, которого принимает» (Ср. Евр.12:6)

- 1. Многие ропшущие на учение Божие поднимают вопрос, когда видят, что праведные часто претерпевают тяжкие страдания во время этой жизни, [а именно] как будто вследствие этого нет для них никакой пользы от их служения Богу, поскольку или претерпевают они безразлично общие тяготы: и телесные, и от убытков, поношений и всего прочего, что смертные считают злом, или же даже больше других страдают ради слова Божия и праведности, которые вызывают у тяжко грешащих беспокойное возмущение, или клевету, или ненависть к проповедникам [слова Божия]. Им мы ответим, что если бы эта жизнь была у людей единственной, то вовсе не глупым показалось бы, что праведная жизнь или ничем не полезна, или даже вредна. Хотя не будет недостатка и в тех, кто так сравнит сладость праведности и внутреннюю радость от нее со всеми телесными трудностями и страданиями, переносимыми человеческим родом вследствие условий своей смертности, и со всем возбуждаемым несправедливо против праведно живущих из-за их праведности, что, [даже и] не принимая во внимание надежды на будущую жизнь, охотнее и радостнее будут страдать из любви к истине, чем роскошно пиршествовать от желания опьянения.
- 2. Но есть и те, кто полагают, что Бог несправедлив, когда видят праведных в скорбях и тягостях, или же, по крайней мере, если не дерзают называть Бога несправедливым, то или считают, что Он не заботится о людских делах, или что однажды установил Он необходимость судеб, вопреки которой даже и Сам ничего не делает, чтобы не оказалось, что непостоянство нарушает установленный Им порядок вещей. А некоторые думают нечто другое, [а именно], что Бог, бессильный в отношении чего-либо, не способен удалить от праведных этих зол. И здесь должно ответить, что не оказалось бы никакой праведности в людях, если бы Бог не заботился о людских делах. Ибо вся та человеческая праведность, которой человеческая душа может как придерживаться, поступая правильно, так и лишаться, греша, не запечатлевалась бы в душе, если бы не было некоей неизменной праведности, которая во всей ее полноте обретается праведными, когда они обращаются к ней, и во всей ее полноте оставляется грешниками, когда они отвращаются от ее света. Эта неизменная праведность воистину принадлежит Богу, и Он не простирал бы ее для просвещения обращающихся к Нему, если бы не заботился о людских делах. Если же Он позволяет, чтобы праведные переносили тягости, поскольку не желает поступать вопреки установленному Им порядку вещей, то и Сам не праведен, — не потому, что желает соблюдать Свое установление, но поскольку этот самый порядок вещей установил Он таким образом, что праведные подвергаются незаслуженным наказаниям. А всякий, кто полагает, что Бог бессилен в некотором отношении отвратить зло, претерпеваемое праведными, — безумствует, ибо не понимает, что как непозволительно называть Бога несправедливым, так непозволительно и отрицать, что Он всемогуш.
- 3. Когда, сообразуясь с обстоятельствами затронутого вопроса, все это вкратце установлено (ведь [только] вполне пагубному нечестию свойственно сомневаться, что есть Бог, и что Он справедлив и всемогущ), то нет никакой более вероятной причины того, что праведные люди в этой жизни по большей части несут тяготы, как та, что это [происходит], поскольку служит им на пользу. Ведь одна праведность свойственна ныне людям, [служа] для приобретения вечного спасения, а другая должна была быть предоставлена человеку, находившемуся в раю, для того чтобы удержать и не упустить то же самое вечное спасение. Ибо как праведность Божия состоит в том, чтобы предписывать полезное и воздавать наказания непокорным, а награды покорным, так праведность человеческая повиноваться полезным предписаниям. Но поскольку что для тела — здоровье, то для души блаженство, то подобно тому, как в отношении тела одни лекарства прописываются, чтобы не лишиться доброго здоровья, а другие — чтобы восстановить утраченное, так и в отношении всего положения человека, одни заповеди были даны сперва, чтобы не лишился он бессмертия, а другие предлагаются ныне, чтобы вновь приобрел это бессмертие. И что касается телесного здоровья, то, если кто-то не исполняет предписаний врача, необходимых для поддержания доброго здоровья, он впадает в некую болезнь и получает другие предписания, чтобы смог исцелиться. И этих предписаний часто оказывается недостаточно, когда болезнь серьезна, если не будет прибавлено врачом некоей помощи, по большей части тягостной и приносящей страдания, однако служащей к восстановлению здоровья. Поэтому и выходит, что человек, хотя и подчиняется уже врачу, однако все

еще терпит страдания не только от самой еще не излеченной болезни, но также и от помощи врача. Точно так же человек, пав вследствие греха в болезненную и бедственную смертность этой жизни, поскольку не захотел вначале подчиниться хранившей вечность и соблюдавшей здоровье заповеди, сделавшись больным, получил новые заповеди. И если он подчиняется им, то не напрасно уже зовется живущим праведно, однако страдания, до сих пор им претерпеваемые, переносит он или по причине не излеченной еще самой болезни, или вследствие помощи лекарства. И к этой помощи относится сказанное: «Ибо Господь кого любит, поражает, бьет же всякого сына, которого принимает». А те, кто, не исполняя в высшей степени спасительных заповедей, живут неправедно, вновь и вновь увеличивают свои болезни. Они даже и в этой жизни или от самих своих болезней терпят бесчисленные тяготы несчастий и страдания, или дополнительными наказаниями сострадательно уведомляются в каком зле они пребывают, чтобы то, что не здорово, было поражено и страдало, и они, обратившись к лечению, стали здоровы по благодати Божией. И если пренебрегут всем этим, то есть заповедями слов и страданий, то стяжают себе после этой жизни справедливое вечное осуждение. И потому лишь тот может сказать, что все это происходит несправедливо, кто, полагая, что существует лишь та смертная жизнь, которую ведем мы ныне, не верит в предсказанное Богом грядущее. И таковой понесет тяжелейшие кары за упорное пребывание в грехах и свое неверие.

Вопрос 83. О супружестве, к тому, что сказал Господь: «Если кто отпустит жену свою, за исключением вины в прелюбодеянии» и прочее (Ср. Мф.5:32)

Если Господь разрешил отпускать жену только в случае прелюбодеяния и не запретил разрывать языческое супружество, то, следовательно, язычество причисляется к прелюбодеянию. Ясно, что Господь, когда говорит в Евангелии о жене, которую должно отпускать, делает лишь одно исключение, а именно случай прелюбодеяния. А разрывать языческое супружество здесь не запрещено, поскольку, когда апостол дает совет по поводу того, чтобы не отпускал верующий желающую остаться с ним неверующую супругу, говорит: «Я говорю, не Господь». Поэтому думается, что Господь, разумеется, не приказывает, чтобы [жену-язычницу] отпускали, — иначе окажется, что апостол советует против Его повеления. — но все же разрешает [это], чтобы никто в этом деле не был связан необходимостью повеления, но мог поступать по совету свободной воли. Однако если кто-либо станет настаивать, что Господь относит к причине, по которой следует отпустить жену, лишь то прелюбодеяние, которое обычно зовется прелюбодеянием, то есть происходящее в незаконном сожительстве, то можно сказать так: Господь, говоря об этом, сказал о двух верующих, и муже и жене, так что если оба верующие, никому не должно оставлять другого, кроме как в случае прелюбодеяния; и здесь невозможно иметь в виду язычество, поскольку оба верующие. Ведь кажется, что так разделяет и апостол, когда говорит: «Тем же, кто пребывает в супружестве, заповедаю не я, но Господь, чтобы жена не уходила от мужа, но если уйдет, да останется незамужней или да соединится вновь с мужем своим» (Ср. 1 Кор.7:10-11). И из этого понятно, что даже если жена уйдет от мужа по одной той причине, по которой допускается оставление супруга, должна она оставаться незамужней, или, если не удерживается, то лучше ей вновь соединиться с мужем или исправившимся, или, во всяком случае, подлежащим терпению, чем выйти замуж за другого. Далее апостол продолжает и говорит: «И муж жену да не отпускает» (Ср. 1 Кор.7:11), кратко советуя в отношении мужа то же, что заповедал в отношении жены. Внушив это на основании Господней заповеди, продолжает так: «Прочим же я говорю, а не Господь: Если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то да не отпускает ее; и если жена имеет мужа неверующего, и он согласен жить с ней, да не отпускает мужа» (Ср. 1 Кор.7:12-13). И таким образом [апостол] дает понять, что Господь говорит о том, чтобы никто не отпускал другого, если оба супруга верующие.